С. Г. ЧАВАЙН

ЭЛНЕТ

С. Г. ЧАВАЙН ЭЛНЕТ

С. Г. ЧАВАЙН

ЭЛНЕТ

РОМАН

Перевод с марийского
Вл. МУРАВЬЕВА

ЙОШКАР-ОЛА
МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

С (Мар.)
Ч 12

Общественная редколлегия:
*К. К. Васин, А. Е. Иванов, П. В. Краснов,
А. С. Крупняков, А. Т. Липатов, Г. И. Матюковский,
К. Г. Медяков, В. Б. Муравьев, В. С. Столяров.*

Основоположник марийской литературы С. Г. Чавайн в своем романе рисует картины жизни и быта крестьянства и сельской интеллигенции в предоктябрьский период. В романе показана острая классовая борьба крестьян за землю. Непримиримость различных слоев населения отражена во взаимоотношениях между представителями местной власти и учителем Ветканом Григорием Петровичем, выходцем из трудового народа.

Ч $\frac{70803-085}{М\ 129-81}$ 53—81

© Марийское книжное издательство, 1981

ПЕРВЫЙ МАРИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Марийская литература родилась 5 декабря 1905 года.

Именно в этот день семнадцатилетний юноша, ученик, или, как тогда говорили, воспитанник Казанской инородческой учительской семинарии, Сергей Григорьев, мариец из деревни Малый Корамас, написал стихотворение «Роща».

Это стихотворение было не только первым стихотворением юного поэта, оно было вообще первым оригинальным литературным произведением на марийском языке.

Вот эти десять строк, с которых началась марийская литература:

В нашем краю есть одна тихая роща,
Стоит эта роща на берегу большого озера.
Здесь растут деревья, раскидистые из раскидистых,
Здесь родятся цветы, прекрасные из прекрасных.
Здесь, в чаще зеленой листвы, поет соловей,
Из этой рощи в озеро течет светлый ручей.
Здесь и травы самые зеленые,
Здесь и цветы самые красивые.
Я люблю эту рощу,
Я проклинаю того, кто рубит ее деревья[1].

Когда автор прочел свое стихотворение товарищам, оно произвело на них огромное впечатление, вызвало бурный восторг и было воспринято как чудо, явившееся из ничего.

Когда-то А. А. Фет пророчествовал:

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона...
К зырянам Тютчев не придет...

К счастью, иногда жизнь опровергает самые пессимистические пророчества.

В конце 80-х годов профессор Казанского университета врач М. Ф. Кандаратский опубликовал иссле-

[1] Перевод подстрочный.

дование «Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии», в котором писал: «Грустно писать исследование о таком племени, как черемисы. (Черемисы—дореволюционное название марийцев.—В. М.) Печально настоящее этой народности, печально прошедшее и еще печальнее будущее... Представляя в настоящее время такое печальное положение, как со стороны духовных, так и со стороны своих физических качеств... черемисы... находятся на пути к вымиранию, и... это вымирание не только близко, но уже наступает в очень многих деревенских обществах».

Сергей Григорьевич Григорьев, впоследствии взявший себе литературный псевдоним Чавайн, родился в марийской деревне Малый Корамас (ныне Моркинского района Марийской АССР) в 1888 году. В том самом году, в котором Кандаратский писал свое исследование о вымирании черемис.

По его собственному признанию, Сергей Григорьевич Чавайн начал помнить себя с трех лет, с осени 1891 года. Первое детское воспоминание — картина проводов в солдаты дяди Йывана, младшего брата отца.

Тысяча восемьсот девяносто первый год был годом страшного народного бедствия — голода, огромного по масштабам, охватившего все Поволжье и всколыхнувшего Россию.

Но в марийских деревнях голод был обычным явлением. В статистическом обзоре Казанской губернии за 1890-й, сравнительно благополучный, год, подведя итоги и распределив собранный урожай на количество едоков, чиновник, составлявший обзор, сделал красноречивое примечание: «Всего этого хватит на ползимы».

Родители и деды Чавайна были бедняки из бедняков. Бедность была хронической, безнадежной и привычной: жалкие урожаи, вечные недоимки, долги... Обе его бабки зачастую надевали суму и отправлялись по окрестным деревням побираться.

Нищенство не считалось зазорным, в таком положении мог оказаться да и оказывался в трудную пору жизни почти каждый. «От сумы да от тюрьмы не зарекайся».

Еще одно воспоминание детства: старшина, староста, урядник и стражник за неуплату податей уводят со двора корову. Мать плачет, отец молчит, понурившись...

Лет с семи-восьми Сергей Григорьевич, как это и велось в бедняцких семьях, начал помогать отцу — и в полевых работах, и в лесу — пилить дрова, гнать смолу. Обычная судьба бедняка.

Но при невероятной тяжести жизни, при отнимающей все силы физической работе, при угнетающей, раздавливающей человека бедности, при отсутствии самых элементарных условий для развития национальной культуры, при отсутствии даже собственной письменности — духовная жизнь народа все же существовала. А главное, в народе существовало сознание необходимости духовной жизни, и это служило залогом духовного и физического возрождения народа при изменении в лучшую сторону социальных условий.

Отец Чавайна был неграмотен, никогда не держал в руках книги, но сына отдал в церковноприходское училище, затем позволил посещать начальную двухклассную школу братства св. Гурия, и, когда мальчик в 1904 году успешно окончил ее и учителя порекомендовали ему продолжать учебу в Казанской учительской семинарии, отец согласился и на это.

В деревне не было обычая по доброй воле отпускать из дому работника. Соседи смеялись над отцом и зло упрекали его:

— Ну и дурак же ты, Григорий, отправил сына в школу. Думаешь, он будет кормить тебя, когда выучится?

Но отец только сказал сыну:

— Я тебе в учебе не препятствую, учись, если можешь, тут я тебе не советчик: человек я темный, как надо поступить, не знаю. Но одно знаю: темному человеку трудно живется. Мы плохо живем, может быть, ты увидишь светлые дни.

Факты личной биографии у каждого писателя в той или иной степени влияют на характер творчества. У Чавайна же это влияние явилось определяющим все — темы, мировоззрение, художественный строй. Личный опыт, личные впечатления, воспоминания отразились буквально в каждом его произведении. Но так как собственная судьба писателя была отнюдь не исключительной, а в главном повторяла судьбы многих тысяч его земляков, то его опыт, впечатления и воспоминания отразили жизнь народа. Личное начало в произведениях Чавайна как бы конкретизирует об-

щее. В 1935 году, отвечая на приветствия по поводу его юбилея, С. Г. Чавайн сказал:

— Огонь творчества в моем сердце зажегся не для моей личной славы, а ради моего народа, ради его просвещения, чтобы он увидел счастливую жизнь. Горе народа было моим горем, его радости моими радостями. Я никогда не думал обособить себя от народа, от его судьбы.

Историческая судьба марийского народа была неотделима от общероссийской и определялась развитием революционного освободительного движения.

С. Г. Чавайн поступил в Казанскую инородческую учительскую семинарию в 1904 году.

Открытая в 1872 году семинария, по мысли ее основателя Н. И. Ильминского, преследовала миссионерские цели, готовила учителей, способных в национальных начальных школах на национальных языках осуществлять «религиозное и патриотическое» воспитание и обучение и способствовать «обрусению инородцев и совершенному слиянию их с русскими и по вере и по языку».

Первые десятилетия существования семинария как будто бы оправдывала свое предназначение, но в начале 1900-х годов положение резко изменилось.

Сложившаяся в стране революционная ситуация, на которую особенно отзывчивы бывают наиболее угнетаемые классы, слои и группы общества (а малые народности России как раз испытывали двойное угнетение), и достаточная степень образованности, позволяющая сознательно участвовать в движении протеста,— все это явилось причиной того, что в 1905 году семинаристы оказались чрезвычайно податливы на революционную агитацию.

В семинарии организовался резолюционный кружок, читали революционную литературу, слушали агитаторов, сами распространяли листовки. С. Г. Чавайн вспоминает:

«Мы собирались тайком по 3—4 человека, иногда в классе музыки, иногда в раздевалке, изучали политэкономию. Вели кое-какую работу среди народа. Однажды я привез из Казани в деревню полную сумку прокламаций».

Один из тогдашних руководителей казанских большевиков, А. Аросев, пишет: «Учительская семина-

рия сама пронюхала о нашем существовании и влилась к нам целой организацией — человек в 20. Народ это был крепкий и решительный».

Революция 1905—1907 годов в марийских уездах ознаменовалась крестьянскими волнениями, созданием в некоторых городах и селах, имевших промышленные предприятия, социал-демократических кружков, первыми рабочими демонстрациями и забастовками.

Как и всюду в национальных районах, борьба против социального угнетения соединялась с борьбой против угнетения национального. Особенно остро национальное угнетение чувствовала интеллигенция, начался бурный процесс роста национального самосознания. С. Г. Чавайн отмечал, что если раньше марийские интеллигенты порой даже стыдились своего марийского происхождения, то после 1905 года среди них пошли разговоры о марийской культуре, кое-кто поговаривал и о марийской автономии.

Марийская интеллигенция обратилась к изучению истории своего народа, древней языческой религии, к собиранию фольклора.

История марийского народа уходит в глубокую древность. Сведения о марийцах содержатся уже в древнейшей русской летописи «Повести временных лет»: «...А на Белоозере сидит весь... А по Оке-реке — там, где она впадает в Волгу,— мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке».

Марийцы издавна жили на средней Волге, воюя с соседними племенами. С тех времен остались предания о марийских богатырях и князьях. Потом марийцы попали под власть казанского хана и опять дрались за свою свободу. В XVI веке участвовали на стороне русских в завоевании Казани. Были марийцы в вольнице Степана Разина, большое участие принимали в Пугачевском восстании.

Богатым, имеющим ярко выраженное национальное своеобразие, был марийский фольклор.

Защитникам, проповедникам и адептам национальной марийской культуры очень легко было скатиться к самому реакционному национализму, при котором все марийское считается хорошим уже только потому, что оно марийское.

С Чавайном и его товарищами по Казанской се-

минарии этого не произошло, потому что они с первых шагов оказались связанными с революционным движением. Их деятельность была направлена не на проповедь национальной замкнутости, а на создание национальной культуры, на просвещение народа, на революционизацию его и на участие на равных правах с другими народами в освободительном движении.

Впоследствии — в годы революции, гражданской войны и советского строительства — многие ученики Казанской учительской семинарии стали коммунистами, активными участниками борьбы за установление Советской власти, осуществлявшими советскую автономию малых народностей: марийцев, удмуртов, чувашей, коми и других,— видными деятелями советской науки, литературы и искусства. В этом была своя закономерность

С. Г. Чавайн стал писателем.

В Унжинской школе, в которой он учился до семинарии, преподавал русский и марийский языки П. Г. Григорьев — один из первых марийских революционеров-интеллигентов. Он открыл Чавайну русских писателей и поэтов-классиков. В семинарии тоже были сильны литературные интересы.

Среди любимых авторов семинарских лет Чавайн называет А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Никитина, А. В. Кольцова, М. Ю. Лермонтова. Он начинает переводить отдельные стихотворения русских поэтов-классиков на марийский язык. Это был первый, но решительный шаг, так как до этого на марийский язык переводились только религиозные книги, и считалось, что для передачи художественных литературных произведений он слишком беден.

Переводить стихи русских поэтов-классиков на марийский язык Чавайн начал в 1905 году и вскоре сделал следующий шаг, перейдя к созданию оригинальных произведений. «Стихи Кольцова совсем как русские народные песни,— описывает Сергей Григорьевич ход своих мыслей в то время.— Поэтому мне запала в ум мысль: написать стихи на марийском языке, похожие на марийские песни». Он не делает оговорки «на народные», потому что никаких иных тогда у марийцев не было.

И вот, 5 декабря 1905 года С. Г. Чавайн осуществил свой замысел, написав стихотворение «Роща».

В это же время он избирает себе литературный псевдоним «Чавайн», то есть принадлежащий к роду Чавая — легендарного марийского богатыря, жившего в XVI веке.

На развитие и направление творчества С. Г. Чавайна и тем самым на развитие марийской литературы с первых же шагов оказали мощное воздействие революционно-освободительное движение, марийский фольклор и передовая русская литература. Поэтому уже на начальном этапе марийская литература приобрела народное — демократическое и просветительское направление.

В 1905—1907 годах Чавайн создает ряд стихотворений, одни названия которых дают ясное представление об их характере: «Заря», «Жена бедняка», «Идите, друзья, без страха», «Знание сильнее бога»...

Гимном учению, знанию является одно из наиболее популярных дореволюционных стихотворений С. Г. Чавайна «Книга»:

О книга, книга!
Ты всемогуща:
Кто прочтет тебя,
Увидит то, что скрыто облаками,
Проникнет разумом в земные недра...[1]

В 1907 году в Казани начинает выходить первое периодическое издание на марийском языке «Марийский календарь», своеобразный альманах, в котором печатались просветительские заметки, марийские стихи, басни, марийский фольклор. В частности, стихотворение Чавайна «Знание сильнее бога» было напечатано в «Марийском календаре».

От стихов Чавайн переходит к прозе. В 1908 году он пишет по мотивам старинных марийских преданий рассказ, или, вернее, маленькую повесть «Йыланда» — романтическую историю о марийском князе Йыланде и его жене-красавице Чачавий, отнятой у князя казанским ханом, и об участии Йыланды в завоевании Казани русским государством.

Несколько рассказов и стихотворений Чавайна составили первую его книгу, первую книгу художественных произведений на марийском языке — «Из прошлой жизни марийского народа», вышедшую в 1908 году.

Говоря о Чавайне, очень часто приходится употреб-

[1] Перевод подстрочный.

лять слово «первый»: первое стихотворение, первый рассказ, первая книга. Это неизбежно, потому что он был первым марийским писателем, и все тогда в марийской литературе было первооткрытием.

После окончания семинарии Чавайн работает учителем. Наступили годы реакции, изменилось направление «Марийских календарей», Чавайну стало негде печататься. Кроме того, вплоть до революции он находился под негласным полицейским надзором.

Новый творческий подъем С. Г. Чавайна начинается после победы Октябрьской революции.

Послереволюционный творческий путь Чавайна неразделим с теми процессами, которые проходила в своем развитии марийская литература и вся советская литература. Это был сложный, яркий, интересный и противоречивый путь, который можно определить как освоение принципов социалистического реализма.

В марийских газетах, начавших выходить с 1917 года, С. Г. Чавайн публикует новые стихи, посвященные победе революции, переводит текст «Интернационала», популярные русские революционные песни «Мы — кузнецы» Ф. С. Шкулева, «Песня коммунистов» В. Князева, стихи Демьяна Бедного. Он пишет пьесы, которые с успехом исполняются самодеятельными коллективами, а затем и профессиональным марийским театром. Перерабатывает написанные еще до революции свои прозаические произведения и пишет новые.

В произведениях С. Г. Чавайна первых послереволюционных лет отразилось общее для значительной части советской литературы, особенно поэзии, стремление к символам, выспренней декламации.

Но уже к середине 20-х годов в творчестве С. Г. Чавайна побеждает реалистическое начало. В 1929 году он пишет повесть «Дезертиры» — первое в марийской литературе значительное произведение о гражданской войне. В пьесе «Пасека» (1926—1927), посвященной судьбе марийской крестьянки, которой революция приносит раскрепощение, писатель дает реалистические, яркие и правдивые картины жизни марийской деревни. Именно поэтому «Пасека» до настоящего времени остается одной из наиболее любимых пьес.

Последующие произведения С. Г. Чавайна — пьеса «Марийская рота» (1931—1932), героическая драма

«Акпатыр» (1935) и особенно роман «Элнет» (1935—1937) явились новыми достижениями писателя.

В 20—30-е годы развитие марийской литературы шло необычайно быстрыми темпами, появились интересные поэты и писатели — О. Тыныш, О. Шабдар, Олык Ипай, М. Шкетан, Н. Игнатьев, Я. Ялкайн и другие, были созданы значительные произведения и в поэзии, и в прозе, и в драматургии. Но на всех этапах развития марийской литературы С. Г. Чавайн играет ведущую роль, выступая как бы разведчиком все новых и новых путей и возможностей, и сохраняет эту роль ведущего писателя в марийской литературе до 1937 года, когда оборвалась его творческая жизнь.

Одно из самых значительных произведений С. Г. Чавайна — роман «Элнет».

Над этим романом он работал в 1935—1937 годах.

В 1935 году в республике отмечали тридцатилетний юбилей творческой деятельности С. Г. Чавайна. Возможно, это послужило толчком к внутреннему желанию писателя осмыслить пройденный путь, подвести итоги. Он возвращается к истокам, к началу своей сознательной жизни.

Ко времени работы над романом «Элнет» жанр повести и романа утвердился в марийской прозе: уже были написаны романы М. Шкетана «Эренгер» и Н. Игнатьева «Савик», повести О. Шабдара, Я. Элексейна и других, но роман С. Г. Чавайна «Элнет» занимает в этом ряду особое место. В большинстве перечисленных выше романов и повестей марийских писателей преобладает изобразительность, живописность, сюжет, то есть иллюстративность, что вполне понятно, так как они вводили в литературу совершенно новый жизненный материал. С. Г. Чавайн создает качественно иное произведение, в котором главное — разрешение мировоззренческих вопросов, то есть писатель делает попытку создания не иллюстративного, а интеллектуального романа.

Основную проблему, которую ставит и решает С. Г. Чавайн в романе «Элнет», можно обозначить хорошо известной советской литературе формулой: «Интеллигенция и революция». Главный герой романа учитель-мариец Григорий Петрович Веткан. Через его судьбу писатель показывает путь марийской демократической интеллигенции к революции. Характерно, что

сначала Чавайн думал назвать роман «Дорога». Поиски своего места в жизни, в освободительной борьбе, моральные обязательства по отношению к народу, национальное и интернациональное,—вот круг вопросов, затронутых в романе. В образе Григория Петровича и в его мыслях нетрудно узнать первых марийских демократов-просветителей, таких, как П. Г. Григорьев, В. А. Мухин, и самого автора.

С. Г. Чавайн рисует правдивый образ интеллигента, не закрывая глаза на слабости своего героя, но и не окарикатуривая его, как это зачастую делали марийские писатели — его современники.

Своеобразен и художественный строй романа «Элнет». Он резко отличается от густого бытописательства марийской прозы тех лет романтичностью стиля, поэтичностью описаний, обилием очень личных лирических отступлений, насыщенностью текста фольклором. В романтической окраске предстают также и многие герои романа.

Ромач «Элнет» был задуман автором как трилогия. Первая часть ее написана в 1934—1935 годах и опубликована в 1936 году. Вторая часть закончена весной 1937 года, напечатана была в 1964 году. Третья часть, видимо, осталась незавершенной.

Роман «Элнет» написан более четверти века назад. Сейчас другие вкусы, другие требования к художественной мачере письма. Но классические произведения прошлого продолжают жить, несмотря на архаичность стиля, потому что, в конечном итоге, не формальчые достижения определяют долголетие литературного произведения, а их содержание и верное отражение духовной жизни человека на каком-то этапе истории человечества.

В романе С. Г. Чавайна «Элнет» запечатлено пробуждение национального самосознания марийского народа, передано радостное ощущение автором в себе творческих сил, ощущение освобождения и счастья первого шага по новому, неведомому отцам и дедам пути литературного творчества.

И каких бы высот ни достигла марийская литература, этим дыханием первооткрытия роман С. Г. Чавайна будет волновать читателя, как волнует все первое, изначальное.

Вл. Муравьев

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Летом под зеленой листвой я ходил,
Зимою по белому снегу ходил[1].

Марийская народная песня

1

Съезжая по некрутому склону в низинку, Сакар задел лыжей ильмовый куст. Упругий высокий прут хлестнул вершиной нависшую над ним еловую ветку, и на Сакара посыпался мягкий, пушистый снег. Он попал за воротник, запорошил разгоряченное лицо и сразу растаял, превратившись в прохладные, словно утренняя роса, капли. Сакар отер рукавом мокрые лоб и щеки, поднял голову и увидел, как сквозь густые ветви ели струятся чешуйки, похожие на маленькие коричневые листья. Он ухватился правой рукой за подвернувшийся на пути клен, описал около него полукруг и остановился, поставив лыжи поперек склона. Сакар снял с плеча ружье, а его острый охотничий взгляд побежал вверх по направлению падающих чешуек.

Почти на самой верхушке, закрывшись пушистым дымчатым хвостом и подняв торчком уши с черными кончиками, сидела белка и шелушила шишку, зажав ее в передних лапах.

Сакар сошел с лыж, встал под низкой, раскидистой пихтой, неторопливо прицелился. Лесную тишину разорвал ружейный выстрел. Белка, распушив и без того широкий хвост, полетела вниз.

---

[1] Стихотворные переводы Вл. Муравьева.

И в тот же миг с соседней ели в снег спрыгнул темно-коричневый зверек. Это была куница, которая тоже охотилась за белкой. Выпавший лишь вчера снег был пушистый и мягкий, но неглубокий. Куница в несколько прыжков перемахнула открытое место, взбежала по стволу на ель, росшую на другой стороне полянки, и, роняя с ветвей снег, пошла скакать с дерева на дерево.

Сакар в мгновение ока подхватил белку, метнулся к лыжам и помчался вслед за уходящей куницей.

Снег хороший, лыжи скользят легко. На ходу Сакар открыл пестерь[1], положил в него белку, перезарядил ружье. А сердце бьется. «Эх, взять бы эту куницу,— думает он,— сразу бы разделался с долгом старому Чужгану!»

Сакар устал, а куница, будто назло, все бежит и бежит. Вот уже и опушка сосняка. Куница перепрыгнула просеку и снова скрылась в лесу.

«Может быть, это вовсе и не куница? Может быть, это леший нарочно заманивает меня в чащу?»— подумал Сакар и стал про себя читать молитву.

Но куница от молитвы не сгинула: вон она скачет, стряхивая с ветвей снег. «Нет, надо, видать, не так, тут надо хитростью взять,— решил Сакар.— Все равно она от меня не уйдет...»

Сакар остановился, вынул из пестеря белку, осмотрел ее. Ничего не скажешь — хороша: шкурка выйдет крупная, мех крепкий. Пожалуй, за такую Чужган даст двенадцать копеек, а если снести на базар, выручишь все пятнадцать.

Но подстреленная белка только расстроила Сакара: ведь куница-то стоит самое малое десять рублей! Его руки сами собой сжали ружье, лыжи заскользили вдоль еле приметной дорожки, намеченной комочками снега, сбитого куницей с деревьев.

Куница свернула в овраг и пошла по верхушкам. Вдруг она учуяла резкий сладкий запах. Она на миг приостановилась, навострила уши. Вокруг было тихо. Преследовавший ее враг остался далеко позади. А запах манил, притягивал — он шел от осины, которая росла совсем близко, на краю вырубки. Куница перепрыгнула с ели на липу, с липы на пихту, спустилась на землю и по снегу побежала к осине, в стволе кото-

---

[1] Короб, сплетенный из бересты; носят обычно за спиной.

рой, метрах в десяти от земли, темнело дупло. Куница взбежала по толстому стволу и юркнула туда.

Вскоре след привел Сакара к той же осине. Он обошел дерево вокруг и уверенно сказал:

— Здесь!

Еще раз обошел осину, быстрым взглядом осмотрел ее от корня до вершины, отметил про себя: «Вход в дупло только один».

Сакар вынул из-за пояса топорик, стукнул обухом по стволу. Посыпался снег, но куница не показывалась. Ударил еще раз, и опять куница не вышла. «Вот упрямая... Ну ладно, раз так не получается, я могу и по-другому...» Сакар облюбовал молодую осинку, свалил ее, отрубил кусок в сажень длиной, сунул палку за кушак и по кривой липе, которая росла, прислонившись к осине, добрался до дупла. Топориком забил палку в отверстие дупла и обрубил ее так, что снаружи торчало всего с четверть аршина.

— Теперь не уйдет,— удовлетворенно проговорил он.

Сакар спустился с липы, встал на лыжи, достал из пестеря краюшку хлеба, закусил и, жуя зачерствевший холодный хлеб, пошел в сторону просеки.

Он вышел на просеку и увидел, что вдоль просеки трусит пегая кобыленка, запряженная в сани-розвальни. В санях сидел кудашнурский мужик Семен, по прозвищу Сирота, с мальчонкой, своим младшим сыном.

— Эй, дядя Семен, стой!— окликнул Сакар.

— Тпру-у! — остановил Семен лошадь. — А-а-а, Сакар. Чего тебе?

— Куда едешь, дядя Семен?

— Вывозить на кордон дрова.

— Пила у тебя есть?

— Есть.

— Дядя Семен, помоги мне тут одну осину спилить и подвези до дому. Я тебе за это рубль заплачу. Уж больно хороша осина на клепку. Сам знаешь, лошади у меня нет, все равно кого-нибудь придется нанимать.

— Ну что ж, вечерком можно подвезти. И ты до вечера походишь тут, глядишь, сколько-нибудь белок настреляешь.

— Нет, дядя Семен, не могу до вечера. А осина, понимаешь, позарез нужна... Ты уж мне привези сейчас, а на кордон завтра съездишь...

— Вот незадача!.. И дрова вывозить, говорят, срок

кончается... Что будем делать, Оньой?— поглядел Семен на сына и снова повернулся к охотнику.— А ты, Сакар, когда деньги отдашь?

— Завтра же и отдам.

— Где твоя осина-то?

— Айда за́ мной.

Семен завернул лошадь и без дороги, прямо по сугробам, поехал за парнем.

— Только вот что, Сакар, если встретим лесника, ты сам с ним договаривайся. Мое дело — сторона, я — подводчик, меня не впутывай.

— Не бойся, дядя Семен, я сам за все буду отвечать.

Через четверть часа подъехали к осине.

— Вот эта осина, дядя Семен,— сказал Сакар.

— А не с гнильцой ли она?

— Нет, что ты, крепкая.

— Ну ладно, держи!— Семен, взявшись за одну ручку поперечной пилы, протянул ее Сакару.

«Дзинь-дзинь»— вгрызалась пила в дерево. Вскоре осина задрожала, покачнулась и стала заваливаться.

Ударившись о землю, осина дала трещину по дуплу. Из трещины стрелой мелькнула куница и в один миг взлетела на самую вершину высокой ели. Сакар, подхватив ружье, погнался за зверем.

Подслеповатый Семен не увидел куницу, зато его сын успел заметить, что из дупла выскочил какой-то зверек.

— Что с ним?— удивленно проговорил Семен.— Осину спилили, а он убежал. Посмеялся, что ли, над нами?

— Он, тятя, за каким-то зверьком погнался. Такой темный зверек, вроде кошки.

— Может, куница была?

— Смотри-ка, тятя, смотри: пчелы лезут.

Из дупла медленно выползали пчелы и тут же замирали, прихваченные морозом.

Семен взялся за пилу:

— Давай-ка, сынок.

Они распилили осину чуть повыше и потом чуть пониже трещины, раскололи отпиленную плаху. Все дупло оказалось заполненным пчелиными сотами. Загустевший мед выступал из сот, как пихтовая смола.

— Что будем делать, сынок? Как повезем? Рубашку, может, скинешь?

Семен Сирота смахнул пчел, топором вырезал соты и принялся складывать их в рубашку, снятую сыном. Но только лишь он вырезал последний кусок, как за его спиной послышался громкий сиплый бас:

— Вы что тут делаете, а?!

Семен обернулся. У распиленной колоды стоял лесной объездчик Токтар.

— Мед воруете? Кто вам позволил? У кого разрешение спрашивали? А?— кричал Токтар.

— Капитон Иваныч, мы не сами... Нас Сакар сюда привел...

— Какой еще Сакар? Где он?

— За каким-то зверем побег.

— Побег?

— На лыжах побег.

— Куда?

— Вон в ту сторону,— махнул рукой Семен.

— А зачем осину спилил?

— Я не пилил, Сакар заставил.

— Опять Сакар! Какой Сакар?

— Из нашей деревни... Сакар Ефремов...

— Заворачивай кобылу, едем в казенный дом!

— Зачем в казенный дом?

— Протокол на тебя буду писать!

— Капитон Иваныч, не виноват я... Сакар ведь привел...

В это время вдали прогремел выстрел.

— Вон он, Сакар стреляет... Капитон Иваныч, отпусти с богом, не пиши протокол...

— Ну ладно, так уж и быть, обойдемся без протокола. А мед отвезешь ко мне домой, отдашь жене.

— Ой, спасибо! Вот спасибо тебе, Капитон Иваныч! А мед я тебе мигом доставлю. Вот сейчас поеду и отвезу...

— Значит, говоришь, Сакар в ту сторону убежал?

— Туда, туда, вон его лыжня.

— Ладно, пойду посмотрю, что он там, проклятый, стреляет. Небось без билета охотится.

Токтар побежал по лыжне, проложенной Сакаром. А Семен завернул лошадь и потихоньку поехал, направляясь к казенному дому-сторожке, где жил Токтар.

2

Сакар гнался за куницей, не отставая от нее. На одной высокой ели куница остановилась и притаилась в гуще ветвей. Сакар потерял ее из вида. Но она была тут, потому что здесь пропадали оброненные ею с ветвей комочки снега. Сакар отошел и спрятался под соседней елкой, не сводя глаз с той, на которой притаилась куница.

Совсем рядом длинноносый дятел долбил своим крепким, как сталь, клювом полузасохшую пихту, выуживая длинным, острым языком личинки короеда.

Голодная куница не выдержала. Прижимаясь к стволу, она стала бесшумно подкрадываться к дятлу. Зоркий охотничий глаз Сакара ясно различал среди темных ветвей ее блестящий мех...

Выстрел раздался, когда куница уже поджалась и напряглась, приготовившись к последнему прыжку. Она прыгнула, но ее острые когти не достали дятла. Распластавшись всем телом, куница свалилась в снег. Собрав последние силы, она попыталась встать на ноги, но тут подоспел Сакар и наступил на смертельно раненного зверька.

Куница скорчилась, затрепетала и, вытянувшись, замерла.

Сакар поднял убитую куницу. Он долго держал в руках еще теплое тельце, долго рассматривал мех, потом осторожно опустил в пестерь. И тут силы оставили его, он в изнеможении прислонился к елке... Куница! У него в руках драгоценная куница!.. Ведь это же такое богатство!..

Но тут Сакар вспомнил про Семена: «Как он там? Вышло, вроде, я подшутил над ним».

Сакар встал на лыжи и тронулся по своей лыжне в обратный путь.

Токтар, чертыхаясь, пробирался по следу Сакара. Тонкие прутья били его по лицу, сверху осыпал снег. Спускаясь с пригорков, он уже несколько раз падал.

— По такой чащобе только зверям да лешему дорога,— ворчал объездчик.— Добрый человек в такую глушь ни в жизнь не полезет.

Низко опустив голову, Токтар взбирался на крутой холм. Вдруг мимо, обдав его ветром и едва не задев,

стрелой промчался встречный лыжник. Токтар обернулся и крикнул:

— Стой!

Лыжник остановился. Токтар узнал Сакара.

— Стой!— повторил Токтар и торопливо стал спускаться вниз.

Лесник! Лесная охрана! У Сакара в пестере есть охотничий билет. Но по этому билету разрешается стрелять лишь белку и рябчика. А куница — дорогой зверь, на нее Сакар не имеет права охотиться. Да, добыв куницу, лучше не встречаться с лесной охраной. А уж если встретился, то удирай скорее. Уйдешь — твое счастье!

Сакар быстро стал взбираться по противоположному склону оврага и, только оказавшись на самом верху, оглянулся. Токтар остался далеко внизу. «Э-э, да этот увалень и на лыжах-то как следует стоять не умеет!— подумал Сакар и усмехнулся:— Обожди, вот заставлю я тебя попотеть!»

— Стой!— кричал Токтар.— Стой, а то стрелять буду!

Сакар стоит, ждет, даже повернулся в сторону лесника.

Когда Токтар был уже метрах в двадцати от него, Сакар наклонился, разбежался и помчался вниз, ему навстречу. В один миг перемахнув низинку, он взлетел на противоположную сторону оврага.

— Ах ты, чертов сын, стой!— крикнул Токтар, поворачивая обратно, и свалился лицом в снег.

— Эй, Токтар, что ты там в снегу ищешь? Что потерял?— засмеялся Сакар.— Догоняй, вместе пойдем!

— Стой, мошенник! Все равно от меня не уйдешь!

— Разве мне от тебя, такого быстрого, уйти? Я и не собираюсь.

Но когда Токтар уже почти добрался до него, Сакар снова скатился вниз и с разгона въехал на противоположный склон.

— Лешак!— потеряв терпение, выругался лесник.— Ладно, все равно попадешься. Я на тебя все равно протокол напишу...

Видимо, окончательно убедившись, что ему не догнать Сакара, Токтар присел и закурил.

«Ну, теперь он совсем из сил выбился,— подумал Сакар.— Теперь можно и домой».

3

Сакар вышел на дорогу.

Посреди дороги, уныло понурив голову, стояла низкорослая длинношерстая лошаденка, запряженная в сани. У лошаденки были тощие впалые бока. Она еле держалась на дрожащих ногах. На санях нагружено шесть-семь плах дров, не толстых и не тонких — так, средней толщины. Возле саней топталась, бегала туда-сюда девушка: то понукала лошаденку, то вожжи дергала, то сани подталкивала, а лошадь ни с места.

— Ой, господи, что же мне делать?— заплакала девушка.— Но, милая!.. Не тяжело ведь... Но-о!

Лошаденка переступила с ноги на ногу, но сани даже не стронулись с места. Всхлипывая, девушка подошла к лошади:

— Ну чего ты? Чего?.. Чего не идешь?

Сакар поравнялся с возом, остановился, поставил ружье к дереву, погладил лошаденку.

— Лошадь из сил выбилась, надо ей передохнуть. Зачем, девка, так гнала?

— Не гнала я... Только утром не кормила. Отец говорит, дров осталось немного, съезди привези, ну, я и поехала. Правда, кормить-то особо нечем, овса нет, на одном сене она у нас живет. Да и то плохое...

Сакар достал из пестеря остатки хлеба, разломил на куски и стал с ладони скармливать лошади.

— Дрова-то куда везешь?

— На смолокурку.

— Далеко твоя смолокурка?

— У Долгого болота.

Занятый лошадью, Сакар почти не смотрел на девушку. Но когда она сказала, что они гонят смолу вдвоем с отцом, он с интересом взглянул на нее. Девушка была очень молода, сероглаза, смуглолица — наверное, от работы на смолокурке, но смуглота не портила ее.

Хотя Сакар прожил на белом свете уже двадцать лет, слава богу повидал девушек и, бывало, на вечерках снимал с их рук варежки и браслеты[1], но такой красавицы еще не встречал. И сама хорошая — глаз не отведешь, и голос певучий — век бы слушал.

---

[1] Старинный марийский обычай: девушка, позволяя парню снять с ее руки варежку или браслет, тем самым дает понять, что парень ей нравится.

— У вас в семье мужиков, что ли, нет? Тебе бы за прялкой сидеть, а ты смолу гонишь.

— Есть братишка, да он еще мал отцу на смолокурке помогать. Он в школу ходит.

— Ты сама-то не ахти какая большая.

— Мать говорила: на покров исполнилось восемнадцать. Работа, конечно, нелегкая, да что поделаешь: бедному человеку выбирать не приходится. А нам Осып Чужган из Лопнура на постройку смолокурки денег взаймы дал.

— Ты откуда будешь, сестренка?

— Мы — аркамбальские.

— С той стороны Элнета?

— Да.

— А почему сюда ездите гнать смолу?

— Когда Чужган деньги давал, велел работать у Долгого болота. Он сам билет покупал.

— А на сколько паев ставили смолокурню?

— На восемь. У нас с отцом восьмой пай.

В это время впереди, на дороге, показались двое саней: легкая кошевка и мужицкие розвальни. Подъехав к возу, сани остановились. В кошевке сидел человек в тулупе, правил лошадью моркинский мариец. В других санях было трое мужиков.

— Эй ты, прочь с дороги!— крикнул с облучка кучер.

— Сам свернешь,— ответил Сакар,— ты — порожний.

— Ах ты, колода, еще споришь! Сказано тебе, дай дорогу, значит, проваливай! Не видишь разве, кого везу! Дорогу Филиппу Афанасьевичу!

— Мне плевать, кого ты везешь. А за колоду и по уху можешь получить.

— Кто по уху? Я? А сам не хочешь?— Пьяный ямщик спрыгнул с саней.

Тронуть Сакара он, видимо, побоялся, но, взяв лошадь под уздцы и хлеща ее кнутом, потянул с дороги в снег.

Если бы он ударил Сакара, то Сакару было бы, наверное, не так обидно и больно, как обидно и больно было ему смотреть на вздрагивавшие под ударами кнута впалые бока лошаденки. Не помня себя, Сакар схватил ямщика за шиворот и изо всех сил поддал ему ногой пониже спины. Пьяный ямщик снопом покатился в снег.

— Караул! Убивают!

С задних саней спрыгнули два мужика, подбежали к Сакару. Один, который был повыше, размахнувшись, ударил его. У Сакара вскипела кровь, резко и сильно он ткнул своим тяжелым кулаком в грудь высокому. Мужик сразу согнулся и сел в снег. Другой побежал назад, к саням. Сакар не погнался за ним, он подошел к лошади, впряженной в кошевку, взял ее под уздцы и, сведя с дороги, по снегу провел мимо воза с дровами. Ехавшие сзади мужики направили свои розвальни вслед за кошевкой.

Сидевший в кошевке человек в тулупе за все это время не проронил ни слова, он только пристально рассматривал Сакара, словно стараясь запомнить его.

Сакар взял ружье и повернулся к девушке:

— Трогай!

Девушка, наблюдавшая за происходившим с испугом и удивлением, словно очнулась, услышав голос Сакара, торопливо подобрала вожжи, дернула. Сакар подтолкнул сани сзади. Лошаденка стронулась с места и пошла. Сакар, волоча лыжи, зашагал вслед за возом.

Видя, что Сакар уходит, побитый мужик осмелел и, грозя кулаком, крикнул:

— Ты мне еще попадешься!

Сакар даже не оглянулся. Он немного проводил девушку, потом сказал:

— Теперь-то уж ты, не знаю, как тебя звать, сама доедешь, тут недалеко, и дорога под горку...

— Большое спасибо тебе, дядя, за помощь,— ответила девушка.— Коли будешь в наших краях, заходи. Спросишь Яшая Никифорова. Это мой отец.

Девушка пошла за санями, а Сакар, надев лыжи, легко побежал сосняком...

Сакар бежал на лыжах и думал о дочке аркамбальского Яшая. То, что девушка назвала его «дядей», Сакару не очень-то пришлось по душе, но приглашение заходить вроде бы обнадеживало...

4

«Элнетская сосна — восковая свеча, корамасские поля — блинная земля!» Так поют корамасские девушки.

Широко раскинулись корамасские поля. По одну сторону Элнета целых шесть деревень называются Корамас и на другом берегу, за элнетским лесом, в два-

дцати пяти верстах, еще два Корамаса... Элнет-река — большая река. Много деревень стоит по ее берегам, далеко тянутся леса. Да только нет на всем Элнете места красивее, чем Элнетский бор, и мало такой хорошей земли, как корамасские поля... Только корамасским беднякам не светят восковые свечи, да и блинов достается им очень мало. А вот Осыпу Чужгану эти же поля приносят и блины, и пироги, и калачи. Сорок скирд хлеба стоят на гумне у Чужгана. На иных уж молодые березки выросли. А если говорить о Сакаре и Яшае Никифорове, то, если у них в дому от щедрот корамасских полей заведется когда сухая корка, и на том спасибо.

И Сакару и Яшаю своего хлеба хватает лишь до рождества. Сакар осенью и зимой охотится, Яшай осенью корчует сосновые пни, разделывает кряжи, а зимой жжет уголь, гонит смолу и скипидар. Уголь он возит в Казань, а самый прибыльный товар — скипидар — забирает Чужган. Хочешь не хочешь, а отдашь — ведь Чужган платил за разрешение поставить смолокурню, теперь надо расплачиваться.

Всю зиму напролет мучаются на этой смолокурке Яшай с дочерью, а заработка за год всего сто рублей. Из этой сотни и за билет заплати, и лесника угости...

Стройные, как свечи, элнетские сосны обогащают лишь купцов Пинериных, Булыгина, хозяина стекольного завода Хохрякова и прочих толстосумов. Каждую весну Пинерины сплавляют вниз сотни плотов. Булыгин тысячами саженей вывозит древесину. Дымящий круглые сутки своими двумя большими трубами завод Хохрякова за час пожирает целый воз дров. Каждый год Хохряков покупает лес на сотнях делянок. Строевой лес он перепродает лесопромышленникам, которые сплавляют его по Элнету на Волгу, дрова вывозит на завод. Напилишь на делянке поленницу аршинных дров, платит тридцать копеек, доставишь своей лошадью дрова на завод, накидывает еще столько же.

Мужики, которые подрались с Сакаром на дороге, валили лес для Хохрякова и теперь везли на делянки хозяйского приказчика Филиппа Афанасьевича принимать работу. После приемки на делянке дрова повезут на завод. А чтобы у Филиппа Афанасьевича сажень вдруг не стала длиннее, его немножко подпоили. Конечно, и сами при этом хлебнули.

Кучер, сидевший на облучке кошевки, никак не мог забыть полученный им от Сакара крепкий пинок и все упрекал приказчика:

— Эх, Филип Опанасыч, чего ж ты не стрелял! Пистолет-то при тебе?

— А зачем мне стрелять, он меня не трогал. Если тебе попало, сам виноват, не поддавайся.

— Ах, Филип Опанасыч, откуда ж мне знать, что он меня ногой... Кабы знал, тогда, конечно... Вот, видишь, какой у нас народ: этот черт меня бил, и хоть бы кто вступился...

— Ты, Степан, на него в суд подай. Тогда в другой раз будет уважать старших и дорогу уступать.

— А ты, Филип Опанасыч, пойдешь свидетелем?

— У тебя и так трое свидетелей, а я тебе напишу прошение.

— Вот спасибо, вот спасибо... Только ведь я этого парня не признал. На кого подавать-то? Эй, Спиридон, чей это парень был? — крикнул ямщик, обернувшись к задним саням.

— Охотник Сакар, из Кудашнура! — ответил приземистый мужичок.

— Сакар?

— Он самый.

— Ну, Филип Опанасыч,— вновь обратился кучер к приказчику.— Этот Сакар — самый настоящий злодей. Самое место ему в тюрьме.

— Это уж что суд присудит,— ответил приказчик.— Может, и в тюрьму запрячет.

— Эй, Степан, гляди, куда едешь!—закричали с задних саней.

Степан чуть было не проехал поворот на делянку. Он резко потянул за левую вожжу и свернул в лес на узкую, еле заметную дорогу. Спиридон и его товарищи повернули за ним.

5

А Чачи все думала о Сакаре.

Говорит ли с отцом, выгребает ли уголь, сливает ли скипидар, собирает ли смолу — никак не идет с ума тот парень, что помог ей на лесной дороге.

«Эх, глупая,— корит себя девушка,— и чего не спросила, откуда он, как зовут...»

Сакар представляется Чачи богатырем Нончыком.

Сказку о Нончыке рассказывал осенью один мужик, нанимавшийся на смолокурню рубить дрова. Очень интересная сказка!

«Давным-давно, в прежние времена жили старик со старухой. Детей у них не было.

Один раз месила старуха тесто на лапшу. Старик ей и говорит: «Нету у нас с тобой, старуха, детей, слепи ребеночка хоть из теста». Послушалась старуха и слепила из теста куклу. Положила она эту куклу на печку, и вдруг кукла ожила. Обрадовались старик и старуха, нянчат куклу, как самого настоящего ребеночка.

Назвали ребеночка Нончык[1].

Стал Нончык расти, как на дрожжах, не по дням, а по часам. Прошло всего три дня, а он так вырос, что по виду дашь ему три года. Прошло шесть дней, а он уже вроде бы шестилетний мальчишка. А через девять дней таким стал, что все только удивляются. Выйдет Нончык на улицу поиграть, возьмет кого-нибудь за руку — руку оторвет, схватит за ногу — ногу сломает. Рассердились соседи на старика и старуху, стали их бранить.

Тогда старик и старуха говорят Нончыку:

— Сынок, ты поди сходи в лес, там живут Дуб-богатырь и Сосна-богатырь. Вот с ними и поиграй.

— Ладно,— отвечает Нончык,— только дайте мне железный кистень.

Пошел старик в кузницу. Там ему выковал кузнец трехпудовый железный кистень.

Взглянул Нончык на трехпудовый кистень и говорит:

— Нет, не годится, мал очень.

Выковал кузнец шестипудовый. Взял Нончык шестипудовый кистень одной рукой, подбросил и говорит:

— И этот не годится, легкий очень.

Тогда выковал кузнец девятипудовый кистень. Взял Нончык его и говорит:

— Вот этот мне по руке.

Попрощался Нончык с отцом-матерью и пошел в лес.

Идет Нончык по дороге, догоняет богатыря.

---

1 Тесто (*марийск.*).

— Кто ты такой, куда идешь? — спрашивает Нончык.

— Я — Дуб-богатырь,— отвечает путник.— А иду я в город, что стоит за темным лесом. Повадился туда летать и пожирать людей страшный опкын[1]. Хочу я его поймать и убить.

— Возьми меня с собой,— говорит Нончык.

— Пойдем,— ответил Дуб-богатырь.

Идут они дальше, идут, догоняют еще одного богатыря.

— Кто ты такой? Куда идешь? — спрашивают они его.

— Я — Сосна-богатырь. А иду в город, что стоит за темным лесом. Повадился туда летать и пожирать людей страшный опкын. Хочу я его поймать и убить.

— И мы туда же идем,— говорят Нончык и Дуб-богатырь.

— Ну что ж, ладно,— отвечает Сосна-богатырь,— пойдем вместе.

Шли они, шли, прошли темный лес. А за лесом, невдалеке, виднеется красивый город.

— Вот здесь остановимся, поставим шалаш и будем ждать опкына,— сказал Сосна-богатырь.

— Ладно,— согласились Нончык и Дуб-богатырь.

Поставили они на краю темного леса шалаш и поселились в нем.

В первый день караулить опкына пошли Дуб-богатырь и Нончык, а Сосна-богатырь остался готовить обед.

Сосна-богатырь поймал годовалого бычка, зарезал, бросил в котел вариться.

Когда похлебка сварилась, откуда ни возьмись к шалашу явился опкын-людоед: сам с локоть, голова с пивной котел, борода в сажень.

— Обед отдашь или жизнь отдашь? — спросил опкын и так взглянул на Сосну-богатыря, что тот задрожал от страха.

Одним глотком выхлебнул опкын весь котел, проглотил целого бычка и ушел.

Сосна-богатырь опомнился немного от страха, поймал еще одного бычка и принялся варить новую похлебку.

---

[1] Персонаж марийского фольклора, чудовище.

Не успела еще закипеть вода в котле, как вернулись Дуб-богатырь и Нончык.

— Что, обед еще не готов? — удивился Дуб-богатырь.

— Скоро сварится,— ответил Сосна-богатырь, а про опкына он даже не заикнулся.

На другой день остался варить обед Дуб-богатырь. Поймал он двухгодовалого бычка, стал варить похлебку.

Только похлебка сварилась, как является опкын — сам с локоть, голова с пивной котел, борода в сажень.

— Похлебку отдашь или жизнь отдашь?— спросил опкын и так взглянул на богатыря, что у того коленки задрожали.

Одним глотком выхлебнул опкын всю похлебку из котла, проглотил целиком бычка и ушел.

Дуб-богатырь поймал еще одного бычка и принялся снова варить похлебку.

Только закипела вода в котле, возвратились Нончык и Сосна-богатырь.

— У тебя еще похлебка не готова? — удивился Нончык.

— Скоро поспеет,— ответил Дуб-богатырь, а про то, что всю похлебку съел опкын, ничего не сказал.

На третий день остался варить обед Нончык. Поймал он трехгодовалого бычка и стал варить похлебку.

Только похлебка сварилась, является опкын — сам с локоть, голова с пивной котел, борода в сажень.

— Похлебку отдашь или жизнь отдашь?

— Ни похлебки тебе не отдам, ни своей жизни,— отвечает Нончык.

— А, ты так! — закричал опкын и бросился на Нончыка.

Дрались они, дрались, долго дрались. Наконец Нончык одолел опкына, расколол вдоль большой дуб и зажал в трещине саженную бороду опкына.

Вскоре возвратились Дуб-богатырь и Сосна-богатырь.

— Ну, товарищи,— говорит Нончык,— сегодня приходил ко мне обедать опкын.

— И всю похлебку съел? — спрашивают Дуб-богатырь и Сосна-богатырь.

— Даже не попробовал,— отвечает Нончык.— Я его самого поймал и за бороду на дубе подвесил.

— Не может быть! — не поверили Дуб-богатырь и Сосна-богатырь.

— Если не верите, сходим посмотрим после обеда.

Поели богатыри, попили и пошли смотреть на опкына. Пришли к дубу — нет опкына, висит на дубе одна его окровавленная борода, и стелется от дуба кровавый след.

Пошли богатыри по кровавому следу. Шли, шли, и след привел их к отверстию в земле.

— Кто за опкыном под землю спустится? — спрашивает Нончык.

Богатыри молчат.

— Ладно, я сам за ним пойду,— сказал Нончык.— Только для того, чтобы спуститься под землю, нужно нам свить семь веревок длиною в семьдесят семь саженей каждую.

Свили богатыри семь веревок по семьдесят семь саженей каждую. Взял Нончык свой девятипудовый кистень, обвязался веревкой и стал спускаться под землю. Опустился он на одну веревку, а дна еще и не видать, опустился на две, на три, и только когда кончилась седьмая веревка, его нога коснулась дна.

Огляделся Нончык вокруг: оказывается, и под землей живут люди. Пошел он дальше по следу, оставленному опкыном, и пришел в деревню. Зашел Нончык в крайнюю избу, видит, там седая старушка на своих слюнях замешивает тесто.

— Почему ты замешиваешь тесто на слюнях? — спрашивает Нончык старушку.

— Потому что поселился у родника трехголовый змей и никому не дает воды,— отвечает старушка.

— Дай-ка мне ведро, я сам по воду схожу,— сказал Нончык, взял ведро и пошел к роднику.

Подошел он к роднику, а трехголовый змей увидел его и зашипел:

— Кто приш-шел? Зачем приш-шел?

— Я — Нончык. Дай ведро воды.

— Ладно, гостю одно ведро дам.

Принес Нончык в деревню полное ведро воды.

Окружили его измученные жаждой люди и выпили всю воду.

Пошел Нончык за водой во второй раз.

Подошел он к роднику, а трехголовый змей увидел его и зашипел:

— Кто приш-шел? Зачем приш-шел?

— Я пришел — Нончык. Дай еще ведро воды.

Поднял змей все свои три головы, вытянул шеи, стараясь ужалить Нончыка.

— В первый раз пришел — гостем был, во второй раз явился — врагом стал!

Но взмахнул Нончык своим девятипудовым кистенем и снес трехголовому змею сразу все его три головы.

Принес Нончык воду в деревню и сказал людям:

— Теперь берите воды, сколько вам нужно, я убил змея.

Обрадовались люди, пошло в деревне такое веселье, что и описать нельзя. Три дня подряд продолжался праздник. На третий день спрашивает Нончык людей:

— Знает ли кто из вас, где живет опкын — сам с локоть, голова с пивной котел, а борода в сажень?

Один древний старик сказал Нончыку:

— Трехголовый змей, которого ты убил, меньшой брат того опкына. А сам опкын живет подальше, за высокой горой.

Пошел Нончык за высокую гору.

Шел он, шел, перевалил через гору и вышел к богатым каменным палатам. Обошел Нончык палаты вокруг, а зайти нельзя: все двери заперты, окна закрыты. Но вот открылось одно окошко, а в окошке показалась девушка, писаная красавица.

— Кто ты? — спросил ее Нончык.

— Меня сюда опкын с земли притащил — и не ест меня, и домой не отпускает,— ответила девушка.

— А где сейчас он сам?

— Спит в своих покоях. Он на землю ходил, бороду потерял, а в бороде-то была вся его сила.

— Помоги мне, девушка, в покои опкына попасть, я расправлюсь с ним и тебя отсюда на родную землю выведу.

Девушка спустила из окна шелковую веревку. Нончык поднялся по этой веревке в покои. Зашел Нончык в одну комнату, а там, задрав голый подбородок, спит опкын. Нончык не стал долго раздумывать, размахнулся своим кистенем и прикончил его.

Потом взял он девушку за руку и повел ее к выходу из подземелья.

Первой поднялась на землю девушка. За ней полез

по семи веревкам Нончык. Уж совсем было он вылез, но тут Дуб-богатырь и Сосна-богатырь обрубили веревку, и Нончык полетел обратно в яму.

— Если суждено мне жить, пусть упаду на мягкую перину, если суждено умереть, пусть упаду на твердый камень,— сказал Нончык.

Нончык упал на мягкую перину. Поднялся он на ноги и пошел в знакомую деревню, которую избавил от трехголового змея. Отыскал там старика, указавшего ему дорогу к палатам опкына, и рассказал о том, какая с ним стряслась беда. Выслушал его старик и сказал:

— Есть в нашем подземном краю белая птица, она одна может вынести тебя отсюда к солнцу. Только при каждом взмахе крыльев она должна съедать кусок мяса. Вот тебе мой совет: убей в лесу дикого быка, разруби на куски и ступай к белой птице.

Нончык так и сделал, как научил его старик: убил быка, мясо сложил в мешок и пошел к белой птице. Она согласилась вынести его из подземного царства.

Сел Нончык на спину белой птице, и она полетела. Летит птица, машет крыльями, и при каждом взмахе крыльев Нончык дает ей кусок мяса.

Летели они, летели, долго летели, уже белый свет впереди показался, а тут как раз мясо кончилось. Белая птица стала падать. Что тут делать? Вырезал Нончык у себя из-под мышки кусок мяса, дал птице. Взмахнула она крыльями, поднялась вверх. Вырезал Нончык у себя из второй подмышки еще один кусок мяса, дал птице. А тут уже и вылетели они на белый свет, на милую землю.

— Очень вкусные были последние два куска,— говорит белая птица.— Какого зверя мясо ты мне давал?

— Это куски моего тела,— отвечает Нончык.—Я вырезал их у себя под мышками.

— Знала бы я, что ты такой вкусный, никогда не выпустила бы из подземного царства. Твое счастье, что мы уже на земле, и здесь я тебя осилить не могу,— сказала белая птица и скрылась в подземный ход.

А Нончык пошел в город. Заходит он в город, а там — крик, драка. Дуб-богатырь и Сосна-богатырь спорят — дерутся из-за того, кому жениться на спасенной девушке. Тут же и девушка стоит со своими отцом-матерью, и народ городской — смотрят, ждут, кто из богатырей окажется сильнее.

Нончык подошел к девушке, та увидела его, обрадовалась и говорит отцу-матери и всему народу:

— Вот мой настоящий спаситель! Это он убил опкына и избавил наш город от него!

Народ окружил Нончыка. Отец и мать девушки сразу согласились отдать дочь замуж за Нончыка. А отец этой девушки был в том городе большим начальником.

Дуб-богатырь и Сосна-богатырь от стыда и позора готовы были сквозь землю провалиться. Они даже на свадьбу не остались, ушли в лес.

Нончык со своей красавицей женой зажил в том городе богато и счастливо, и род его расселился по всей земле.

А не верите, посмотрите у себя под мышками: если есть у вас ямки, значит, и вы из рода нашего могучего и прославленного Нончыка».

Когда мужик кончил рассказывать про Нончыка, то многие из слушателей полезли к себе под мышки. И у всех там оказались ямки.

— Глянь-ка, и вправду есть,—удивился один подслеповатый мужичок.

— А вы думали, я сам выдумал? Я не вру, правду говорю,— подмигнул сказочник.

Вечером, ложась спать, Чачи потрогала у себя под мышками. «Значит, и я из рода богатыря Нончыка?» — подумала она. Но почему же тогда у нее нет такой силы, какая была у Нончыка?

Правда, для девушки она довольно сильна: колоть ли дрова, пилить — в этом Чачи не отстанет от любого мужчины. И немалые плахи таскает, никого на помощь не зовет. А вот от Макара Чужгана прошлым летом сама отбиться не смогла. Хорошо бы спустить его с сарая вниз головой... Тот парень, что повстречался в лесу, наверное, так бы и сделал. Вот он действительно из рода Нончыка-богатыря...

И всякий раз, как только Чачи подумает о нем, так у нее начинает сильнее биться сердце и перед глазами, как живой, встает парень-богатырь. До сих пор ни один парень не заставлял ее столько думать о себе. Правда, когда она, бывало, встретит на улице Григория Петровича—учителя из их деревни, потом долго вспоминает эту встречу и на душе у нее бывает так хорошо и радостно. Григорий Петрович не похож на других парней в дерев-

не: одет всегда чисто, говорит складно и вежливо. До сих пор Чачи казалось, что нет на свете человека лучше, чем Григорий Петрович, но перед парнем, повстречавшимся в лесу, образ учителя значительно поблек. Конечно, у того парня и одежда, как у всех, и разговор простой, но все равно он не такой, как все, и не хуже Григория Петровича...

Что же тут поделаешь? Видно, подошло время думать девушке о милом, сравнивать, выбирать... От Григория Петровича и парня, что повстречался в лесу, мысли Чачи перешли к Макару Чужгану...

6

Прошлым летом Чачи с отцом ходили работать к Осыпу Чужгану в Лопнур.

Как-то, повстречав Яшая, старый Чужган сказал ему:

— Приходи ко мне, поможешь зерно молотить, да навоз надо вывезти, а я тебе за это сколько-нибудь ржицы одолжу.

Для бедняков самое тяжелое время перед новым хлебом. И на базаре тогда мука бывает дорога. Поэтому Яшай обрадовался предложению старика Чужгана.

Отправляясь к Чужгану, Яшай взял с собой и Чачи: в богатом хозяйстве лишней паре рук дело всегда найдется. «На двоих-то,— думал Яшай,— глядишь, Чужган побольше хлеба даст». Конечно, с нового урожая долг придется вернуть, Чужган долгов не прощает. Конечно, мало радости даром гнуть на него спину, но, если не придешь помочь, потом никогда ничего у него не займешь. Хорошо хоть, пока работаешь — кормит, поит. Для бедняков и это — большое дело.

У старика Чужгана было четыре сына. Старший занимался домом и хозяйством, присматривал за работниками. Второй сын жил на скипидарном заводе в полуверсте от села. Со всех окрестных смолокурен скипидар-сырец шел к Чужгану, на его завод.

Каждую осень Чужган ссужает бедняков деньгами: на уплату за билет для устройства смолокурни, на починку котлов, на медную трубу, необходимую для гонки скипидара,— на все нужны деньги. А где бедняку, да еще летом, набрать такую прорву денег? Хочешь не

хочешь, приходится кланяться Чужгану. Тот никогда не отказывает, только скажет, давая деньги:

— Я тебя уважу, деньжонок дам, и ты меня уважь— не дорожись, сдавай мне скипидар на две копейки дешевле.

Бедняки не возражают, соглашаются сдавать скипидар на две копейки дешевле. Понятно, богатый человек так просто денег не даст. Говорят, что русские и татарские богачи с долгов берут проценты. Чужган никаких процентов не берет. Поднесешь ему вина — выпьет. Если с котла выставишь четверть казенной, разве это много? Правда, осенью, когда нанесут ему водки со всех смолокурен, недели две все гуляют. Да кто это считает? Весной, при расчете, тоже празднуют, опять же, водка льется рекой.

Под взятый осенью аванс смолокуры всю зиму возят скипидар на Чужгановский завод. Там его сын записывает, кто сколько привез. Если что понадобится, Чужган отпускает товары из своей лавки в долг. А весной, когда на смолокурнях оканчивается работа, бывает полный расчет.

Третий сын Чужгана возит скипидар в Казань. В каждую поездку гонит по двадцать — тридцать подвод.

А четвертый, младший сын Макар, околачивается в лавке да по улицам шляется — другой никакой заботы у него нет. Хотя Макару уже двадцать один год, мать все еще считает его маленьким. «Пока холостой, пусть погуляет»,— говорит она...

Когда Чачи вслед за отцом зашла на чужгановский двор, она даже охнула от удивления. Никогда не видела Чачи такого богатства. Двор широкий, немного покатый в сторону улицы. По одну сторону ворот крепкий дом-пятистенок с шестью большими окнами на улицу. К дому пристроена двухэтажная клеть. По другую сторону от ворот — лавка. За лавкой — второй дом и амбар, такие же высокие.

А во дворе, под навесом, народу, как муравьев в муравейнике: кто кидает навоз из хлева, кто подгребает, кто накладывает на телеги. То и дело от хлева отъезжают две-три подводы и тут же подъезжают следующие две-три.

Старик Чужган увидел Яшая с дочерью, подошел к ним:

— До обеда пособите навоз возить, а после обеда пойдете молотить.

А попав на гумно, что было за огородом, Чачи поразилась еще больше: гумно было забито скирдами хлеба. В Аркамбале даже осенью, даже у всей деревни не бывает столько хлеба. А тут столько скирд, и каждая больше Яшаевой избы!..

На гумне молотили сразу в пять настилов. Настилы длинные, но работа идет споро. В столько-то цепов и не заметишь, как обмолотят. Кончив молотить, принялись веять, таскать мякину.

Вымолоченные снопы тут же на гумне складывают в скирды. Мякину корзинами таскают в сарай по широкому дощатому помосту, ведущему к сараю прямо из огорода. Тут же на гумне меркой-пудовкой работник отмерял зерно и насыпал в подставленные мешки, кому сколько велено: кому пуд, кому два, кому три. Те, кто уже получил обещанную рожь, благодарили Чужгана и, взвалив мешок на спину, уходили со двора.

Летом Чужган обмолачивает только две скирды, а на посев ему хватает того зерна, которое возвращают должники. Несколько скирд он обмолачивает зимой, когда поднимается цена на хлеб, да еще молотит, если получит выгодный подряд в Казани. А по мелочи — по пуду, по два — продает редко, только смолокурам, в счет сданного скипидара.

Рядом с Чачи работала еще одна девушка. Девушка сказала, что она здешняя, лопнурская. Имя у нее было странное, не сразу выговоришь — Сандыр. Сандыр ловко орудовала цепом и все время ругала Чужганов:

— Стелют они мягко, да жестко спать. Вон сколько народу собралось молотить. Идут к нему и думают: вот какой добрый Чужган. Вы тоже за сколько верст пришли помочь доброму человеку. Может, он и сам себя добрым считает. Да только его доброта больше всех ему же самому выгодна. А по правде сказать, много народу из-за него пошло по миру с сумой.

— Зачем же ты сама пришла помогать дяде Осыпу, если он такой злодей? — спросила Чачи.

— Куда же деваться, когда он себе всю землю забрал? Поневоле придешь. Да что тебе говорить — все равно не поймешь!

Чачи и вправду не поняла, за что Сандыр ругает Чужганов.

В первый день Чужган не дал Яшаю обещанного зерна. Пришлось остаться на второй день.

На другой день Сандыр не отходила от Чачи. Но, оказывается, не только Сандыр не сводила с Чачи глаз, на нее все время поглядывал младший сын старого Чужгана — Макар.

Как и вчера, гумно было полно народу: сгребали зерно, клали скирды, Чачи и Сандыр носили в сарай мякину. Когда уже внесли последние корзины, Чачи замешкалась в сарае и отстала от Сандыр. Она направилась было к выходу, как вдруг кто-то схватил ее сзади, потянул и толкнул на мякину. Чачи не успела ничего сообразить, как затрещали завязки на вороте, и она почувствовала на голой груди прикосновение чужой грубой руки. Чачи показалось, что ее ужалила змея. Она изо всех сил оттолкнула руку, вскочила на ноги и в полутьме сарая разглядела Макара. Но Макар не дал ей сделать и двух шагов, обхватил и повалил на пол. У Чачи от стыда и страха перехватило горло, она даже не пыталась кричать.

Но тут кто-то отшвырнул Макара в сторону, помог Чачи подняться на ноги и за руку вывел из сарая. Только тут Чачи опомнилась. Возле нее стояла Сандыр.

— Вот дьявол, когда же он успел в сарай забраться? Я же за ним все время смотрела. Он тебя со вчерашнего дня караулит... Совсем сбесился от безделья... У-у, чертов сын, я еще доберусь до тебя!.. — погрозила Сандыр кулаком в сторону сарая.

...Чачи и сейчас, от одного только воспоминания об этом случае, стало страшно.

7

На смолокурне собираются разные люди, и каждый чем-нибудь да отличается от других.

Вот взять хотя бы деда Левентея, который нанимается к смолокурам заготавливать дрова.

Здоровый, высокий мужик, а ест только раз в сутки. Утром встанет и сразу же идет в лес на весь день, даже обедать не приходит. Зато вечером возвращается на смолокурню обычно раньше других лесорубов и приносит, глядишь, то белку, то зайца. Поэтому у него частенько бывает на обед мясной суп.

Ест он тоже не как все: за один присест съедает горшок супа и при этом уминает добрые полкаравая хлеба. И работает он тоже подходяще: каждый день один пилит по полсажени дров.

Чачи, задумавшись, сидела в шалаше. Яшай громко крикнул от очага:

— Чачи, котел готов!

Котел, наполненный порубленными сосновыми пнями и корнями, выдерживают на огне десять — двенадцать часов. Все это время под котлом непрерывно полыхает пламя. Пни и корни нагреваются, растопившаяся смола стекает вниз, а дерево превращается в угли. Когда поленья в котле станут углем, смолокуры говорят, что котел готов.

В детстве, до того, как я уехал учиться в Унжинскую школу, мне много пришлось пожить в шалаше на смолокурне. Я помогал отцу закладывать смолье в котел и вынимать из котла уголь. Если семья небольшая и нет взрослых помощников, мужики часто берут в лес семи-восьмилетних детей «тянуть» вторую рукоятку двуручной пилы. Когда я ушел в школу, «тянула» пилу с отцом моя сестренка Овдоч.

Работа на смолокурне — грязная, пыльная. Копоти там хоть отбавляй. Когда подходишь к смолокурне, еще за полверсты ударяет в нос едкий скипидарный дух, потом слышишь удары топора и треск раскалываемых дров. Пройдешь еще немного, увидишь поднимающийся среди сосен дым, а там уж видны и шалаши смолокуров.

А вон и сами смолокуры: рубахи черные, руки в смоле, лица покрывает черная угольная пыль, одни лишь зубы белеют. Постороннему человеку и испугаться недолго.

Я любил по вечерам, когда стемнеет, смотреть, как по краям котла из-под крышки идет зеленовато-голубой пар. Потом крышку сбрасывали, из котла вырывался серый клуб дыма, и вдруг в дыму мелькнет синий огонек, будто кто-то тяжко охнет, и высоко-высоко, до половины сосен взметнется ярко-красное пламя. На какое-то мгновенье становится светло, как днем, а потом все снова погружается во мрак... И снова лишь огонь горящих под котлом дров тускло освещает смолокурню. Тени людей становятся длинными-длинными, и сами люди кажутся какими-то призраками...

Но любоваться этой картиной мне приходилось недолго. Потому что у нас считается: кто в силах держать ручку пилы, тот вполне может и укладывать в котел дрова, и выгружать из котла готовый уголь. А работать у котла и взрослому человеку нелегко: в рот и в нос набивается песок, пыль, копоть, душит дым, обжигает пламя — кажется, будто попал в ад...

Услышав голос отца, Чачи оставила пряжу и выбежала из шалаша.

За ней вышел дед Левентей.

Левентей не нанимался работать у Яшая — не по средствам Яшаю держать работников,— Левентей помогает ему не из корысти, а просто так. К тому же старик очень любит Чачи: «Я твоей Чачи хоро-о-ошего жениха подыщу!» — частенько говорил он Яшаю...

Коркасолинские мужики, работающие на смолокурне, рассказывают про Левентея разные любопытные истории.

Говорят, что в молодости Левентей был упрям и своеволен. Отец его умер, и он жил у бабки. От работы Левентей бегал, а поесть любил, да еще привередничал, выбирал, что повкуснее. Похлебку из борщевика, которой пробавлялись все в деревне, он не ел: то наварит себе яиц (яйца в чугунок накладывал, словно картошку), то поймает какую-нибудь бабкину курицу.

Бабка его срамит, ругает. У него же один ответ:

— Ты моего отца голодом морила, а я не хочу голодать. Мне много еды не надо, я один раз в день обедаю. Не работаю, говоришь? Правда, не работаю. А зачем я на тебя работать стану? Все равно мне ничего не достанется, все оставишь своему Ивану. За меня тебе мой отец сполна отработал.

Левентеева бабка была очень скупа, и Левентей нарочно делал все ей назло.

Женившись, Левентей ушел от бабки и стал жить своим хозяйством. Слова его сбылись полностью: бабка выпроводила его ни с чем.

Потом пошли у Левентея дети. Детей надо было поить-кормить, одевать-обувать, им-то какое дело, что в хозяйстве ни скотины, ни птицы, они просят есть — и все. Вот тогда-то узнал Левентей, что такое нужда. Осенью, пока не вылиняет белка, нанимался к смолоку-

рам на заготовку дров. Пая себе не брал, нанимался к кому-нибудь в подручные. А когда наступала зима, Левентей бросал смолокурку и всю зиму промышлял охотой.

К охоте Левентея приучил его сосед — дед Янык. Дед Янык уходил в лес обычно на неделю, на две. Без товарища в лесу нелегко, и Янык брал с собой Левентея: парень сильный, в случае чего на него можно положиться. Они вдвоем и на медведя ходили...

А вот с детьми Левентею не везло: умирали один за другим. Двух сынков скосила оспа, дочка померла от зоба, остальных — кого прибрала чахотка, кого—дизентерия... Так и остался Левентей под старость один-одинешенек.

8

Гоняясь за Сакаром, Токтар устал и вспотел, к тому же, когда он сидел и курил, его продуло.

«Так и простудиться недолго,— подумал Токтар,— надо домой возвращаться».

Он встал на лыжи и повернул к дому.

Токтар шел и думал о Сакаре. Сколько лет он служил лесником, а такого озорника встретил впервые. Сначала выходка Сакара удивила его, потом Токтар начал злиться, и чем дальше, тем все больше и больше охватывал его гнев.

— Надо мной, над Токтаром, так надсмеяться!..— с негодованием повторял он.

«Ну ладно, дал бы рублевку, и стреляй, кого хочешь, лес не мой: я его не сажал, зверя не выхаживал... Вот как хорошие люди поступают,— думал Токтар.— Вон Семен Сирота ворует лес. Ну и пусть ворует. Зачем на него составлять протокол, когда он всегда готов уважить: давеча ко мне повез мед, слова не сказал. Конечно, весь-то мед он не отдаст, половину оставит себе. Но за это его винить нельзя. Каждый человек о себе тоже думать должен. А этот, чтоб ему подохнуть, ни половины, ни четверти — ничего не дал. Да еще издеваться вздумал...»

Придя домой, Токтар сразу же сел сочинять протокол.

Жена вскипятила чай, выставила на стол мед, привезенный Семеном. Только Токтару и пить неохота, и кусок в горло не идет.

Почти час сидел Токтар, шевелил губами и писал: «Кудашнурский Ефремов Захар в 76 квартале срубил дерево, пограбил пчелиную колоду, грозил лесной охране...»

Сакар снял шкурки с куницы и белки, натянул на правилки и поставил сушить. Мать радовалась его добыче. «Теперь-то уж Сакар рассчитается с долгом»,— думала она.

Этот долг тяжким камнем лежит у нее на душе. Сакар мог бы, конечно, не залезать в долги, да что поделаешь: такой уж он, что задумал, пока не добьется своего, не отступится. Увидел он как-то прошлым летом в Сосновке породистого жеребенка, и так этот жеребенок ему в ум запал, что он ночами спать не мог... На базаре жеребенка можно было купить за пятерку, а Сакар за своего отдал пятнадцать рублей.

И мать и Левентей уж отговаривали, отговаривали его, говорили, что незачем, мол, бедняку породистая лошадь, что за пятнадцать-то рублей можно купить двухлетку, которая на другой год будет годна в упряжку.

Но Сакар на этот раз не послушался ни матери, ни деда Левентея, хотя прежде никогда не перечил матери, и деда Левентея уважал. Да и как было Сакару не уважать деда Левентея, ведь только благодаря ему он стал охотником. Но об этом разговор потом, а пока — о долге.

Денег у Сакара тогда было всего пять рублей, и поэтому недостающий червонец он решил занять у Осыпа Чужгана.

Старик Чужган сразу же выложил десять рублей, только сказал:

— Что добудешь — беличьи шкурки или что другое,— никому не продавай, неси мне. А сейчас, если нужен чай-сахар, бери, дам в долг.

Сакар взял осьмушку плиточного чая и полфунта сахару.

Так Сакар стал должником Осыпа Чужгана, но зато у него в хлеву появился красавец жеребенок.

И теперь, как бы ни уставал Сакар, возвращаясь из лесу, непременно заглядывал к жеребенку. Но ухаживать за жеребенком приходилось матери, больше в семье никого не было. Вот уж год мать уговаривает Сакара жениться. Но Сакар отговаривается:

— Подожду немного. Поеду свататься на своей лошади...

Сакар хочет до женитьбы выбиться в люди. Опять же могут в солдаты забрать. Правда, говорят, что единственного сына освобождают от рекрутчины. Говорить-то говорят, да кто его знает?

После смерти отца Сакар остался десятилетним мальчонкой. Еще когда был жив отец, Сакара отдали в школу. Но в школе он пробыл всего три дня. Сынки учителя и урядника загнали его однажды в угол двора и стали дразнить:

— Черемисский заяц, черемисский заяц!

Но Сакар не был трусливым зайцем, он огрызнулся, как волчонок. Ребята повалили его в грязь, вымазали рубаху. Они хохочут, а Сакару плакать хочется. Но он не заплакал.

Собрав все силы, Сакар набросился на обидчиков, одного ударил кулаком по голове, другому досталось по носу. Учительский сынок побежал жаловаться отцу.

Уроки, как всегда, начались с молитвы. После молитвы учитель подошел к Сакару, ни слова не говоря, схватил его за шиворот, выволок из-за парты и толкнул в угол, к печке.

— Я тебе дам драться! Вставай на колени и стой до вечера.

Сакар упал, но тут же вскочил на ноги.

Учитель рассердился еще больше. На голову мальчика со свистом опустилась линейка. Сакар подхватил с вешалки свой ветхий кафтанишко с шапкой и выскочил на улицу.

Больше Сакар в школу не пошел, и потом, когда шагал мимо, то всегда отворачивался от нее и смотрел в сторону.

После смерти отца Сакар, как многие ребятишки из окрестных деревень, нанялся работать на стекольный завод. Тут можно было жить, к тому же и заработку в первый же месяц начислили около восьми рублей.

Но вскоре с Сакаром случилась беда.

Однажды утром он вышел на работу и заметил, что мастер пьян. Сакар на совке носил раскаленные бутылки к калильной печи. Отнес раз, другой, потом снова подбежал к мастеру и протянул совок. Но мастер, то ли невзначай, то ли нарочно, бросил горячую бутылку

чуть повыше, и она попала не в совок, а прямо на руку Сакару. Он выронил совок, рука тотчас покраснела и покрылась волдырями. Сакар закричал от невыносимой боли. Его отвели к фельдшеру. Фельдшер помазал обожженную руку мазью, обмотал бинтом и велел прийти завтра.

На следующий день Сакара рассчитали: хозяину калеки были не нужны.

Рука зажила только через полгода. Но на завод Сакар не вернулся.

Родная деревня Сакара Кудашнур стоит на краю леса, раскинувшегося далеко за Элнет. В лесу водится много зверья, а больше всего зайцев. Каждую весну, как только наст по утрам становится таким крепким, что выдерживает человека, кудашнурцы устраивают облаву на зайцев.

Выбрав подходящий участок леса, охотники с ружьями становятся на заранее выбранные места, а те, у кого нет ружей, с шумом, с криком гонят зайцев на стрелков.

— Агач!.. Агач!.. Агач!.. — раздается по лесу.

Заяц метнется в одну сторону — тут его встречает крик: «Агач!» Он в другую сторону, здесь снова — «Агач!» Наконец, выбежит заяц туда, где не слышно шума и крика. А тишина — самое страшное. Тут зайцу и конец...

— Бу-ух! — громыхнет в одном месте, и оборвалась заячья жизнь.

— Бу-ух! — громыхнет в другом.

Бывает, повезет зайцу: промахнется стрелок, и обезумевший от страха косой убежит, унося в боку две-три дробинки...

Когда охота бывает удачной, каждому охотнику достается по зайцу. Иногда заяц на двоих. Но случается, что за всю охоту на пятнадцать—двадцать человек добывают всего одного-двух зайцев. Тогда всю добычу варят в общем котле. Навар хлебают кто сколько хочет, а мясо делят поровну.

Для Сакара весенняя охота на зайцев была настоящим праздником. Только ему всегда приходилось быть загонщиком, потому что ружья он не имел, а свое ружье, да еще на охоте, никто не даст.

Однажды Сакар смотрел-смотрел на ружье Левентея и подумал: «Эх, мне бы такое ружье»!

— Дай, дядя, хоть разочек стрельнуть,— не выдержав, попросил Сакар.

— Очень хочется? — улыбнулся Левентей.

— Очень,— сознался Сакар.— Только ружья никто не дает.

— Ладно, держись возле меня,— сказал Левентей.

Сакар обрадовался и весело побежал за Левентеем.

Придя в лес, Левентей встал среди невысоких елочек и принялся объяснять Сакару:

— Ружье держи вот так, целься так. Стреляй зайцу в голову, чтобы не испортить шкурки.

Сакар взял в руки ружье. Издалека уже слышатся крики: «Агач! Агач!» Вот раздался первый выстрел: «Бу-ух!» Сердце у Сакара прыгало, как перепуганный заяц. «Бу-ух!»—послышался второй выстрел. Сакар завертел головой, боясь просмотреть зайца.

— Вон, вон он,— тихо шепнул Левентей, показывая на чуть заметный белый холмик.

Тут и Сакар заметил зайца. Скок-скок — приближается косой, вот он прыгнул и остановился. Всего какую-нибудь секунду сидел заяц, но Сакар прицелился, как его учил Левентей, и выстрелил. Заяц подпрыгнул и сразу же затих. Сакар подбежал к нему, схватил, принес Левентею.

— Ну ладно,— сказал Левентей.— На первый раз неплохо.

Несмотря на то что дед Левентей похвалил Сакара, мальчик почувствовал в его тоне какое-то недовольство.

— Дяденька, я что-нибудь не так сделал? — робко спросил Сакар.

— Да вон смотри, куда всадил... Шкурку начисто испортил...

Сакар поднял зайца, осмотрел — весь заряд угодил ему в бок...

— Я же сказал тебе, целься в голову,— приговаривал Левентей, перезаряжая ружье.— Заяц — ладно, а если белку так же будешь стрелять, так только себе в убыток. За дырявую шкурку тебе и полцены не дадут. Настоящий охотник, если бьет зверя ради шкурки, метит только в голову. Правда, теперь не всякий может так стрелять. Рад бы, да не умеет. Вот в старое время дед Ялкай одной дробинкой попадал белке в глаз...

Стой-ка,— перебил себя Левентей,— гляди, другой бежит!

На поляну против елочек выскочил заяц. Дед Левентей свистнул. Заяц остановился. Сакар выстрелил. Заяц ткнулся носом в снег, но не замер, как первый, а, переваливаясь с боку на бок, стал уходить.

Левентей и Сакар побежали за зайцем. Сакар догнал, наступил на него ногой.

— Задние лапы перебил... — покачал головой дед Левентей.

Сердце у Сакара сжалось: второй раз не попал в голову, теперь уж больше ему не придется стрелять... Но дед Левентей, видно, поняв, что творится в душе мальчика, успокаивающе сказал:

— Ничего, помаленьку научишься...

С этого дня, если дед Левентей уходил в лес, то Сакар старался увязаться за ним. Со временем и сам Левентей стал его брать с собой. «Сакар счастливый,— говорил он,— с Сакаром пойдешь, с пустыми руками не воротишься».

Проходив при Левентее одну осень, Сакар научился стрелять. А зимой, когда они с дедом добыли куницу, Левентей за три рубля с полтиной продал свое ружье Сакару, а себе купил новое. Со своим ружьем Сакар стал настоящим охотником.

На следующий день Сакар понес куницу в Лопнур Осыпу Чужгану.

Чужгана он застал в лавке. Сначала Сакар выложил беличью шкурку. Чужган посмотрел шкурку, помял.

— Одна только?

— Сегодня одна,— ответил Сакар, глядя на стоявших в лавке двух незнакомых людей.

— Показывай, не бойся,— сказал Чужган.

Сакар достал куницу. Чужган долго рассматривал ее, потом вместе с беличьей шкуркой убрал под прилавок и повернулся к Сакару:

— Какой товар будешь брать?

— Дядя Осып, с долгом бы рассчитаться...

— Чего о нем говорить,— махнул рукой Чужган.— Долг твой грошовый, в другой раз рассчитаемся... А сегодня бери, что надо.

Сакар не стал спорить с Чужганом, язык не повер-

нулся. Он взял сахару, чаю, фунт дроби, полфунта пороху, пять десятков пистонов. Сверх того Чужган всучил ему фунт баранок, мол, гостинец матери.

На делянке Филипп Афанасьевич отдельно замерил бревна, предназначенные для сплава, отдельно приготовленные на дрова. Сегодня мужики как следует угостили его, поэтому он был в хорошем настроении и почти не придирался. Когда он трезвый — беда: к любому пустяку цепляется; то бревна оказываются или короче, или длиннее на толщину пальца, то их ошкурили нечисто, то дрова в поленнице редко сложены, то наколоты слишком мелко,— в общем, что-нибудь да отыщет и сбросит копейку-две с сажени. А мужику и копейка дорога.

Филипп Афанасьевич, понятно, старается для хозяина: если подсчитать все эти копейки, они, глядишь, обернутся лишней сотней рублей чистого дохода. А подпоишь Филиппа Афанасьевича да принесешь медку или маслица, тогда он бывает совсем другим человеком: разговаривает, шутит, на все смотрит сквозь пальцы.

Сегодня Филипп Афанасьевич принял работу по-хорошему.

— Приходите завтра за деньгами,— сказал он мужикам, усаживаясь в кошевку.

— Благодарствуйте, Филипп Афанасьевич. Спасибо.

Мужики стянули с голов шапки.

Степан снова влез на облучок. Филипп Афанасьевич махнул рукой.

— Ну, до свиданьица!

Степан дернул вожжи. Продрогшая на морозе лошадь резво тронулась с места. Сани, раскатываясь из стороны в сторону, заскользили по дороге.

Всю дорогу Филипп Афанасьевич молчал, о чем-то думая. Приехав домой, он завел Степана в комнату, налил две рюмки водки, одну выпил сам, другую подал Степану, потом выложил на стол лист бумаги, взял ручку, спросил:

— Как зовут того мужика?

— Какого мужика?

— Вот тебе раз, забыл, что ли? Видать, надо было тебя покрепче отколотить.

— А-а, это ты про Сакара спрашиваешь...

— Значит, его зовут Захар? А фамилия как?

У Степана из головы давно выветрился весь хмель. Вместе с хмелем ушел и петушиный задор. Он стал тем же тихим мужиком, каким был всегда.

— А-а, Филип Опанасыч, да провались он, этот суд,— махнул рукой Степан,— с ним только время зря потеряешь...

— Такого бандита следует проучить,— сказал Филипп Афанасьевич.

— Ну, засудят Сакара, посадят, мне-то от этого какая польза?

— А про меня ты позабыл? Я из-за него время потерял. Я — человек служащий, мне время дорого.

— Тогда, Филип Опанасыч, сам на него в суд подавай.

— Кого он избил: меня или тебя?—рассердился Филипп Афанасьевич.

Степан заколебался... Судиться страшно, а гнев Филиппа Афанасьевича еще страшнее... Нет, нельзя его сердить, нельзя...

Степан вздохнул и тихо проговорил:

— Ефремов Захар, Кудашнурский черемис... Что было, сам знаешь, так и пиши. Свидетели: зеленопольские черемисы — Спиридон Епишев и Ипат Пайметов...

Полчаса спустя Филипп Афанасьевич кончил писать прошение земскому начальнику с просьбой привлечь Сакара к суду.

Так в один день на Сакара были составлены две жалобы...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Ветер совсем обезумел: свистит, завывает по-волчьи, гудит и стонет, как леший, бьется в окна перепуганной птицей, трясет стены, срывает крышу — будто хочет опрокинуть школу, ворваться в комнату, задуть керосиновую лампу, разметать лежащие на столе бумаги, тетради и книги...

Но человек, сидящий за столом, кажется, даже не слышит ни свиста, ни воя, он целиком ушел в свою работу. Перед ним лежат три стопки ученических тетрадей. Каждую надо проверить, исправить ошибки. Столько работы, что тут уж некогда обращать внимание на погоду.

Григорий Петрович устало потянулся и встал из-за стола.

Новый, еще более сильный порыв ветра ударил в окно. В рамах зазвенели стекла. Григорий Петрович подошел к окну и, заслонившись рукой от света лампы, посмотрел на улицу. Но разглядеть он ничего не смог, белый снег наглухо залепил стекла. Лишь было слышно, как за слепыми, залепленными пургою окнами бушует, обезумев, ветер и со свистом и завыванием бросается на стены дома.

Григорий Петрович представил себе огромный океан, разгневанные волны... Огромные водяные глыбы, поднимающиеся выше дома, и среди этих волн — одинокая лодка... Волны бросают лодку из стороны в сторону, как щепку... А в этой лодке он, Григорий Петрович, один-одинешенек... Страшно, жутко...

Григорий Петрович снял висевшую на стене скрипку, провел несколько раз смычком по струнам, настроил и заиграл «Лесную сказку».

Он очень любил этот вальс, особенно вторую часть, которая напоминала ему марийские песни. Он часто и подолгу наигрывал на скрипке мелодии любимых песен. Вот и сейчас мелодия вальса незаметно перешла в марийский напев. Григорий Петрович тихо запел:

Когда за ворота я поглядел,
То улицу нашу увидел.
Когда я с улицы вдаль поглядел,
За улицей поле увидел.

Когда я с поля вдаль поглядел,
То луг я зеленый увидел.
На луг зеленый я поглядел,
Черемушник частый увидел.

Вам-то луга, а нам-то — беда.
Когда же черемуха будет цвести?
Что же украсит ваши луга,
Черемуха если не будет цвести?

Наша-то доля — сиротская доля,
Значит, и песни нам грустные петь.
Что же украсит нам горькую жизнь,
Если и песен не будем мы петь?

— Да-а, ничего не скажешь, красивая песня,— тихо проговорил Григорий Петрович.— Что слова, что напев — чистое золото. А мы, марийские интеллигенты, не

ценим своих песен, даже, бывает, стесняемся их петь... Эх, журавли, отбившиеся от стаи!..

Григорий Петрович повесил скрипку на стену, взял со стола книгу, долго листал ее, потом начал читать вслух:

О, родина моя!
За что любить тебя? Какая ты нам мать,
Когда и мачеха, бесчеловечно злая,
Не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих казнишь, не уставая?

Любя, дала ль ты нам один хоть красный день?
На наш весенний путь, раскинутый широко,
Ты навела с утра зловещей тучи тень,
По капле кровь из нас всю выпила до срока!

Как враг, губила нас, как яростный тиран!
Во мраке без зари живыми погребала,
Гнала на край земли, в снега безлюдных стран,
Во цвете силы — убивала...

Мечты великие без жалости губя,
Ты, как преступников, позором нас клеймила,
Ты злобой душу нам, как ядом, напоила...
Какая ж мать ты нам?? За что любить тебя?..

— Значит, так-то, дорогой друг Мельшин. Ты словно подслушал мои думы. Да и за что нам любить царскую Россию,— тебе, товарищ, и мне тоже? Ведь тебя двадцатичетырехлетним юношей засадили в Петропавловскую крепость. Тебя приговорили к смерти за то, что ты хотел помочь обездоленным и угнетенным людям. Правда, тебя не убили, смертную казнь заменили каторгой и отправили в Сибирь, на Акатуй. Мгновенную смерть заменили гибелью, растянутой на долгие годы... Да, все так! И все равно ты любил родную землю... За что?!

За что—не знаю я: но каждое дыханье,
Мой каждый помысел, все силы бытия—
Тебе посвящены, тебе — до издыханья!
Любовь моя и жизнь — твои, о мать моя!

Родную мать всегда любишь, какая бы она ни была. Мать и надо любить! В этом ты, товарищ, прав... А я? Почему я люблю свою страну? Разве нам, марийцам, царская, николаевская Россия мать? Нет, она нам даже не мачеха. Для нас она — тюрьма, в которой нам и дышать-то свободно не позволяют. Нам предоставлено лишь право платить налоги да посылать наших братьев в солдаты. Царской России не нужны ни наш язык, ни наша культура.

Кто-то постучал в дверь.

Григорий Петрович прислушался.

Стук повторился.

«Нет, это не ветер»,— подумал Григорий Петрович. Он накинул на плечи пальто, надел шапку и вышел в сени. Немного погодя вернулся в комнату с высоким мужчиной. Мужчина был в башлыке и с фонарем в руках.

— Ну и метель,— сказал вошедший.— В такую погоду хороший хозяин и собаку не выгонит из дому.

— Куда же ты собрался, Василий Александрович, в этакую непогодь?

— А вот отгадай... Вокруг твоего дома так намело, что я еле-еле прошел...

— Ладно, развязывай башлык, снимай пальто. Давай-ка я фонарь подержу.

— Нет, Гриша, мне у тебя сидеть некогда. Я, так сказать, посол. А впрочем, пусть немного подождут...— Василий Александрович поставил на пол фонарь, размотал башлык.— Пальто не снимаю, что-то прохладно у тебя.

— Вот уж неправда! Это на улице ветер выдул из тебя все твое тепло. Не впусти я тебя еще минуту, ты бы небось тут же на крыльце превратился в ледяшку,— засмеялся Григорий Петрович.

— Ну ладно, раз так, то разденусь.

Василий Александрович снял пальто.

Под пальто на нем был надет мундирный сюртук лесного ведомства с зеленым кантом по воротнику и блестящими пуговицами. Василий Александрович служил лесным кондуктором. Он выглядел значительно старше учителя, ему на вид можно было дать более тридцати лет, он был на полголовы выше. И хотя чертами лица они не походили один на другого, все же было в них какое-то не объяснимое словами сходство.

— Как живешь, Гриша, что поделываешь? К урокам готовишься?

— Тетради проверял... Потом вдруг стало что-то тяжко на душе, поиграл немного... А перед твоим приходом читал Мельшина...

— А сам что-нибудь новенькое написал?

— Вчера написал стихотворение. Правда, эти стихи не совсем мои, но и переводом их не назовешь, скорее

всего — подражание. Попалось мне стихотворение одного русского поэта и так пришлось под настроение...

— Ну, что ж, почитай, послушаем.

Григорий Петрович взял из стопки бумаги, лежавшей на столе, один листок.

Печаль в моем сердце... А ветер гудит,
И в окна стучит, не стихая...
А где-то лазурное море шумит,
Под ласковым солнцем сверкая...

Здесь воют бураны и вьюги метут...
Бушуют ночные морозы...
А где-то зеленые мирты растут
И нежные белые розы.

Напрасно, без цели проходят года,
Нет жизни, и счастья не будет...
А жизнь где-то там... Где лето всегда...
Там солнце... Там счастливы люди!

Григорий Петрович замолчал, ожидая, что скажет Василий Александрович.

— Это не твой стиль, Гриша,—поморщился Василий Александрович.— Предоставь так писать Лохвицкой. Это, милый мой, сентиментализм... Не понравилось мне это стихотворение. Не проходит наша жизнь понапрасну. Не нам так говорить о жизни. Пусть буржуазные поэты утверждают, что жизнь бессмысленна. От них ничего другого и ждать не приходится, ведь они завидуют тем, кто богаче их. «Все счастливы!» Где же ты увидел такое место, где все счастливы! В нашей жизни бывает так: одному счастье, другому горе. Небось слышал, что в Аркамбальскую волость приехали землемеры. Зверева назначили землеустроителем. Будут проводить в жизнь столыпинскую земельную реформу. За богатыми закрепляют лучшие земли...

— Здешние мужики не согласятся выходить на хутора.

— Это кулаки-то не согласятся?

— У нас на всю деревню один кулак.

— Землю будут нарезать не только вашей деревне, а всей волости. Так что кулаков наберется. Да и в вашей деревне, если присмотреться, не один кулак. Кроме того, есть и такие, которые всеми силами лезут в кулаки.

— Конечно, такие есть.

— Вот видишь. Нам нужно использовать передел

земли для нашего дела и объяснить крестьянам-марийцам, что царские чиновники никогда ничего не станут делать в интересах бедняков, что они всегда стоят за богачей... Ну, ладно, а теперь одевайся потеплее, бери свою скрипку и пойдем к Зверевым. Я специально пришел, чтобы пригласить тебя туда.

— Меня?.. Пригласить к Зверевым? Неужели ты ходишь к Зверевым?

— Чудак ты, Гриша. Конечно, Зверев — хищный зверь. Но учти, он земский начальник и почетный попечитель твоей школы. Кроме того, если взглянуть с другой стороны, для преферансиста он—отличный партнер, для гостей — радушный хозяин. Его жена, Ольга Павловна, прекрасный для тебя аккомпаниатор. А сегодня там будет еще один человек: из Петербурга приехала их дочь Тамара. Обрати на это обстоятельство особое внимание.

— Почему?

— Потому что угнаться за Тамарой нужны ноги порезвее моих,— усмехнулся лесник.— А вообще-то я хожу к Зверевым узнавать, какая ожидается погода.

— Какими-то загадками ты говоришь, Василий Александрович?

— Ладно, потом разберемся, пошли. И так мы заставляем ждать себя слишком долго. А господа дворяне долго ждать не любят.

— Было бы лучше, если бы они меня совсем не ждали... Я вовсе не желаю с ними якшаться и, прямо скажу, очень удивлен, что ты, Василий Александрович...

— Хватит, хватит!.. В другой раз поговорим, а сейчас идем.

Не слушая больше учителя, Василий Александрович надел пальто, закутался в башлык, взял в руку фонарь. Григорий Петрович нехотя стал собираться, положил в футляр скрипку...

— Гриша, ты валенки обуй, штиблеты придется в руках нести... А то, попробуй, может быть, влезешь в валенки прямо в штиблетах. Я вот именно так и ухитрился.

2

Василий Александрович и Григорий Петрович вышли на улицу. Ветер утих, в небе, мерцая и переливаясь, сверкали звезды. Идти было нелегко: кое-где ве-

тер совсем оголил мерзлую землю, а кое-где громоздились высокие сугробы. Василий Александрович, освещая путь фонарем, шел впереди, высоко поднимая свои длинные ноги. Григорий Петрович, утопая в сугробах, пробирался за ним.

— Ну, зачем ты, Василий Александрович, потащил меня в снегу кувыркаться? Ну, не пошел бы я к земскому начальнику, арестовал бы он меня, что ли, за это?

— А разве годится тебе как медведю залечь в берлогу и сосать собственную лапу? Ты жизни не видишь.

— Зачем мне смотреть на жизнь земского начальника?

— Надо, Гриша. Надо знать и жизнь своего врага.

Василий Александрович и Григорий Петрович подошли к двухэтажному дому. Из ярко освещенных окон второго этажа на улицу падал свет. Сейчас дом казался черным, хотя был выкрашен светло-коричневой краской. Этой же краской окрашены ворота и забор. Со стороны улицы у дома—балкон, со стороны сада — терраса.

Василий Александрович, погремев запором, открыл калитку.

— Иди за мной,— сказал он, повернувшись к Григорию Петровичу.— Видишь, как тебя ждут, даже дорожку от калитки до крыльца уже расчистили.

— Просто господа не любят оставлять своих слуг без работы.

Василий Александрович ничего не ответил. Поднявшись на крыльцо, он дернул шнур возле входной двери. Где-то наверху прозвенел колокольчик. Послышались шаги.

— Кто там? — спросил из-за двери женский голос.

— Это я, Маша, я.

Лязгнул железом запор, и дверь растворилась.

— Входите, входите, Василий Александрович,— сказала молоденькая горничная, пропуская пришедших.— Добрый вечер, Григорий Петрович.

Григорий Петрович удивился, что в этом доме кто-то знает его имя и отчество, и растерянно ответил:

— Добрый вечер.

Опередив Василия Александровича и Григория Петровича, девушка взбежала по лестнице и растворила

двери, ведущие в комнаты. Учитель и лесной кондуктор вошли в прихожую.

В прихожей, по обеим сторонам настенного зеркала, горели две лампы. На вешалке висело несколько шуб, на полу стояли глубокие галоши, валенки. Василий Александрович развязал башлык, снял пальто и сел на стоявший у двери мягкий стул.

— Сними,— сказал он Григорию Петровичу, протягивая ногу в валенке,— потом я тебе помогу.

Но к Василию Александровичу подбежала Маша и помогла снять валенки.

— А его я сам раздену,— сказал Василий Александрович.— Идите, Маша, занимайтесь своим делом.

Приведя себя в порядок перед зеркалом, Василий Александрович обернулся к Григорию Петровичу:

— Скрипку пока оставь здесь.

Григорий Петрович прошел за Василием Александровичем в довольно просторную комнату. Посреди комнаты стоял большой стол. Над столом висела лампа, из-под белого абажура лился мягкий свет. У одной стены, возле блестящего черного пианино, сидели две женщины — седеющая дама и тоненькая девушка. Немного поодаль от них в кресле читала книгу молодая женщина. В другом углу комнаты, за столиком, покрытым зеленым сукном, четверо мужчин играли в карты.

— Семь пик! — донесся до Григория Петровича громкий возглас.

— Без одной остались, батюшка,— смеясь, ответил седоусый мужчина с коротко подстриженными волосами и короткой бородкой, в светлом коричневом пиджаке.

— Господа, разрешите отрекомендовать вам нашего Паганини,— сказал Василий Александрович,— прошу любить и жаловать.

Григорий Петрович подошел к седоусому мужчине— хозяину дома Матвею Николаевичу Звереву.

— Здравствуйте, Матвей Николаевич!

— Здравствуйте, здравствуйте, Григорий Петрович! — Зверев задержал руку учителя в своей.— Ой, нехорошо, нехорошо, Григорий Петрович. Совсем вы возгордились. А нас, стариков, уважать надо. Могли бы навестить, не дожидаясь, когда за вами пришлют...

Пока Григорий Петрович обменивался рукопожати-

ями с партнерами Зверева по преферансу, Василий Александрович подошел к женщинам.

— Почему вы так поздно, Василий Александрович? — спросила тоненькая девушка.

— Метель-то какая! Только начало ноября, а погода совсем зимняя. Пока я ходил за Григорием Петровичем, меня чуть не занесло... Да и дорога неблизкая, Тамара Матвеевна...

— Не называйте меня Тамарой Матвеевной. Я не люблю, когда так называют. Зовите просто Тамара. Постуденчески...

— Тамара, что ты говоришь?—возмущенно воскликнула седеющая женщина.

— Ах, маман, ne le trouvez pas mauvais[1], времена изменились.

В это время Зверев подвел к женщинам Григория Петровича.

— Ольга Павловна, вот человек, не уважающий старших и не признающий начальства,—учитель Григорий Петрович Веткан,— сказал Зверев, обращаясь к пожилой даме. Потом он повернулся к Григорию Петровичу: — Моя жена, или, как говорит поэт, «подруга вечная моя». А эта трясогузка доводится мне дочерью. А эта особа, как и вы, просветитель народа, учительница Начарсолинской школы Зоя Ивановна Кугунерова.

Ольга Павловна, а за ней Тамара и Зоя Ивановна подали руку Григорию Петровичу.

— Ольга Павловна давно уже на вас, Григорий Петрович, имеет виды,— улыбнулся Зверев.

— Ну и рекомендуешь же ты меня, Матвей Николаевич!

— Я хотел сказать, Ольга Павловна давно мечтает сыграть с вами дуэтом.

— Григорий Петрович, вы принесли скрипку?

— Без скрипки я бы его сюда не привел,— вмешался в разговор Василий Александрович.

— Матвей Николаевич, я за вас взял,— окликнул Зверева один из карточных игроков — мужчина с пепельной бородой — и поднял карты,— а батюшка снова торгуется до семерки пик.

— Спасибо, доктор, здесь думать нечего: семерка треф,— ответил Зверев и, возвращаясь к карточному

---

1 Мама, не сочтите это неприличным (*франц.*).

столику, сказал жене: — Ольга Павловна, ты уж займись гостями.

Ольга Павловна ласково посмотрела на учителя:

— Говорят, вы, Григорий Петрович, великолепно играете на скрипке? Где вы учились музыке?

— Те, кто считает меня хорошим музыкантом, глубоко заблуждаются, я—самый обыкновенный дилетант. Специально нигде не учился, единственно лишь, как и все семинаристы, посещал в семинарии уроки музыки.

Григорий Петрович и Ольга Павловна заговорили о музыке. Тамара, прислушиваясь к их разговору и время от времени с интересом посматривая на молодого учителя, перебирала ноты.

Зоя Ивановна и Василий Александрович сели в стороне.

— Тебе, Зоя Ивановна, необходимо выяснить, правда ли Тамаре пришлось покинуть Петербург из-за участия в студенческом революционном кружке или же у нашего уважаемого Матвея Николаевича просто не хватает средств прилично содержать свою дочь в столице?

— По-моему, послёднее более похоже на правду,— сказала Зоя Ивановна.

— Может быть и то и другое. Во всяком случае, она вращалась в студенческом кругу, и нам нужно бы поближе познакомиться с ней. Тебе это сделать удобнее. А этого анархиста,— Василий Александрович кивнул на Григория Петровича,— я сам наставлю на правильный путь. За последнее время он стал совсем иным... Теперь он к нам, марксистам, относится с уважением, хотя мы и русские. А ведь прежде он в каждом русском видел врага: «Вы колонизаторы, вы нас за людей не считаете, вы пьете нашу кровь!» А теперь так не говорит. Но сюда я его еле заманил. Никак не хотел идти. Вон смотри, как мирно беседует с Ольгой Павловной о музыке, а попробуй только сказать что-нибудь неуважительное о марийцах, взорвется, как порох...

Григорий Петрович направился в прихожую за скрипкой, Ольга Павловна повернулась к Василию Александровичу:

— Ваш протеже просто прелесть... Как тонко он чувствует музыку.

— Кто поговорит с мамой о музыке, тот сразу ста-

новится прелестью,— усмехнулась Тамара.— Будто на всем свете существует только одна музыка.

— Тамара Матвеевна... Ах, извините, просто Тамара,— поправился Василий Александрович,— Григорий Петрович может говорить не только о музыке, но и о многом другом. Например, он очень хорошо разбирается в модах.

Григорий Петрович вернулся в зал со скрипкой и смычком.

— Что будем играть? — спросила Ольга Павловна.

— Что вам будет угодно, если найдутся ноты,— ответил Григорий Петрович.

— В таком случае начнем с концерта Моцарта.— Ольга Павловна поставила на пюпитр ноты и зажгла свечи на пианино.

Григорий Петрович уверенно взял первую ноту. Он позабыл обо всем на свете, весь отдавшись очарованию и силе гениальной музыки. Ольга Павловна аккомпанировала прекрасно.

Прозвучал последний аккорд, и не успел он затихнуть, как послышались аплодисменты. Григорий Петрович поднял голову: игроки оставили свои карты, оборвали разговор Зоя Ивановна и Василий Александрович, Тамара, широко раскрыв глаза, смотрела на смычок в руке Григория Петровича. Зверев, аплодируя, встал из-за стола:

— Браво! Браво!..

Григорий Петрович не ожидал такого успеха, он смутился и потупился.

— Господа, отложим партию на завтра,—предложил партнерам Зверев.— Посвятим сегодняшний вечер музыке... Ольга Павловна, будьте добры, арию Демона.

Ольга Павловна взяла вступительные аккорды. Матвей Николаевич запел мягким басом:

Не плачь, дитя, не плачь напрасно...

Пение Матвея Николаевича тоже встретило всеобщее одобрение.

— Теперь попросим спеть нам что-нибудь Тамару Матвеевну,— сказал Василий Александрович.

— К сожалению, я не пою.

— Тогда, может быть, вы декламируете?

— Правда, Тамара, прочти что-нибудь,—обратилась к дочери Ольга Павловна.— Я тебе проаккомпанирую.

— Мама, пожалуйста, сыграй что-нибудь в миноре.

Ольга Павловна тронула клавиши. Тамара начала декламировать. У нее оказался приятный грудной альт.

Может быть, это был только радостный сон.
Кто-то светлый открыл мне дорогу мою...
И сказала душа: это он... это он...
Тот, кого я люблю...
На руках у него след оков и цепей...
И в далеком холодном краю
Он страдал за других...

Тамаре никто не аплодировал. Все задумчиво молчали, только Василий Александрович тихо шепнул Кугунеровой:

— А девушка настроена романтично. Об этом нам тоже не надо забывать...

И вдруг среди наступившей тишины все в комнате услышали доносящуюся с улицы сквозь двойные рамы пьяную песню, которая больше походила на дикий рев.

— У этих черемис, видно, нет песен, что они так ужасно воют,—с полувопросом проговорила, поморщившись, Ольга Павловна.

Григорий Петрович переменился в лице, резкие, злые слова готовы были сорваться с его губ. Но он взял себя в руки. Он поднял скрипку к плечу, ударил смычком по струнам.

Григорий Петрович играл мелодию марийской свадебной песни, которую он слышал прошлым летом в Кудашнуре.

Ольга Павловна стала подбирать аккомпанемент, под ее левой рукой клавиши пианино зазвучали, подчеркивая ритм, как удары барабана.

Из всех слушавших одна Зоя Ивановна узнала мелодию марийской песни, остальные подумали, что Григорий Петрович играет какой-то вальс или импровизирует.

Тамара смотрела на Григория Петровича и все более удивлялась себе. Этот деревенский учитель с его скрипкой и этой странной, непонятной мелодией волновал ее и неудержимо влек к себе. В Петербурге у нее были знакомые студенты, молодые чиновники, офицеры, но никто из них не вызывал у нее такого интереса, как Григорий Петрович.

Тамара вышла в соседнюю комнату.

Григорий Петрович кончил играть. Все молчали, но он чувствовал, что его игра произвела впечатление.

— Что за чудесный вальс вы исполняли? — ласково спросила Ольга Павловна. — Или это импровизация?

— Это черемисская песня. Так воют черемисы, — ответил Григорий Петрович.

— Извините, Григорий Петрович, разве вы черемис? — спросила Ольга Павловна.

— Да, я чистокровный черемис.

— Но вы говорите по-русски совершенно без акцента. В вас просто невозможно узнать черемиса.

— Тем не менее я самый настоящий черемис.

Григорий Петрович поклонился и пошел к двери. Но выйти из зала ему не удалось: в дверях стояла Тамара. Григорий Петрович остановился. На мгновенье их взгляды встретились. Григорий Петрович смутился. Во взгляде Тамары ему почудились то ли неприязнь, то ли, наоборот, живой интерес.

«Почему она так смотрит на меня?» — подумал Григорий Петрович и отступил в сторону.

— Пожалуйста.

Тамара прошла в комнату.

Григорий Петрович убрал скрипку в футляр. Его первым желанием было одеться и уйти. Но тут же он подумал, что если сейчас уйдет, то ему сюда уже никогда не вернуться. А зачем возвращаться? На кой черт нужны ему эти аристократы?.. Бежать, бежать отсюда!..

Но он не ушел, его удержал взгляд черных глаз дочери земского начальника... Досадуя на себя, Григорий Петрович вернулся в зал.

В зале старый доктор, оживленно жестикулируя, громко ораторствовал:

— Да, да! Трудолюбие, честность, но ужасающее бескультурье. Они все хлещут водку, и, что самое ужасное, даже женщины пьют. Недавно у нас произошел такой случай. Как-то утром приезжает один мужик-черемис из Корамас, говорит, что у него жена рожает и никак не разродится. Я послал акушерку. Немного погодя получаю от акушерки отчаянную записку: «Роженица очень больна, высокая температура, приезжайте скорее». Я поехал. Приезжаю, захожу в избу — больная, как ни в чем не бывало, вовсю распевает песни. Акушерка, смущенная, извиняется: «Простите, ради бога,

я ошиблась: женщина не больна, она просто пьяна». Что тут поделаешь, зря проездил, и акушерку винить нельзя, она еще молодая, неопытная. Она...

— Вам в вашей практике, наверное, немало пришлось повидать всего?— прервала доктора Ольга Павловна.— Я бы не смогла работать в таких условиях. Вы, доктор, настоящий герой.

— Всякий зарабатывает свой хлеб насущный как умеет,— спокойно ответил доктор.— До героизма нам далеко...

Взглянув на круглые стенные часы, стрелки которых показывали уже одиннадцать, Зверев воскликнул:

— Ольга Павловна, вы забыли мудрую русскую пословицу: «Соловья баснями не кормят». Пора бы подумать и об ужине.

Ольга Павловна поднялась с места.

— Тамара, распорядись, чтобы подавали на стол.

За ужином больше всех говорил землемер. Пока шла беседа о музыке, он не вставил ни одного слова, зато сейчас, когда речь зашла о вещах, ему знакомых, он ни на секунду не закрывал рта.

— Столыпин — великий человек. Он ясно представляет себе требования современной жизни. Почему Америка теснит нас на хлебном рынке в Европе? Почему бельгийский крестьянин получает с десятины двести пудов хлеба? В чем секрет? А в том, что американский фермер обрабатывает свою землю машинами, в том, что у него нет чересполосицы. А наш крестьянин, перебираясь с полосы на полосу, теряет на этом столько же времени, сколько тратит на обработку земли. Теперь же реформа развяжет ему руки и освободит от общинных пут.

— Совершенно с вами согласен, Алексей Антонович. Теперь наш крестьянин станет подлинным хозяином земли. Именно в этом заключается смысл мудрой аграрной политики Петра Аркадьевича Столыпина.

— Имея нераздробленный надел и машины для обработки земли, наш крестьянин, думаю, добьется таких же успехов, каких добился американский фермер.

— Но меня интересует, — вмешался в разговор Василий Александрович,— если даже вы нарежете землю каждому хозяину в одном месте, на какие средства наш крестьянин станет приобретать машины? Да, и ка-

кую машину можно приспособить для работы на трех-четырех десятинах? Ведь каждый американский фермер имеет по пятьдесят — шестьдесят десятин.

— Для начала будет очень неплохо, если крестьянин вместо сохи обзаведется плугом,— не сдавался землемер.— А со временем он сможет приобрести и другие машины.

— И еще об одном я хочу спросить. Может быть, вы, Матвей Николаевич, сможете мне сказать,— повернулся Василий Александрович к Звереву,— сколько хозяев в аркамбальском обществе желает выйти на отруба?

— Пока не могу утверждать, что таких хозяев много. Но мы начнем с раздела земель между деревнями, и за это время надо будет разъяснить народу, какую выгоду сулят хутора. Если крестьяне поймут, то, думаю, нам удастся ликвидировать мирские и общественные земли.

— Хватит, хватит!— перебила мужа Ольга Павловна.— Хватит разговоров о хуторах, разделе земель! Говорите об этом в канцелярии, на сходах, в волостном правлении, а за столом, пожалуйста, говорите о чем-нибудь другом. Григорий Петрович,— повернулась она к учителю,— вы любите охоту?

Григорий Петрович, который в своей жизни и чирка не подстрелил, не нашелся сразу, что ответить, но его выручил Василий Александрович:

— Кто же не любит охоты, Ольга Павловна? Да Григория Петровича хлебом не корми, только дай поохотиться. Я думаю, будь его воля, он бы и школу свою перенес в лес. Григорий Петрович очень любит чистый воздух. А в школе у него теснота, дышать нечем.

— Я бы тоже с удовольствием перевел свою канцелярию в лес,— сказал Зверев.

— И назывались бы вы тогда гораздо точнее: не земским, а зверским начальником,— заметил Василий Александрович,— поскольку в наших лесах много разных зверей, как четвероногих, так и двуногих...

У Зверева поднялись брови. Землемер ткнул себя вилкой в губу. У доктора очки сползли на нос. Зоя Ивановна и Григорий Петрович смотрели на Василия Александровича с удивлением. Но тот, словно не замечая впечатления, произведенного его каламбуром, и не дав никому сказать ни слова, продолжал:

— Я думаю, что некоторым людям самое подходяще место в лесу среди зверей. А вот я, хоть и лесник, не могу и дня прожить без людей. Я очень люблю человека. Доктор, наверное, меня поймет. Разве мог бы интеллигентный человек, если бы он не любил своих пациентов, прослужить в нашем медвежьем углу целых двадцать пять лет?

Доктор промолчал. Он шумно отодвинул свою тарелку, вышел из-за стола и, целуя руку Ольги Павловны, проговорил:

— Благодарю за угощение. Разрешите пожелать вам спокойной ночи.

Стали прощаться и остальные гости.

На улице, пробираясь среди сугробов, Григорий Петрович спросил Василия Александровича:

— Зачем Кугунерова ходит к Зверевым?

— На это имеются две причины. Первая — Зверев попечитель и ее школы, а попечителю надо оказывать уважение во избежание неприятностей. Ты это тоже учти... Вторая причина в том, что Зоя Ивановна — моя невеста.

— И ты ей велел посещать Зверевых?

— Да.

— Но зачем тебе это?

— Это ты поймешь немного позже.

В это время между Ольгой Павловной и Матвеем Николаевичем шел такой разговор:

— Если бы он не был черемисом...— сказала Ольга Павловна.

— Да, он, видно, талантливый человек,— ответил муж.— И если бы не был черемисом, то далеко бы пошел.

3

Вот уже несколько лет, как уржумский богатей Панкрат Иваныч открыл в Аркамбале лавку. Когда начался вывод хозяев на хутора, лавочник неожиданно проникся любовью к аркамбальским мужикам и захотел записаться крестьянином в аркамбальскую общину. Об этом замысле лавочника Григорию Петровичу рассказал Егор Пайметов.

Егор Пайметов лишь недавно вернулся в родное село из Сибири. В 1905 году он служил матросом на

броненосце «Потемкин Таврический». Правда, в восстании он активного участия не принимал, грамоты не знал, политикой не интересовался, но его заодно с другими сослали в Сибирь на вечное поселение и только в 1913 году после амнистии, объявленной по случаю трехсотлетия дома Романовых, как и многих других, выпустили на свободу. Восемь лет жизни с «политиками» многому научили Егора, на многое открыли ему глаза. Он хорошо знал цену столыпинской реформе и понимал, что она выгодна лишь кулакам. Поэтому Егор отговаривал аркамбальских мужиков от выхода на столыпинские хутора.

Кулаки тоже не дремали. Больше всех старался лавочник Панкрат Иваныч. Он заранее начал сманивать мужиков, которые побогаче, не обошел угощением и лодырей вроде Павыла Япара. Поддавшись уговорам лавочника, несколько мужиков решили выйти из общества. Павыл Япар тоже подал прошение дать ему надел.

Правда, у Япара ничего нет за душой: ни семьи, ни лошади, ни избы — как говорится, ни кола ни двора. Его ревизскую землю давно уже отдали другому хозяину. Но по новому столыпинскому закону Япар имеет право потребовать от общества свой надел и затем распорядиться им, как ему заблагорассудится, то есть продать. А всем известно, что Панкрат Иваныч без звука выложит за эту землю триста рублей.

Панкрат Иваныч — человек добрый, поит Япара водкой, потчует калачами, ничего не жалеет, взамен лишь об одном просит, чтобы Павыл и его дружки-приятели погромче кричали на сельском сходе, когда будут решать, принимать Панкрата Иваныча в сельское общество или нет.

— Об этом, Панкрат Иваныч, не беспокойся,—уверяет захмелевший Павыл,— все сделаем по твоему желанию!.. Всех перекричим!..

Но Панкрат Иваныч обхаживает не одного Япара: приезжего землемера он поселил у себя в горнице, земскому начальнику отпускает товары из своей лавки в кредит, старшина и старший писарь в последнее время зачастили к лавочнику в гости.

Когда Егор Пайметов обо всем этом рассказал Григорию Петровичу, учитель призадумался: надо что-то предпринимать. Жаль, Василий Александрович уехал

на стекольный завод да что-то долго не возвращается, а сельский сход вот-вот соберется.

Григорий Петрович и Егор Пайметов решили, что надо постараться, чтобы лавочнику не удалось обмануть мужиков и пролезть в общество.

Григорий Петрович и Егор беседовали с мужиками, бедняками, объясняли им:

— Лавочник и так прибрал вас к рукам, а если получит землю, то станет над вами полным хозяином. Да что там хозяином, он вас так зажмет в кулак, что вы вздохнуть не сможете.

Некоторые мужики соглашались с ними, а иные возражали, что, мол, без богатых людей и бедному человеку не прожить и что, если говорить правду, Панкрат Иваныч живет по-божески, никого в деревне не обижает...

Но вот подошло воскресенье — день схода. В караулку на сход народу набилось полным-полно. Даже когда приезжали становой и земский начальник, здесь не собиралось столько людей. А сегодня, если хозяин сам не смог прийти, то прислал бабу или кого-нибудь из детей. У женщин и подростков из-за пазухи торчали горлышки пустых бутылок.

Когда Григорий Петрович и Егор Пайметов входили в караулку, Панкратов батрак и Павыл Япар как раз ставили на стол трехведерный бочонок водки. Около них с пустым ведром в руках стоял сам Панкрат Иваныч.

За столом сидели аркамбальский староста и сельский писарь, Григория Петровича из уважения к его учительскому званию посадили рядом с писарем. Егор сел среди мужиков.

В обычные дни в караулке тоже толкутся люди, шумят, точат лясы, рассказывают сказки. Но сегодня здесь тихо. Мужики выжидающе поглядывают то на старосту, то на лавочника, то на Григория Петровича, удивляются: чего учителю-то нужно на сходе? До Григория Петровича в Аркамбале был другой учитель, так он за все пять лет ни разу не заглянул в караулку.

Многие из вас, дорогие читатели, никогда не были на дореволюционном деревенском собрании — сельском сходе — и поэтому не представляете, что это такое.

Придя в караулку, мужики рассаживаются на лав-

ки, кому не достанется места на лавке, садятся на пол или стоят, прислонившись к стенке, и при этом все первым делом свертывают цигарки и закуривают. Поэтому в караулке всегда висят облака зелено-синего дыма. Некурящему человеку в таком дыму долго не выдержать.

Как-то в детстве отец послал меня вместо себя на сход в караулку. Я пошел, сел с краю на лавку. Сижу, слушаю. Табачный дым в караулке клубится облаком. Я сидел долго, потом у меня закружилась голова. Я встал и хотел выйти, но тут же упал на пол. Меня вынесли на улицу на руках. После этого случая у меня пропала всякая охота ходить на сходки.

Григорию Петровичу было трудно сидеть в душном дымном помещении, но он твердо решил продержаться до конца.

Панкрат Иваныч налил из бочонка полное ведро водки, поставил на стол. Рядом с ведром поставил две большие кружки. Он зачерпнул кружкой водку и широко перекрестился.

— За общество,— сказал лавочник и выпил кружку до дна. Он снова зачерпнул полную кружку и протянул ее старосте.

Староста кружку в руки не взял, кивнул, чтобы Панкрат Иваныч поставил на стол.

— Уважаемое общество, — сказал староста,— вы все знаете Панкрата Ивановича. Он уже давно живет в нашей деревне. Ничего плохого мы от него не видели.

— И хорошего тоже не видели!— выкрикнул кто-то из задних рядов.

— Дайте мне сказать, потом вы будете говорить,— повысил голос староста.— Панкрату Иванычу нужен приговор общества, чтобы записаться в общину нашей деревни.

— Так он небось после приговора землю потребует?— опять перебил кто-то старосту.

— Конечно, крестьянина без земли не бывает,— пояснил Павыл Япар.

— А вы думаете, за здорово живешь, что ли, вам три ведра водки выставили? — поддержал Павыла кто-то из приятелей.

Этот момент Григорий Петрович посчитал самым удобным для выступления. Он встал и спросил:

— Миряне, разве у вас имеется лишняя земля?

Григорий Петрович говорил совсем тихо, но его услышали в самых дальних углах.

— Какая там лишняя,— отозвался от печки Яшай,— самим не хватает.

— Нет лишней земли! Нет! — закричали люди.

— Тогда я удивляюсь вам, миряне,— продолжал Григорий Петрович.— Почему же вы хотите выделить землю чужому человеку? Ведь землемер вам лишнего куска не нарежет. Сколько у вас было земли в разных местах, ровно столько же он отрежет вам в одном месте.

Панкрат Иваныч съежился, поджал губы, его маленькие глазки широко раскрылись, а тощая козлиная бородка задралась вверх.

Григорий Петрович, не обращая внимания на лавочника, продолжал:

— Я, миряне, не советую вам принимать в общество постороннего человека.

Но тут лавочник не вытерпел:

— Ты, Григорий Петрович, сам здесь посторонний человек, твоего совета общество не спрашивает. Раз ты учитель, так и учи ребятишек в своей школе, а мир учить ты еще молод.

— Учителю место в школе! Нечего ему делать на сходе! — кричит Павыл Япар.

— Знамо, нечего учителю тут делать! — орут Япаровы дружки.

К столу протолкался Егор Пайметов:

— Соседи, на наш сход пришел человек умный, ученый. Этому радоваться надо. Умный человек и умный совет даст. Григорий Петрович верно говорит: нашей земли нам самим не хватает...

— А этот каторжанин откуда взялся! — взревел Япар.— В Сибири земли много, зачем сюда ехал? Здесь твоей земли нет!

— Нет! Нет! Нет земли каторжнику!

— Соседи! — вышел к столу Пашай.— Егор в Сибирь попал не за то, что убил человека...

— Он царя хотел убить! Его и на сход нельзя пускать! — кричали Япар и его приятели.

— Гнать его отсюда!

— В шею!

— Тише, соседи! Так нельзя! Уж ежели Егора сам царь простил, не нам ему грехи поминать,— громко ска-

зал коренастый мужик с красивой окладистой бородой.— Только ведь мы собрались нынче не про Егора говорить, дело в том, что Панкрат Иванович просит мирского согласия на вступление в наше аркамбальское общество. Вот об этом нам и надо посоветоваться, давать свое согласие или не давать?

— Вот, вот, я то же самое говорю,— подхватил староста.

— Дать!.. Дать!..

— Не давать!.. Не давать!..

Панкрат Иваныч зачерпнул вторую кружку водки и протянул ее Япару:

— Начинай, Павел Архипыч!

Япар принял кружку в обе руки. Он выпил водку, как воду, одним глотком.

За Япаром к кружке протянули руки еще несколько мужиков. Им наливал уже не сам лавочник, а его батрак. Сам же Панкрат Иваныч тем временем уговаривал отведать водки старосту и писаря...

И зеленый змий одолел... Мужики столпились вокруг бочки. Бабы вытащили из-за пазух свои бутылки, мальчишки-подростки встали в очередь...

Григорий Петрович, опустив голову, вышел из караулки. За ним ушли Егор, Яшай и еще три-четыре человека...

Панкрат Иваныч положил в карман заготовленный заранее мирской приговор и повел старосту и писаря к себе. А в караулке шумела пьянка.

4

Прошел месяц с того схода, на котором Панкрат Иваныч получил мирской приговор на прием его в общину. На выход на хутора записались еще два человека. Яшай Никифоров тоже хотел было записаться, но Григорию Петровичу и Егору Пайметову удалось его отговорить.

— В том, что случилось, есть и хорошая сторона,— сказал Василий Александрович.— Панкрат хитер. Он получил право на свой пай аркамбальской земли. Свой «пай» он заставит выделить и отрезать одним наделом. Возле своего надела попросит дать землю и Япару. Япаров участок он рано или поздно тоже приберет к рукам. Там, глядишь, и земля других бедняков, вроде Япара,

тоже перейдет к Панкрату. Конечно, жаль бедняков, да что поделаешь: без такого наглядного урока многие не способны понять истинную суть «доброты» богатеев. Столыпинская реформа обострит классовую борьбу. Кто первый выделится из общества? Кулак, потом тот, кто собирается уходить из деревни в город. Некоторые бездельники, вроде Япара, будут стараться получить надел для того, чтобы продать его. Многие безземельные крестьяне уйдут в город на фабрики и заводы, в городе прибавятся рабочие руки, положение городских рабочих ухудшится. Начнутся волнения, забастовки. И в деревне среди крестьянства изменится положение. Вышедшие на хутора кулаки займут лучшие земли, что озлобит крестьян, и они почувствуют в кулаке врага, против которого надо бороться. Кроме того, царь и Дума, поддерживая во всем кулаков, разоблачат себя в глазах бедняцкой крестьянской массы, среди крестьян будет расти недоверие к царю. В России появятся миллионы батраков и крестьян, доведенных до нищеты, до полного разорения. И когда городской пролетариат поднимется на борьбу против самодержавия, то разоренная крестьянская масса поддержит выступление пролетариата и под руководством рабочего класса тоже поднимется на борьбу за улучшение своей жизни. Пусть сейчас Панкрату Ивановичу удалось обмануть аркамбальских мужиков, они очень скоро поймут этот обман. Конечно, и нам нельзя сидеть сложа руки. Помочь аркамбальским крестьянам скорее прозреть должны вы, Григорий Петрович, и ты, Егор. Вы — марийцы и знаете свой народ лучше нас. Мы с Зоей Ивановной возьмем на себя работу среди русских: я на стекольном заводе, среди рабочих, Зоя Ивановна по деревням, среди крестьян.

Григорий Петрович и Егор были согласны с предложением Василия Александровича. Григорий Петрович взял на себя перевод революционной литературы на марийский язык. Помимо этого он решил, что будет вести агитацию среди старших учеников и читать в школе крестьянам книги. Разрешение на просветительные беседы можно будет как-нибудь выхлопотать у начальства. А Егор станет объяснять мужикам политику царского правительства и рассказывать при каждом удобном случае — на работе, на гулянке — о борьбе, которую ведут революционеры против богачей и царя.

Жизнь Григория Петровича текла по трем руслам

одновременно. Одна жизнь в школе, где он обучал ребятишек грамоте, следуя циркулярам и программе, присылаемым из учебного округа. Другая жизнь — революционная работа. И третья — личная жизнь. Его личная жизнь пошла по такому пути, что он даже думать боялся, куда этот путь его заведет и что его ждет впереди. Григорий Петрович влюбился в Тамару.

Григорий Петрович понимал, что дочь бывшего богатого помещика, ставшего ныне земским начальником, и сын бедного марийского крестьянина не ровня друг другу.

Правда, Тамара человек доброй души и сочувствует беднякам. Она сейчас проходит практику в школе у Григория Петровича, начала учиться марийскому языку и говорит, что хочет работать учительницей вот в такой же деревенской школе.

Но все равно Григорий Петрович почему-то уверен, что Тамара никогда не сможет окончательно порвать с жизнью своего класса и всегда будет помнить, что она — дворянская дочь, а он всего лишь мужицкий сын, да к тому же мариец...

А с другой стороны, какая-то необъяснимая сила влечет его к Тамаре. Когда он с нею, то ему кажется, все в мире светлее и бывает тепло в самый лютый мороз.

После того метельного ноябрьского вечера, в который Василий Александрович затащил его к Зверевым, Григорий Петрович довольно долго не бывал у земского начальника, с Тамарой не встречался, и ему казалось, что он уже совсем забыл ее.

Но это было совсем не так.

Как-то вечером Григорий Петрович шел из волостного правления. Когда он проходил мимо дома Зверевых, калитка открылась, и на улицу вышла Тамара.

Григорий Петрович растерялся и смутился, как тогда, у Зверевых, когда столкнулся с Тамарой в дверях. Приподнял шапку:

— Добрый вечер, Тамара Матвеевна!

— Добрый вечер, Григорий Петрович! — ответила Тамара и, вынув руку из муфты, протянула ее учителю. Григорий Петрович осторожно пожал маленькую нежную руку.

— Где вы пропадаете, Григорий Петрович? Мы вас так ждали в прошлое воскресенье.

Григорий Петрович не знал, что ответить.

«Почему меня ждали? — думал он.— И кто ждал?»

— В прошлое воскресенье я ходил на лыжах в Азъялы,— смущенно проговорил он.

— А на лыжах ходить приятно?

— Я люблю.

— Научите меня ходить на лыжах, Григорий Петрович!.. Да-а, что же мы тут стоим, пойдемте к нам. Или вы очень спешите?..

Григорий Петрович смутился еще больше. Он хотел сказать: «Извините, Тамара Матвеевна, я сегодня очень спешу, у меня сегодня много работы», но как-то само собой у него вырвалось:

— Нет, не спешу.

— Ну, тогда и говорить не о чем! — Тамара взяла Григория Петровича под руку.

— Маша, поставь самовар,— приказала Тамара впустившей их горничной.— А вы, Григорий Петрович, проходите в столовую, я сейчас.

Тамара ушла в свою комнату.

В столовой никого не было. Ярко горела спиртовая лампа. Часы на стене пробили семь. Григорий Петрович сел на мягкий стул.

Вскоре пришла Тамара.

— Папа с мамой ушли к доктору, я тоже туда собиралась...

— Извините, Тамара Матвеевна,— поднялся Григорий Петрович,— я же не мог знать...

— Ах, какой вы дичок, Григорий Петрович,— улыбнулась Тамара.— Садитесь!

Григорий Петрович снова сел и опустил глаза.

— Григорий Петрович, мне надо поговорить с вами,— сказала Тамара, усаживаясь на соседний стул.— Я посылала прошение школьному инспектору и сегодня получила ответ. Инспектор разрешил мне поработать практиканткой в вашей школе. Когда я могу приступить к работе?

— Если у вас имеется разрешение инспектора, то приходите хоть завтра.

— Кроме того, у меня к вам еще одна просьба: научите меня говорить по-марийски. Ведь если меня назначат в марийскую школу, то, наверное, трудно преподавать без знания языка?

— Да, конечно.

— А взамен я буду давать вам уроки французского языка. Конечно, если вы пожелаете...

— С такой учительницей я готов изучать даже китайский.

— Не говорите комплиментов, Григорий Петрович! А вот и Маша несет самовар.— Тамара достала из буфета стакан, чашку, чайник.— Что будете пить? Чай? Шоколад?

— Мыланем чайым пу,— сказал Григорий Петрович по-марийски и тут же перевел: — Мне дайте чаю.

— У меня очень хороший чай. — Тамара поставила перед ним стакан.— Кладите сахар.

Тамара нарезала белую булку, подвинула к Григорию Петровичу масленку со сливочным маслом.

Григорий Петрович пил чай, и ему казалось, что он еще никогда не пил такого прекрасного чая.

— Вы любите Виктора Гофмана? — вдруг спросила Тамара.

— А кто он?

— Поэт. Вы его не читали? Он печатается во многих журналах. Я очень люблю одно его стихотворение. Оно очень отвечает моему сегодняшнему настроению...

Григорий Петрович посмотрел в глаза Тамары, они показались ему глубокими, как аркамбальский омут.

Не отводя глаз от Григория Петровича, Тамара начала читать:

У меня для тебя столько ласковых слов и созвучий,
Их один только я для тебя мог придумать, любя.
Их певучей волной, то нежданно-крутой, то ползучей—
Хочешь, я заласкаю тебя?

У меня для тебя столько есть прихотливых сравнений,
Но возможно ль твою уловить хоть мгновенно красу?
У меня есть причудливый мир серебристых видений,—
Хочешь, к ним я тебя унесу?

Видишь, сколько любви в этом нежном взволнованном взоре?
Я так долго таил, как тебя я любил и люблю.
У меня для тебя поцелуев дрожащее море,—
Хочешь, в нем я тебя утоплю?

Тамара протянула обе руки к Григорию Петровичу. Он встал, взял ее за руки, притянул к себе и неожиданно для самого себя обнял...

Григорий Петрович стал частым гостем у Зверевых. С Тамарой он читал книги, с Ольгой Павловной — музицировал, с Матвеем Николаевичем — играл в преферанс. Игре в преферанс он научился быстро. Хозяева полюбили его. «Умный молодой человек»,— говорили о нем у Зверевых. И Григорий Петрович забыл свои слова о том, что он не желает «якшаться с дворянами», и теперь находил, что Матвей Николаевич совсем не такой уж плохой человек.

Лишь однажды между ними произошло столкновение.

Григорий Петрович, Зверев и землемер сидели за карточным столом. Разговор опять зашел о хуторах.

— Из Памаштура выделяются двадцать дворов,— сказал землемер.— Наконец-то народ начал понимать выгоды хуторского хозяйства. Да, Петр Аркадьевич был умнейшим человеком...

— Да, да, умнейшим,— подтвердил Зверев.— Очень жаль, что его убили...

— Когда вешают этих ужасных революционеров, во мне не пробуждается ни капли жалости к ним,— проговорила Ольга Павловна.

Если бы Ольга Павловна не вступила в разговор, Григорий Петрович, может быть, и смолчал бы, но тут он не выдержал.

— А вот мне ничуть не жалко его.

— Кого?

— Столыпина.

— Как? — удивленно сказал Зверев.

— Один умер, другой пришел, ничуть не хуже, не лучше.

— Кого вы имеете в виду?

— Коковцева.

— Так, значит, Коковцева? — растягивая слова, проговорил Зверев.— Да знаете ли вы, что Столыпина никто не может заменить? Вы, Григорий Петрович, постыдились бы так говорить. Согласитесь, никто, кроме Александра благословенного, не сделал столько добра крестьянам, сколько сделал Петр Аркадьевич...

От продолжения неприятного разговора Григория Петровича спас вбежавший в столовую младший писарь волостного правления:

— Ваше высокородие, вас просят к телефону господин Хохряков!

— Что ему нужно?

— Они не сказали. Говорят только, что очень нужно и чтобы вы сейчас же пришли.

— Что там еще стряслось? — проворчал Зверев, уходя.

Григорий Петрович раскланялся с Ольгой Павловной и Тамарой. Землемер тоже стал собираться.

— Пожалуй, и я пойду...

— А пулька? Подождите, Матвей Николаевич скоро возвратится.

— Нет уж, доиграем как-нибудь в другой раз...

Григорий Петрович и землемер вышли на улицу вместе.

— Ай-я-яй, Григорий Петрович, как у вас только повернулся язык сказать такое да еще кому — земскому начальнику,— с упреком говорил землемер.

Григорий Петрович ничего не ответил, молча подал землемеру руку и свернул к школе.

5

Три вечера Григорий Петрович сидел дома в своей маленькой комнате при школе. У Тамары, как ему казалось, был обиженный вид, после уроков она сразу же уходила домой.

На третий день к Григорию Петровичу заглянул Василий Александрович. Учитель поведал ему о разговоре у Зверевых и в заключение сказал:

— Больше я к Зверевым ни ногой.

— Да, надо прямо сказать: спорол ты глупость,— покачал головой Василий Александрович.— Черт тебя потянул за язык. Со Зверевым надо быть очень осторожным, да и при Тамаре не говори ничего лишнего. Зоя Ивановна узнала, что она не принадлежала ни к какому революционному кружку.

— Я теперь с ней встречаюсь только на уроках... Она тоже, кажется, обиделась на меня...

— Тут уж поступай, как сердце велит. Но помни, мы делаем великое дело, не провали его невзначай.

— За кого ты меня принимаешь?

— Я верю тебе, но осторожность никогда не помешает. Теперь скажи, стихи, что ты обещал написать, готовы?

— Вчера закончил.— Григорий Петрович взял со

стола листок бумаги.— Вот послушай. Что не понравится — говори, не стесняйся.

Смотри, как богато живут господа!
За какие ж труды сладко пьют и едят,
Нарядно одетые ходят всегда
Наш земский начальник и жулик Панкрат?

Хоромы возводит и хлеб им растит
Крестьянин-бедняк. Во всем — его труд.
Тогда почему ж его собственный сын
Всегда голодает, раздет и разут?

Богачи и начальники — нет им числа!
Сосут его кровь из году в год.
А карт чимарийский[1], поп и мулла
Обманывать им помогают народ.

И главный из них — это сам император,
Как бога его почитать нам велят.
Но на костях трудового народа
Царя золотые палаты стоят.

Крестьянин марийский, вставай, поднимайся,
Объединяйся с рабочим скорей,
Оружье готовь, собирай свои силы,
Чтоб свергнуть проклятую власть богачей!

Тогда лишь увидишь ты солнце, и дети
Тогда расцветут, словно маки весной.
Марийский народ, вставай, поднимайся,
Скорей поднимайся с врагами на бой!

— Неплохо,— одобрил Василий Александрович,— с огоньком написано. Вот только начал ты с конкретного, а кончил — абстрактно. Если уж начал говорить о земском начальнике и Панкрате, то давай до конца о них договаривай. И сказать-то есть о чем: например, ты мог бы рассказать о том, как Панкрат спаивал сход в караулке, как он получил мирской приговор, написал бы о переделе земли, о хуторах. Если обо всем этом напишешь, то твои стихи заденут за сердце нашего мужика. Подумай, и, надеюсь, ты согласишься со мной. А теперь знаешь что, сходим к землемеру, посмотрим, чем он сейчас занимается.

— Я к землемеру не пойду.

— И с ним поспорил?

— Нет. Я не пойду потому, что он живет у Панкрата.

---

[1] Жрец, служитель языческой марийской религии.

— Вот чудак! Ты же идешь не к лавочнику Панкрату, а к землемеру Алексею Антоновичу Огородникову. Кстати, ты слышал, как его величают наши мужики?

— Нет...

— Они ему вместо «ваше благородие», говорят «ваше огородие».

— Да, смешно...

— Ну, пошли.

По дороге Василий Александрович снова упрекнул Григория Петровича:

— Надо же такое ляпнуть о Столыпине при земском начальнике. Попадешь в неблагонадежные, начнут за тобой следить, не разрешат тебе никаких чтений в школе, да и самого, может случиться, из учителей попросят.

Григорий Петрович и сам сейчас понимал, что допустил ошибку, но что теперь поделаешь? Просить извинения у Зверева? Эх, лучше бы вообще его не знать!

— Это ты меня к Звереву привел, — словно оправдываясь, сказал Григорий Петрович.

— Значит, по-твоему, я виноват? Да ты пойми, я тебя ругаю не за то, что ты ходишь к Зверевым. Ходи, сколько хочешь, и против Тамары я ничего не имею. А за то, что ты язык в нужную минуту попридержать не сумел. Это уж никуда не годится. Ну ладно, не убивайся, может, все обойдется, как говорится, без последствий.

...Василий Александрович оказался прав: на этот раз все обошлось благополучно.

В субботу после уроков Тамара зашла к Григорию Петровичу.

Учитель подал ей стул. Она села. Григорий Петрович сел против нее. Тамара, видимо, ожидала, что Григорий Петрович заговорит первым. Но он молчал. Тамара тоже молчала. Потом встала, кивнула и пошла к двери.

Григорий Петрович ее не остановил. Уже взявшись за ручку двери, Тамара обернулась и достала из муфты конверт.

— Мама прислала вам письмо.

Григорий Петрович взял письмо и, как только Тамара вышла из комнаты, вскрыл конверт.

В конверте был небольшой листок тонкой хрустящей бумаги.

«Уважаемый Григорий Петрович!

Наша пулька осталась незаконченной. Сегодня ее надобно закончить. Происшедшему инциденту не придавайте большого значения. Конечно, Матвей Николаевич, как верный слуга престола, не мог потерпеть высказываний о Столыпине в таком тоне, и никому другому он подобного не простил бы. Но вы еще молоды, и все мы любим вас, как родного. Поэтому ждем вас сегодня к шести часам. Конечно, вам придется попросить извинения у Матвея Николаевича, но это для вас не обидно, так как он человек почтенный и намного старше вас.

Уважающая вас *О. Зверева*».

Прочитав записку, Григорий Петрович почувствовал большое облегчение. Инцидент, говоря словами Василия Александровича, окончился без последствий. Видно, старики Зверевы его действительно любят. Но почему же тогда так изменила к нему свое отношение Тамара? Надо идти, может быть, сегодня все прояснится.

6

На вторую неделю после Нового года Яшай Никифоров с дочерью опять поехали на смолокурку. Правда, их очередь гнать смолу подходила только через четыре дня, но надо было заранее заготовить дрова, потому что по глубокому снегу сразу подвезти их будет трудно.

В один день с ними на смолокурку пришел и дед Левентей с лыковым пестерем за спиной и с ружьем. С ним был молодой парень тоже с пестерем и ружьем.

Чачи взглянула на парня и сразу же узнала в нем того охотника, который, как лесной Нончык-богатырь, раскидал налетевших на него мужиков.

И Сакар узнал Чачи. Он не думал, что встретит ее в лесу, потому намеревался нарочно сходить в Аркамбал. И Чачи не ожидала, что ей придется так вот встретиться со своим Нончыком-богатырем. Поначалу, если правду сказать, молодой охотник запал ей в душу, но за два месяца, прошедших со времени их встречи в лесу, ей стало казаться, что все это было сном, и постепенно она стала забывать парня. Что поделаешь — такова жизнь... А сейчас парень стоит перед нею и не сводит с нее глаз...

— Здравствуй, Яшай, добрый день, Чачи,— донесся до ее слуха голос деда Левентея.

— Здравствуйте, дядя Левентей,— ответил Яшай.

— Что, снова вышел гнать смолу?

— Да нет, пока приехали дрова заготовить. Чачи, поставь-ка чаю, гости, наверное, пить хотят.

— Я сам, знаешь, чаю не пью,— отозвался старик,— разве что Сакар станет пить?

— Не буду,— коротко ответил Сакар.

— Какой охотник пьет чай? — засмеялся дед Левентей.— Мы пьем холодную воду. Вместо чая мы сейчас сварим суп из зайчатины. Давай-ка, Сакар, обдери зайца. А ты, Чачи, почисть картошки, если она у вас есть.

Яшай взял лыжи, стоявшие в углу шалаша, заткнул за пояс топор:

— Дочка, помоги деду Левентею суп варить, а я схожу за лыком.

— Чачи без меня справится, а я с тобой за лыками пойду, у моей старухи лапти прохудились, придется новые плести.— Дед Левентей снял из-за спины пестерь, повесил его на сосну возле шалаша и бросил Сакару через плечо: — Варите в большом горшке.

Чачи с Сакаром зашли в шалаш. Там никого не было. Кюсолинские смолокуры были заняты своим делом: один колол дрова для котла, другой гнал смолу.

Сакар скинул пестерь, достал оттуда белого зайца, подвесил его под потолок и вынул из кармана нож.

Между тем Чачи принялась чистить картошку. Парню и девушке трудно было начать разговор. Хотя поговорить и хотелось, как-то не находилось нужных слов.

Сакар то и дело поглядывал на Чачи. Какая милая девушка! Была бы у него такая жена — в его ветхой избушке стало бы уютно, как в гнезде у рябчика. Кто знает, может, и будет на то божья воля... Дед Левентей говорил, что если он сам будет сватом, то Яшай отдаст свою дочь. Смешной дед: всю дорогу нахваливал ему Чачи: и стройна-то она, как березка, и глаза голубые, и косы ниже пояса... Ай да старик, все успел разглядеть!..

Расхваливая девушку, дед все время повторял: «Вот сам увидишь!» Сакару смешно, что дед Левентей так расписывает дочь Яшая, а он, Сакар, ее уже видел...

И Чачи смотрит на парня. Зачем он пришел? Охо-

титься? И как раз сегодня, словно чувствовал, что и Чачи сюда приедет. На сердце у Чачи становилось все теплее и теплее. Что так влечет к этому парню? Вроде ничем не отличается он от других... И имя у него — она только сейчас узнала — некрасивое: Сакар... А вот поди же ты, нравится — и все тут. И если он посватается, ее не придется упрашивать.

— Дай-ка посудину для потрохов, — сказал Сакар.

Чачи сняла с полки глиняную миску, подала ему. Он разделал зайца, положил в горшок и вышел наружу. Чачи накрошила в горшок картошки, налила воды, посолила, поставила на огонь и тоже вышла из шалаша.

— А мы ведь в ваши края идем,— наконец заговорил Сакар.

— Куда? — не поняла Чачи.

— В вашу деревню. Меня земский начальник в суд вызывает.

— В суд? Зачем?—У Чачи что-то оборвалось внутри.

— Те ужанурские мужики — помнишь — подали на меня в суд, да еще лесник Токтар, оказывается, протокол составил...

— За что же мужики в суд подали?..

— За то, что всыпал им тогда, за что же еще.

— Ой, как бы не посадил тебя начальник!

— Дядя Левентей обещал помочь. Я тебя хотел в свидетели взять...

— Разве я могу быть свидетелем?

— Если скажешь, что не я начал драку, может, мне ничего и не будет.

— Я бы пошла... Только вот скоро наша очередь заступать на смолокурку, надо дров заготовить...

— Когда ваша очередь?

— Через четыре дня.

— А суд послезавтра. Может, придешь? А я вам с дровами помогу. Мне бы только от этого дела избавиться... За протокол лесника в тюрьму не посадят, разве что штраф возьмут.

— Ладно, приду. Только надо у отца спросить...

В это время Яшай с дедом Левентеем возвращались назад. Яшай нес шесть молодых липок, в руках у Левентея было только ружье. Не за лыком ходил он в лес — просто ему надо было поговорить с Яшаем с глазу на глаз.

— Сам знаешь, детей у меня нет, всех бог при-

брал... — задумчиво говорил старик.— Хочу усыновить Сакара. Он об этом еще ничего не знает, но, думаю, возражать не станет. Мы с ним давно в большой дружбе, я его охотиться научил. Мать у него старая, все время болеет, парню жениться надо. У меня хоть и немного добра, но молодым на первое время хватит. Может, договоримся, Яшай, и к масленице свадьбу сыграем, а?..

— Я тебя уважаю, дядя Левентей, ты пустое говорить не станешь. Да не думаю я пока выдавать дочь замуж. Сынку всего двенадцать лет. Выдам дочь, без рабочих рук останусь. Да и молода она еще...

— Не годится, Яшай, удерживать девушку из-за того, что рабочих рук не хватает. У тебя Япуш скоро станет работником: молодые быстро растут. Ты хорошенько подумай, такого человека, как мой Сакар, не часто встретишь...

Обедали вчетвером. За обедом Сакар рассказал о том, что произошло осенью в лесу, что теперь его будут судить за драку.

— Придется тебе, Чачи, пойти в суд,— сказал Яшай.— Ведь парень-то за тебя вступился. Я пока подыщу валежник, а распилить можно будет и после. Старых дров хватит еще дня на два.

На другой день к вечеру Чачи привела к себе домой деда Левентея и Сакара.

Яшаиха встретила их настороженно, но, узнав, кто они и по какому делу приехали, засуетилась, принялась из последней крупы варить кашу. Она вскипятила чаю и очень удивилась, когда гости от него отказались.

— Я думала, сейчас нет людей, которые не пьют чай. А в моркинской стороне, видать, есть такие?

— И в моркинской стороне таких нет,— ответил старик.— Только нам, охотникам, нельзя чай пить, от него тело мякнет.

— Тогда, может, водки выпьете? Сходи, Чачи, купи полбутылки.

— Не беспокойтесь, мы не гости.

— Вы всем гостям гости. Чачи, возьми деньги за божницей.

Чачи ушла. Япуш вертелся возле ружья.

— Не тронь! — прикрикнула мать.— Может, заряжено.

— Заряжено-то заряжено, да только оно не выстре-

лит,— успокоил его дед,— я пистон на затравку не поставил.

— Дедушка, ты медведя когда-нибудь убивал? — спросил Япуш.

— Бывало,— коротко ответил Левентей.

— А ты, дядя? — спросил мальчик у Сакара.

— Медведя не приходилось, а трех волков подстрелил.

Вскоре вернулась Чачи с водкой. Яшаиха переложила кашу в миску.

— Ну, прошу за стол.

Сакар положил на стол кусок вареной зайчатины.

— Поешьте.

— Это какое же мясо?

— То самое, которое по снегу бегает.

— Собачье? — удивился Япуш.

— Вот дурачок, кто же ест собачье мясо! — оборвала сына Яшаиха.— Это моркинские зайца так называют...

Дед Левентей спрятал смешок в бороде.

— Ну, будьте здоровы! — Хозяйка пригубила рюмку, долила доверху и подала Левентею.

— Сперва пусть Чачи выпьет.

— Я, дедушка, не буду...

— Девушка тогда пьет, когда замуж выходит, — сказала мать.

— Ну, ладно, будем здоровы! — Левентей опрокинул в рот рюмку.— А-а, хороша. Ну, Чачи, коли мать так говорит, долго трезвой не ходи.

— Посватается жених — так выйду, а не посватается — на вороне не улетишь.— смеется Чачи. Ей как-то легко разговаривать с Левентеем.

— Зачем на вороне! В тарантасе или на санях надо улетать. Будь я молодым, никому бы не уступил такую хорошую девушку,—улыбнулся старик и подмигнул Сакару.

Чачи заметила это и, покраснев, выбежала из избы.

Вечером дед Левентей сходил к земскому начальнику. Вернувшись, он устроился возле печки и стал рассказывать Япушу сказку:

«Давно это было. Корчевал мужик лес. Вдруг выходит к нему медведь и спрашивает:

— Мужик, что ты делаешь?

— Лес корчую, хочу репу посеять. Сладкая вырастет репа.

— Давай с тобой на пару репу сеять.

— Давай.

Стали они вдвоем лес корчевать. Мужик раз-другой рубанет топором вокруг пня и говорит медведю:

— Тащи!

Медведь и выворотит пень. Мужик носит тонкие сучья, медведь — толстые валежины.

Выкорчевали они лес, посеяли репу. Уродилась репа на славу. Стали урожай собирать. Спрашивает мужик:

— Ты что возьмешь — корешки или вершки?

— Вершки, — отвечает медведь.

— Ладно,— говорит мужик.

Взял мужик себе репу, а медведь ботву перетаскал в свою берлогу. Мужик всю зиму сладкую репу ел, а у медведя в берлоге вся ботва сгнила.

Наступила весна. Мужик снова принялся корчевать лес, а медведь вылез из берлоги и пришел к мужику.

— Ты меня обманул,—говорит,—за это я тебя съем.

— Съесть ты меня всегда успеешь,— отвечает мужик.— Давай лучше вместе лес корчевать. Теперь ты возьмешь корешки, а я вершки.

Согласился медведь.

Вот раскорчевали они лес, посеяли ячмень. Уродился ячмень на славу. Подошло время жать.

— Ты что возьмешь? — спрашивает мужик медведя.

— Как договорились: я возьму корешки, а ты вершки,— отвечает тот.

Мужик взял колосья, медведю досталась солома.

Мужик всю зиму блины пек, а у медведя в берлоге вся солома заплесневела.

Прошла зима, снова наступила весна. Опять стал мужик корчевать лес. Приходит медведь и говорит:

— Опять ты меня обманул. Теперь-то уж я тебя съем.

— Валяй ешь, — говорит мужик.—Только у меня дома лошадь с телегой остались, понапрасну пропадут. Лучше я их тебе отдам. Отпусти меня домой до завтра.

— Ладно,— согласился медведь.— Веди сюда лошадь. Но если не приведешь, я сам к тебе приду.

Пошел мужик домой, закручинился. Навстречу ему лиса.

— Что, мужик, голову повесил? — спрашивает лиса.

— Как не повесить, коли завтра меня медведь съест,— вздохнул мужик и обо всем рассказал лисе.

— Не тужи,— говорит лиса.— Завтра запряги лошадь и приезжай, только захвати веревку покрепче. Я тебя выручу. А ты мне за это дашь петуха, уж очень я люблю петушатину...

Мужик сделал все так, как велела ему лиса. Запряг лошадь, захватил с собой веревку. Не забыл и петуха.

Съела лиса петуха и спряталась в кустах. Мужик распряг лошадь и принялся корчевать лес. Пришел медведь и говорит:

— Ну, мужик, сейчас я тебя съем.

А тут лиса как закричит из кустов страшным голосом:

— Мужик! Эй, мужик! Ты почему этот обгорелый пень, который из лесу пришел, на телегу не кладешь? А то выйду и сам его обломаю.

Испугался медведь, шепчет мужику:

— Клади меня скорее на телегу!

Обхватил мужик медведя, хотел его на телегу положить, а медведь сам поскорее залез и улегся среди ней.

Лиса снова кричит из кустов:

— Мужик! Эй, мужик! Ты почему этот обгорелый пень не привязываешь!

— Кинь на меня веревку,— шепчет медведь.

Мужик крепко-накрепко привязал медведя к телеге.

— Мужик! Эй, мужик! — кричит лиса.— Ты почему не рубишь этот обгорелый пень?

— Стукни обушком легонько,— шепчет медведь.— Сделай вид, что рубишь.

А мужик из всей силы стукнул его обухом по голове, тут медведю и конец пришел.

Выбежала из кустов лиса и говорит:

— Давай, мужик, медвежью тушу пополам разделим.

Тут мужик и лису топором стукнул. Две шкуры домой привез.

Все то было не при нас, и об этом весь уж сказ!» — закончил дед Левентей свою сказку.

— Дедушка, а тот мужик богатым был? — спросил Япуш.

— Почему богатым? — удивился старик.

— А богатые всегда при расчете обманывают,— ответил мальчик.

В то время, как дед Левентей рассказывал Япушу сказку, Сакар и Чачи стояли у ворот. У них складывалась своя сказка...

— Когда ты уже скрылся в лесу, я только спохватилась, глупая, что ни имени твоего не спросила, ни откуда ты,— ласково говорила Чачи.

— Я ведь тоже не догадался узнать, как тебя зовут. Но все время о тебе думал. Да и дядя Левентей частенько про тебя рассказывал.

— Что обо мне рассказывать? Я одно лишь умею — вытаскивать угли из котла, а больше — ничего...

— И угли из котла надо таскать умеючи.

— Говоришь, все время обо мне думал... Разве в Кудашнуре нет девушек?

— Таких, как ты,— нет,— простодушно признался Сакар.— Только ты мне по сердцу...

— Обманываешь... Вы, парни, всегда нас, девушек, обманываете...

— Разве тебя кто-нибудь обманул? — В голосе Сакара послышалось беспокойство.

Чачи посмотрела Сакару прямо в глаза и ответила:

— Нет.

— Коли нет, откуда тебе знать, как парни обманывают девушек?

— Прошлым летом мы с отцом ходили в Лопнур к Осыпу Чужгану хлеб занимать, два дня у него работали. Так была там одна девушка, Сандыр ее зовут. Ее Макар Чужган обманул... Этот Макар и на меня глаза пялил...

— Да я ему шею сверну!

Чачи не успела ничего ответить, с крыльца ее позвала мать:

— Чачи, иди домой, не морозь гостя на улице!

Сакар был готов всю ночь простоять вот так у ворот, ему совсем не хотелось возвращаться в избу, но Чачи, услышав голос матери, пошла к крыльцу.

В избе было тихо. Дед Левентей, задрав бороду, спал на перине, расстеленной на широкой лавке. В другом углу спал Япуш.

Яшаиха, босая, без пояса, подметала пол.

— Ложись рядом с дедом,— сказала она Сакару.

Суд кончился для Сакара благополучно, его присудили лишь к полтиннику штрафа за самовольную порубку.

Куницы, убитой Сакаром, объездчик Токтар не видел, Сакар же сказал, что погнался за белкой, а на отстрел белки у него имеется билет. Не мог объездчик доказать и того, что Сакар собирался его избить...

Ужанурские мужики тоже проиграли дело против Сакара. Тут ему очень помогла Чачи. Она рассказала, как все было, как Степан хотел столкнуть в снег обессиленную лошадь, как длинный мужик ударил Сакара. Словом, выходило, что Сакар не виноват, а виноваты сами ужанурские.

Сакар удивился такому исходу суда.

До него земский начальник судил двух мужиков: одного за хищение леса, другого за то, что ударил старосту. Этот мужик, со старостой, не уплатил вовремя подать, поэтому постановили продать с торгов его последнюю телку. Но он запер телку в сарае и никого к нему не подпускал. Староста с десятником хотели вывести телку, тогда мужик ударил старосту палкой. Так рассказывал сам староста. А бедняк говорил совсем другое: староста, мол, сам его сильно избил, а мужик стал вырываться, толкнул старосту, и тот ударился о косяк. Земский начальник присудил мужика к полутора годам тюрьмы.

Другой мужик попался с сосновым бревном. И бревно-то никудышное — сучковатая верхушка. На Менделинском базаре за него больше рубля не дадут. А земский начальник наложил штрафа целых шесть рублей. У мужика слезы из глаз потекли. И у Сакара на душе тоже сделалось горько. Вдруг он слышит, земский начальник спрашивает:

— Захар Ефремов здесь?

— Здесь,— отозвался Сакар.

— Подойди сюда!

— Иди,— подтолкнул Сакара дед Левентей.— Иди.

Сакар подошел к столу, покрытому зеленым сукном.

Никогда еще не видел он так близко ни одного начальника... А тут еще со стены строго глядит портрет царя. У Сакара по спине побежали мурашки, уж лучше бы встретиться в лесу один на один с медведем...

Земский начальник сидел на стуле с высокой спинкой и сурово глядел на Сакара. У земского седые усы,

седеющая голова. На одежде блестят пуговицы, на груди серебряная цепь вроде ожерелья с большим рублем посредине.

— Ну, какое у тебя ходатайство? — спросил земский начальник.

Сакар, не поняв ни слова, оглянулся назад.

— Ты меня понимаешь?

— Он по-русски плохо калякает,— послышался сзади голос деда Левентея.

— Сергей Степанович, переведите, — приказал земский начальник помощнику старшего писаря.— По этому делу вы будете переводчиком.

Сергей Степанович перевел вопрос.

— У меня свидетель,— сказал Сакар.— Она все видела.

Земский начальник разрешил вызвать Чачи свидетелем, и после этого все пошло как по маслу.

Дед Левентей очень обрадовался избавлению Сакара и был несказанно доволен своей сообразительностью.

«Не сходи я вчера к земскому начальнику, он непременно засудил бы Сакара»,— думал старик.

7

Вечером Григорий Петрович пошел к Зверевым.

— Барышня у себя, барыня в столовой, барин отдыхают,— сказала Маша.

Григорий Петрович прошел в столовую. Ольга Павловна штопала носок.

— Добрый вечер, Ольга Павловна.

— Здравствуйте, Григорий Петрович.— Ольга Павловна кивнула на стоявший рядом стул.— Садитесь.

— Ольга Павловна, я в прошлый раз наговорил тут лишнего.

— Я верю, что у вас не было злого умысла, что вы сказали, не подумав... Но ладно, хватит об этом... Расскажите лучше, чем вы были заняты в эти дни?

— Как всегда: днем уроки, вечером проверка тетрадей, подготовка к завтрашним урокам, перед сном что-нибудь почитаешь — вот и день прошел.

— Скажите, Григорий Петрович, а это очень трудно — учить детей?

— Наверное, легкого дела не бывает. Это только если смотреть со стороны, чужая работа кажется легкой. Вот вы штопаете, мне ваше занятие кажется сущим пустяком, а дай мне в руки иглу, ведь не сумею орудовать ею так же ловко, как это делаете вы.

— Ну, штопка носков—дело не сложное, но вы правы: со стороны чужая работа кажется легче, чем она есть на самом деле. Но я полагаю, что самая трудная работа — учительская. Тамара жалуется, что у нее после уроков всегда болит голова.

В дверях показалась Тамара. Ее волосы локонами спускались на плечи. Она была в легком белом платье.

— Добрый вечер, Григорий Петрович. Не слушайте маму, она все выдумывает, я ей не говорила ничего подобного... Григорий Петрович, вы не слышали, будут нынче летние учительские курсы в Царевококшайске?

— Наверное, будут. Правда, прошлым летом на них было мало народу. Я, например, не ездил.

— А в этом году поедете?

— Пожалуй, поеду. Надо послушать, что советуют методисты. Потом, ведь там соберутся учителя со всего уезда, интересно узнать, чем они живут, что делают.

— Я написала письмо инспектору, прошу, чтобы и мне разрешили посещать летние курсы. Пойдемте ко мне, я вам покажу это письмо.

Тамара увела Григория Петровича в свою комнату.

Тамарина комната была невелика, но в ее убранстве чувствовался вкус хозяйки. По всему полу был разостлан ковер, у стены стояла узкая простая кровать, на стене, над кроватью, висел еще один ковер, на противоположной стене — акварель — лесной пейзаж, над диваном — портрет самой Тамары. На столике, против двери — зеркало, флакончики с духами, пудра...

Григорий Петрович сел на диван. Тамара повернула его голову к себе.

— Посмотрите мне в глаза. И вам не стыдно? Ни капельки не стыдно?

— Чего мне стыдиться?

— А сколько времени вы меня мучили?

— Я вас мучил?

— Почему вы не приходили к нам?

— Тамара, вы же сами понимаете, удобно ли было мне прийти к вам после того, что произошло...

— Если бы на вас рассердилась я, у вас была бы причина избегать меня, но мы с вами не ссорились...

Григорий Петрович не успел ничего ответить, в дверь заглянула Маша:

— Самовар на столе. Барин встал. Барыня велела звать вас в столовую.

Матвей Николаевич курил за столом. Григорий Петрович подошел к нему, приняв виноватый вид.

— Матвей Николаевич, я и сам не понимаю, как сболтнул такую глупость... Прошу извинения...

— Ну, ладно, ладно,— перебил его Матвей Николаевич, выпуская изо рта клубы табачного дыма.— Что было, то прошло. Ольга Павловна, разливайте чай.

Когда все расселись, Матвей Николаевич повернулся к учителю и торжественно проговорил:

— Я хочу вам, Григорий Петрович, сообщить приятную новость. В будущее воскресенье мы идем на медведя!

Тамара и Ольга Павловна удивленно замерли.

— Матя! — воскликнула Ольга Павловна (так она называла мужа, когда в доме не было посторонних),— Матя, когда же вы успели отыскать медведя?

— Вчера ко мне приходил один старик охотник и сказал, что он еще с осени заприметил берлогу.

— Может быть, он обманывает тебя?

— Меня провести трудно. Я-то уж с первого взгляда узнаю, кто настоящий охотник, а кто — обманщик... Значит, Григорий Петрович, едем. Готовьте ружье.

Григорий Петрович растерялся, он не знал, что ответить. У него не было никакого ружья, да и стрелять он не умел. Но он почему-то постеснялся в этом признаться.

— Мое ружье требует починки,— краснея, проговорил он.— Его надо нести к мастеру.

— Папа, можно я с вами поеду? — послышался голос Тамары.

— Что ты говоришь?—беспокойно воскликнула Ольга Павловна.— Разве девушки ходят на охоту?!

— А я хочу.

— За куст хвостом зацепишься,— рассмеялся Матвей Николаевич.— Потом, у меня нет для тебя ружья— свое старое я дам Григорию Петровичу, раз его ружье требует починки. Я-то мастеров знаю: скажешь, чтобы поскорее починили, они еще дольше продержат.

— Нет ружья — и не надо, я поеду просто посмотреть,— ответила Тамара.—А насчет хвоста не беспокойся, я надену охотничий костюм.

— Из Казани приедет Аркадий Анемподистович,— продолжал Зверев.— Мы с ним по телефону договорились. Возьмем с собой и Константина Ильича.

— Я тоже еду! — повторила Тамара.

«Уж если поедет Тамара, то мне ни в коем случае нельзя отказаться»,— подумал Григорий Петрович...

8

Еще во время заготовки дров дед Левентей приметил медвежью берлогу.

«Приглашу какого-нибудь барина,— тогда же решил он.— Говорят, усолинский охотник Сергей, по прозвищу «Медведь», всегда так делает: как только найдет берлогу — едет в Казань, приглашает бар на медвежью охоту. Баре приезжают, поят его, кормят, катают на тройке...»

Вот и Левентей решил съездить в Казань, но, подумав, рассудил, что ничего путного из этого не выйдет, потому что в Казани у него не было знакомых.

Тогда он надумал позвать на медведя аркамбальского земского начальника.

Как раз тут Сакара вызвали в суд. Повестку прислал аркамбальский земский начальник. Левентей пошел в Аркамбал вместе с Сакаром и по дороге показал ему берлогу.

— Если скажем земскому начальнику, что нашли берлогу и пообещаем показать ее — он тебя не засудит, вот увидишь,— уверенно говорил старик.

Все вышло так, как говорил Левентей. Земский начальник очень обрадовался возможности поохотиться на медведя и сказал, что в первое же воскресенье приедет на смолокурню у Долгого болота.

После суда Сакар и Чачи отправились на смолокурню, а дед Левентей — к себе домой, в Кудашнур. Он обещал прийти через пять дней, в субботу.

Пять дней Сакар помогал Яшаю пилить валежник, вывозить дрова.

Эти дни, прожитые Сакаром под одной крышей с Чачи, окончательно решили его судьбу.

За это время Яшай полюбил Сакара. Оказалось, дед

Левентей нахваливал его не напрасно: Сакар был работящим парнем.

О Чачи и говорить нечего, она уже давно любила Сакара.

Дед Левентей пришел, как обещал, в субботу, и сразу же отправился в лес, взяв с собой Сакара. Вернулись они лишь в сумерки.

— Ну, Сакар,— сказал дед, закуривая свою большую трубку и укладываясь на нары к стене,— сегодня ляжем спать пораньше. Завтра затемно вставать.

Он долго думал о чем-то, попыхивая трубкой, потом заснул. А Сакар никак не мог уснуть: его одолевали думы о завтрашней охоте. Хорошо ли стреляют баре? Какие у них ружья? Дед Левентей говорил, что ружья у них хорошие, дорогие, не дешевле ста рублей, а то и дороже.

Не спалось и Чачи. Девушка думала о том, как послезавтра, когда баре, наохотившись, уедут, она повезет деда Левентея и Сакара в Кудашнур, о том, как встретит ее мать Сакара... Потом вспомнила про Макара Чужгана, и вновь ей стало страшно.

Не подоспей тогда Сандыр, и над ней надругался бы Макар, как надругался над Сандыр.

Вот что рассказала ей тогда Сандыр. В прошлом году на масленицу дед Чужган позвал Сандыр поработать у него по хозяйству, присмотреть за скотиной. Сказал, что снохи ушли в гости. Сандыр пошла. «Хоть несколько копеек — все пригодятся на бусы или на что другое»,— решила она. У Чужгана скотины много, пришлось девушке весь день таскать воду, раздавать корма. К вечеру она совсем обессилела. Дед угостил ее рюмкой водки, мол, «с устатку». От водки Сандыр совсем разморило, она легла за печкой и крепко уснула. Неизвестно, много ли, мало ли времени прошло, только проснулась она от чьих-то объятий. Яростно старалась она отбиться от Макара, но не смогла...

«Какой зверь, этот Макар Чужганов!.. — думала теперь Чачи.— Сакар совсем не такой: пять ночей, можно сказать, рядом спали, и ничего».

— Я еще отомщу Макару,— грозилась тогда Сандыр.

— Что же ты ему сделаешь? — спросила Чачи.

— Знаю, что сделаю,— ответила Сандыр.

На другой день на смолокурку на трех парах лоша-

дей прикатили земский начальник с гостями, становой пристав Константин Ильич.

Среди гостей Чачи сразу же заметила Григория Петровича с Тамарой и очень удивилась.

Тамара была в мужском костюме, с маленьким ружьем в руках. Высвободившись из тулупа, она спрыгнула с саней и показала на Чачи:

— Вот мне и подружка!

Чачи, хоть и понимала немного по-русски, не разобрала слов Тамары и, отвернувшись, ушла в шалаш.

Оставив лошадей на смолокурне и даже не пообедав, охотники, взяв с собой ямщиков, ушли в лес. Когда начали спускаться сумерки, прибежал один ямщик, запряг лошадь и уехал в лес.

Через полчаса все вернулись. На санях лежал убитый медведь.

Земский начальник с гостями зашли в шалаш, оглядели его и тотчас же вышли. Зверев велел развести костер поодаль от шалаша под тремя раскидистыми елями и велел Чачи согреть большой чугун воды.

Как только костер разгорелся, под елями настелили сена, на него положили ковер и тулупы. Расставили вина и закуску.

В лесу тихо. Дым от костра столбом поднимается в небо.

Охотники сели вокруг костра. Посадили и деда Левентея с Сакаром. Дед поначалу отказывался:

— Мы, барин, постоим...

— В лесу никакого барина нет, тут все охотники,— сказал земский начальник.— Садись.

— Садитесь! — указал им место становой пристав.

Тамара сидела между Григорием Петровичем и Сакаром и смотрела на обоих с восторгом.

Медведь долго не выходил. Хотя собака одного из охотников с лаем разрывала снег, медведь не шевелился. Тогда Сакар сунул в берлогу длинную жердь. И тут медведь поднялся.

Сакар отпрыгнул в сторону, медведь пошел прямо на городского гостя. Тот выстрелил, но то ли поторопился, то ли рука у него дрогнула, только пуля даже не задела медведя.

В это время к медведю подбежала собака. Медведь

замахнулся на нее лапой. Собака кинулась в сторону Григория Петровича, медведь — за ней.

Григорий Петрович слегка струхнул. Он держал ружье впервые в жизни.

«Не попаду — сомнет,—мелькнуло у него в голове.— Э-э, будь что будет!»

Он прицелился, закрыл глаза и выстрелил.

Его выстрел совпал с другим выстрелом. Это выстрелил Сакар. Но никто этого не заметил, и все смотрели на Григория Петровича. И лишь тонкий музыкальный слух самого Григория Петровича отчетливо уловил: на четверть секунды после его выстрела раздался тот, второй.

Григорий Петрович открыл глаза: медведь, словно кто-то толкнул его в грудь, попятился назад и повалился на снег. Пуля пробила ему голову.

Сакар стоял в стороне, отвернувшись.

И вот теперь, сидя у костра, Матвей Николаевич поднял стопку с вином:

— Выпьем за самого меткого стрелка!

— Ур-ра! — закричал Константин Ильич.

Григорий Петрович не знал, как ему быть... Опустив глаза, он осушил свою стопку.

— Ур-ра! — подхватил Матвей Николаевич.

Выпили, закусили. Мало-помалу все охмелели.

Охотник, приехавший из города, сначала косо поглядывал на учителя, но, захмелев, подобрел.

— Да здравствует меткий стрелок! — прокричал он и опрокинул в рот стакан вина.

Хмель ударил в голову и Григорию Петровичу. Обняв одной рукой Тамару за плечи, другой он приподнял стакан и принялся ораторствовать:

— Сегодня я убил медведя... Но я считаю, что не я один его убил, а все мы вместе... Я, уважаемый Аркадий Анемподистович,— обратился он к городскому гостю,— голосую за то, чтобы медвежью шкуру отдать вам. Матвей Николаевич, вы не будете возражать?

— Григорий Петрович, вы благородный человек! — воскликнул Зверев.— У меня уже седые волосы, а у вас едва усы пробиваются. Но все равно я вас уважаю. Если бы вы не были черемисом, я бы, не сказав ни слова, выдал за вас мою дочь.

Григорий Петрович резким движением оттолкнул

Тамару так, что она упала на Сакара, и поднял руку, как римский трибун.

— Я черемис! Да, я чистокровный черемис! И мне не нужна дворянская дочь. Я женюсь вот на этой простой марийской девушке! — И он показал на Чачи.

— Григорий Петрович, Гриша! — Тамара поднялась и, схватив его за руку, потянула к себе.— Гриша, не придавай значения словам отца!

— Григорий Петрович, за что же вы рассердились?— удивленно спросил Матвей Николаевич.— Что я плохого сказал? Не понимаю!.. — И он, наполнив стакан, выпил.

Городской гость затянул песню. К нему присоединился Зверев. Тамаре удалось успокоить Григория Петровича. Нарушая тишину ночи, зазвучала охотничья песня из «Волшебного стрелка»:

Нет ничего охоты слаще на свете!
Под звук рогов валяться на траве,
Оленя гнать по чащам и долинам,
Пока он, утомленный, упадет.
Прекрасная, веселая забава,
Она дает и аппетит и крепость,
А после ждут нас Бахус и любовь.
Тра-ля-ля-ля!
Зной, холод, дождь и буря
В горах, в лесах нам ничего не значат.
Волков, медведей, вепрей избивать—
Прекрасная, веселая забава!
Она дает и аппетит и крепость,
А после ждут нас Бахус и любовь.
Тра-ля-ля-ля!

Смолокуры, собравшись гурьбой возле шалаша, смотрели, как пируют баре.

— Ах ты господи, какой только еды, какого только питья нет на свете! — слышалось между ними.— А у нас ничего, кроме картошки да сухой краюхи хлеба...

— Становой-то каким визгливым голосом поет...

— А земский басом вытягивает...

— Лучше всех учитель выводит.

— Оказывается, и они поют, как выпьют,— заметил один мужик.

— Нам, парень, долго стоять тут не годится, пора угли доставать,— отозвался другой.

Услышав последние слова, Сакар поднялся. Ему не нравились пристальные взгляды Тамары.

Поведение Тамары пришлось не по душе и Чачи. Чего эта барыня так смотрит на Сакара?

Едва Сакар поднялся, как Тамара тут же спросила.

— Ты чего встал?

— Уголь надо выгружать,— нехотя ответил Сакар.

— Я никогда не видела, как выгружают уголь.— Она тоже встала.

— Ты куда?— поднял голову Григорий Петрович.

— Хочу посмотреть, как выгружают уголь.

— Ничего интересного.

— А мне интересно.

— Ну и смотри на здоровье!— Григорий Петрович налил себе полный стакан.

Чачи видела, что Тамара пошла с Сакаром, и расстроилась еще больше.

«Что это она к нему пристала?»— ревниво подумала она и, подойдя к котлу, крикнула:

— Сакар, иди сюда!

Тамара сразу же уловила в голосе Чачи беспокойство.

«Вот глупая, ревнует... Ну что ж, помучаю ее немножко»,— подумала она и взяла Сакара под руку.

Сакар удивленно посмотрел на нее, но не посмел отнять руку. Увидя это, Чачи убежала в шалаш.

Когда начали закладывать котел, Тамара, оставив Сакара, вернулась к охотникам.

Григорий Петрович сидел в обнимку с охотником из Казани. Матвей Николаевич пел густым басом:

Гайда, тройка! Снег пушистый,
Ночь морозная кругом!
Светит месяц серебристый,
Едет парочка вдвоем!..

Между тем Сакар вошел в шалаш. Там, забившись в угол, обливалась слезами Чачи.

— Чачи, что с тобой?

Но Чачи не отвечала.

В шалаше показался дед Левентей.

— Четвертную отвалили!— И он показал Сакару новую ассигнацию в двадцать пять рублей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

«Чип-чи! Чип-чи!— слышится с верхушки ели голосок синички.— Я пела-распевала в самые лютые морозы. И даже елка на своих корнях приплясывала. А теперь налетели какие-то чужаки, меня стало совсем не слыхать... Чип-чи! Чип-чи!»

Весна!.. В лесу распевают птицы. Среди них выделяется звучным голосом дрозд. Иные коленца у него получаются прямо-таки как у соловья. Но сам соловей еще не прилетел в элнетский черемушник. Где-то он совьет свое гнездо?

Элнет вошел в берега, но на лугах еще стоит вода. Земля подсохла лишь на пригорках. Соловей не любит высоких мест. Зато элнетских бурлаков солнечные пригорки радуют.

На подсохших склонах бурлаки по вечерам разводят костры, сушат одежду и портянки, варят еду — у кого что найдется.

А днем приказчики купца Пинерина рыщут, как собаки, следят, вынюхивают — не присел ли кто, не задремал ли. Чуть что — плохо дело: донесут хозяину или старшему приказчику и, глядишь, понизят оплошавшему бурлаку дневной заработок, а то и вовсе ничего не начислят.

Сплавлять лес по Элнету труднее, чем по другим рекам марийского края, уж очень быстрое здесь течение. Как дикий зверь, Элнет грызет берега. С корнем вырывает и валит в воду вековые сосны. Быстрое течение бьется в один берег, а на другой—намывает песок, украшает его песчаными узорами. Иногда Элнету словно бы надоедает катить свои воды по старому руслу, и он пробивает себе новую дорогу напрямик. Оставшиеся старицы довольно велики и глубоки, в них водится много рыбы. Там, где река делает изгиб, бурлят бешеные водовороты. Они грозят бурлакам бедой. Хотя на таких местах делают заслоны из связанных канатами бревен, чтобы при молевом сплаве не затянуло кряжи в водоворот, здесь надо все время быть начеку, не мешкая расталкивать подплывающий лес, чтобы не получился затор.

Целый день стоит Сакар с багром на таком повороте.

А лес идет от берега до берега. Одно за другим отталкивает Сакар бревна и думает:

«Куда нужно столько леса? Кто только валил его? Видать, много у Пинериных денег. А, говорят, они сами еще недавно работали на сплаве вроде меня. Один старик бурлак рассказывал, что отец Пинериных был самым немудрящим кузнецом. Сыновья его служили приказчиками у купца Мизина. И вот однажды они подкараулили доверенного хозяйского приказчика, когда тот вез деньги, да и спустили его вниз головой в омут. А чемодан с деньгами припрятали под колодой... С тех пор и разбогатели...»

От Пинериных мысли Сакара повернули к Осыпу Чужгану. Ходили слухи, что Чужган тоже разбогател на чужой беде.

Когда-то один мариец дал ему свои деньги на сбережение, потому что ему все время казалось, что за ним следят воры и собираются его ограбить. Он принес деньги Чужгану.

— Осып,— прошептал он, пугливо озираясь по сторонам,— спрячь эти деньги и никому не говори про них.

— Ладно,— ответил Чужган,— не то что кому-нибудь, даже тебе не скажу про них.

И, правда, Чужган никому не проговорился. Через некоторое время пришел к нему этот мариец:

— Осып, теперь давай мои деньги обратно.

— Какие деньги?— удивился Чужган.

— Да те самые, которые я тебе дал.

— Что ты врешь? Кто видел, что ты мне их давал?

Мариец и упрашивал его, и проклинал, но ничего не помогло. Чужган так и не вернул денег.

Правда это, нет ли — всем сплетням верить нельзя...

А вот сущая правда — это уже было на памяти Сакара. Лопнурские и кудашнурские земли в одном наделе. Только Лопнур богатая деревня, а Кудашнур — бедная. Лопнур расположен на открытом месте далеко от леса, поэтому с тамошних полей собирают хороший урожай. А Кудашнур приютился у самой опушки Когда-то он и вовсе стоял среди леса. И сейчас еще по кудашнурским полям и оврагам попадаются рощи, растет кустарник, то тут, то там среди поля виднеются одиночные деревья: липы, вязы, ели, дубы. Сейчас-то дубов почти нет; их свел Чужган, когда кудашнурцы

затеяли тяжбу со своими соседями из деревни Пысмен из-за небольшого участка земли. Привезли межевщика, наняли адвоката. На это нужны были деньги. Это и помогло Чужгану умножить свое богатство. Он купил сразу сто двадцать дубов, растущих на кудашнурских полях, заплатив за каждый дуб всего по тридцать копеек. Из этих дубов он наделал клепки и целую зиму возил ее в Казань.

Весной Чужган открыл лавку, на другой год построил скипидарный завод. Начал он у бедняков землю скупать и засевать. Некоторые бедняки, которым не под силу было заплатить подать, сами отказывались от половины надела, другие, чтобы заплатить подать, занимали денег у Чужгана, отдавая под заклад удобренную или уже засеянную полосу. А уж если бедняк зимой не обзавелся деньгами, где он их возьмет летом? Так и получается: не на что ему выкупить заложенную полосу. Чужган сам вспашет удобренную полосу, засеет и рожь сожнет. С ним никто не спорит. Да и как будешь спорить, если скоро снова придется к нему же идти просить денег.

Сакару ведь тоже он одолжил денег на жеребенка. Правда, от Сакара Чужган не потребовал никакого заклада. Но Сакар, хоть не заложил полосу, зато дал слово и, сдерживая его, все, что добыл за осень и за зиму, носил только Чужгану. А добыча прошлой осенью и зимой была немалая: куница, пара лисиц, сто двадцать белок, семьдесят рябчиков, три тетерева, один глухарь. Дешевые заячьи шкурки Чужган не берет, их покупает только татарин Кисмат. Всю зиму Сакар был с зайчатиной. А беличьего мяса мать насушила почти полный мешок. Оно вкусное, сушеное беличье мясо, кроме того, даже летом не портится, если его хранить в сухом месте. А вот куницу и лису есть не захочешь: невкусно и пахнет противно. Но их мясо Сакар тоже не выкидывал собакам, а вялил на солнце, ведь не зря говорят, что, если сушеное мясо куницы или лисы, растерев в порошок, вдуть в ноздри больной лошади, она поправится. За этим лекарством к Сакару приходят люди даже из других деревень. Сакар всем дает, не жалеет.

Но вот Чужгана Сакар никак не поймет. Перед тем как наняться бурлачить, Сакар пошел к нему в Лопнур, чтобы произвести расчет. Чужган не то что другие

торговцы: никогда не делает расчет сразу. Что принесешь ему, все берет и записывает.

«Потом подсчитаем,— говорит.— За тобой не пропадет, и за мной не пропадет...»

Хлеба надо — даст хлеба. Если что-нибудь другое потребуется — пожалуйста, бери, лишь приноси к нему товар. Очень хороший человек. Но все равно, когда-нибудь да надо подсчитать, сколько отдано, сколько взято. А то ведь и ошибка может выйти. Правда, у Сакара память — все равно что книжка у Чужгана: что взял, что дал — все помнит. Сакара не обманешь. Да Чужган и не думает обманывать. Его записи точно совпали с подсчетами Сакара. Он записал столько шкурок, сколько принес Сакар, чего сколько Сакар взял в его лавке, тоже записал правильно. Насчет этого все было в порядке. А вот дальше подсчеты Сакара и Чужгана разошлись. Сакар рассчитывал получить за шкурку куницы двенадцать рублей — такую цену за куницу дали на базаре усолинскому Архипу — Чужган оценил ее в десять. Лисьи шкурки Сакар думал продать по семь рублей, а вышло по шести. За рябчиков и белок выходило по десять копеек, за тетеревов — по двадцать, за глухаря — рубль пятнадцать копеек. Каждая беличья шкурка по сравнению с базарной ценой оказывалась на одну-две копейки дешевле. И получилось, что вместо пятидесяти рублей Чужган насчитал Сакару только сорок два рубля семьдесят пять копеек. А долгов у Сакара накопилось тридцать рублей восемьдесят копеек. И тут, по подсчетам Сакара, Чужган накинул рубль-два лишку. Зимой на базаре мука стоила восемьдесят копеек, а у Чужгана — девяносто. Сакар надеялся получить чистыми рублей двадцать, оказалось же, что ему причитается всего одиннадцать рублей девяносто пять копеек...

Сакар рассердился. Но не успел он и слова выговорить, как Чужган положил перед ним две новеньких пятирублевки, два блестящих серебряных рубля и спросил:

— Какой товар нужен?

Сакар взял деньги и взглянул на Чужгана.

— Ты, Сакар, деньги свои подальше убери. Они тебе пригодятся на летние расходы. А что надо, я в долг дам. Такому честному человеку, как ты, можно и в долг поверить...

«Честному человеку!..» Сакару после таких слов захотелось схватить Чужгана за его козлиную бороду, вытащить из лавки, надавать хорошенько по шее и втоптать в землю. Но вместо этого рука Сакара почесала затылок, а язык выговорил:

— Дядя Осып, не дашь ли мне в долг бахилы?

Чужган, казалось, даже обрадовался его просьбе и выложил на прилавок пар десять бахил:

— Выбирай, какие понравятся. Значит, ты, Сакар, бурлачить собрался? Проворный, проворный ты, парень. Так и надо, иначе не увидишь хорошей жизни...

— Цена какая?— выбрав пару, спросил Сакар.

— С тебя дорого не возьму, чай, не в первый раз видимся. Мы ведь не кувемские татары... Другому меньше чем за три рубля не отдал бы, а тебе отдаю за два с полтиной. Матери баранок возьми. Эти плохие, а вот эти положишь в чай, тают, как масло. Баранки прямо для старухи. Цена им восемь копеек, а тебе запишу семь...

Сакар вышел из Чужгановой лавки с новым долгом рубля в три.

За пазухой у него лежало двенадцать рублей. Их только-только хватит, чтобы отсеяться. Правда, землю вспашет дед Левентей. Но все равно, как ни крутись, придется идти бурлачить...

И вот Сакар на Элнете, возле водоворота, целый день отталкивает багром бревна.

День сегодня выдался жаркий, а бревна идут и идут без конца. Сакар вспотел, проголодался. Хорошо бы немного перекусить. Хоть тут же, на бревнах... Но что это? Река чистая, до дальнего поворота не видно ни бревнышка. Значит, можно передохнуть...

Сакар оттолкнул последнее бревно, поднялся на берег и уселся на землю, привалившись к сосновому пню. Как хорошо вот так спокойно посидеть!

Эх, а день-то какой чудесный! Щебечут птицы. Пахнет сосновой смолой! Тут бы прыгать от радости да петь:

В реке Юшуте вода — крепкая водка,
А в Элнете вода — еще крепче водки!

Но у Сакара нет сил ни прыгать, ни петь. Солнце ласково пригревает. Теплый ветерок нежно гладит щеки, а сон, мягкой ласковой рукой касаясь его глаз, закрывает ему веки...

Сакар заснул...

А тут, как на грех, к повороту приплыла большая вывороченная сосна, она зацепилась за берег своими корявыми корнями, развернулась по течению и уперлась вершиной в запань на другой стороне.

Вслед за сосной — по два, по три — стали подплывать бревна. Образовался затор.

Но Сакар этого не видел. Ему снился сон: его жеребенок вырос в хорошую лошадь. Запряг ее Сакар в тарантас. На хомуте горят медные бляхи, на спине — нарядная шлея, над крутой шеей — дуга с колокольчиками. А сам Сакар, в новом кафтане, в сапогах гармошкой, сидит на облучке и держит в руках ременные вожжи. Сзади сидит Чачи, на голове у нее вюргенчык[1]. Рядом с ней сидит сваха и поет, покачивая головой:

То не гром гремит из тучи,
То гремит наш барабан.
То не молния сверкает,
А платки на головах.

То не солнышко восходит,
Это едет наш жених.
Не луна взошла на небо,
То невесту привезли.

Катит по дороге шумный свадебный поезд, с гомоном, с песнями. Вдруг навстречу — другой свадебный поезд. Остановились друг против друга, никто не хочет уступить дорогу. Началась драка. Кто-то ударил Сакара, он мотнул головой — и сразу же проснулся, стукнувшись головой о пень.

Глянул Сакар на реку и ахнул. Хуже и не придумаешь: затор — до вечера не растаскать.

Сакар прыгнул с берега на затор и побежал по бревнам, как по мосту. Подбежав к водовороту, он увидел большую сосну. Что тут делать?

Если подоспеет приказчик, обязательно наложит штраф.

Сакар зацепил сосну багром, дернул ее к себе изо всех сил. Сосна подалась, неуклюже взмахнув корнями, медленно развернулась и поплыла по течению. За нею тронулись и бревна. Сакар подталкивал их багром.

В это время на берегу показалась кошевка. В ней

[1] Свадебный головной убор невесты.

сидел сам хозяин.— Пинерин. Увидев затор, он разозлился и заорал:

— Мерзавец! Продрых!

Сакар вздрогнул, на мгновенье замешкался и угодил ногой между бревнами. Ударившись о бревно, он соскользнул в воду, все же успев положить багор поперек двух бревен.

Повиснув на багре, Сакар напряг все силы, высунулся из воды, подплывший кряж больно ударил его в бок.

«Конец!»— подумал Сакар, но жажда жизни заставила его еще крепче сжать руками багор...

Двое людей подбежали к нему по бревнам, вытащили из воды, вынесли на берег.

— Ребра поломало, надо его отправить в аркамбальскую больницу,— услышал Сакар и потерял сознание.

2

Григорий Петрович оставил второе отделение на Тамару, а сам повел старшее, четвертое, на экскурсию в больницу.

Вчера на уроке Григорий Петрович рассказывал о различных болезнях и сегодня, чтобы показать детям, от каких болезней страдают марийцы и как эти болезни лечат, решил сводить их в больницу.

Обычно мариец, почувствовав недуг, сначала не обращает на него внимания, надеясь, что все «само пройдет». Заболев сильнее, он идет к ворожее, потом в церковь, где ставит свечку и молится, или же отправляется в священную рощу, чтобы принести дары и тем самым откупиться от хворобы. И лишь убедившись, что болезнь его не оставляет, он идет в больницу. Очень часто оказывается, что в больницу он приходит уже слишком поздно. Приди он пораньше, его можно было бы вылечить, а застарелую, запущенную болезнь лечить гораздо труднее.

Григорий Петрович прежде всего провел учеников в приемный покой. Тут уже было много больных.

У одного гноились глаза, другой никак не мог откашляться, третий, засунув руку за пазуху, скреб грудь, словно драл кору с дерева, четвертый поводил вокруг вытаращенными глазами, под подбородком у него висел громадный зоб.

Ни врача, ни фельдшера еще не было: они приходят к девяти, сейчас только половина девятого.

Воспользовавшись тем, что прием пока не начался, Григорий Петрович приступил к «уроку».

— Мы не ошибемся, если скажем, что две трети всех болезней марийцев происходят от их невежества и антисанитарных условий жизни. Трахома, чесотка и чахотка в большинстве случаев возникают из-за жизни в грязных, пыльных и темных избах и недостаточного питания. А вот такой зоб образуется от употребления болотной воды...

В это время из угла послышался сдавленный стон. Григорий Петрович подошел к лежавшему на полу человеку. Он узнал в нем кудашнурского охотника Сакара. На лице Сакара отражалась нестерпимая мука.

— Кто привел этого человека?— спросил Григорий Петрович.

Никто из больных не знал.

Григорий Петрович сходил за сторожем, и тот равнодушно объяснил:

— Кюрмучашские марийцы привезли на рассвете с Элнета. Бурлак, в воду свалился, говорили, ребра у него сломаны.

— Так почему же он у тебя до сих пор на полу валяется!— возмутился Григорий Петрович.— Почему доктора не позвал?

— Чего его звать, сам к девяти часам придет...

Григорий Петрович взорвался:

— Ах ты дармоед! Мирской хлеб ешь, а дела своего не делаешь. Человек при смерти, а тебе и горя мало!

Сторож окинул Григория Петровича наглым взглядом с головы до ног:

— Тоже выискался начальник...

— Мерзавец! Я тебе покажу!

Сторож вышел, хлопнув дверью.

Григорий Петрович забыл и про экскурсию, и про своих учеников. Он стоял над распростертым на полу Сакаром и думал: «Пинерины богатеют, а бедняки за их богатство кости ломают!.. И даже в больнице бедняку нашлось место только на полу...»

Дверь отворилась, вошел доктор.

— Григорий Петрович, это вы здесь скандалите?

— Посмотрите, какого больного ваш сторож оставил валяться на полу.

— Я не имею права без доктора положить его на койку,— стал оправдываться сторож.

— Почему не доложил доктору?

— Кто такой?— спросил доктор у сторожа, кивая на Сакара.

Сторож из кармана штанов достал клочок бумаги и протянул врачу. Там было написано:

«В аркамбальскую больницу. Посылаем к вам бурлака Ефремова Захара. Его в бок ударило бревно.

Н. Пинерин.
1914 год, апреля 17-го».

Доктор взглянул на сторожа поверх очков:

— Почему не сообщил мне?

— Иона Кондратьевич, вы же сами...

— Сейчас же позови фельдшера и сиделку, больного разденьте и положите на койку,— перебил доктор.

Сторож ушел.

— Иона Кондратьевич,— сказал учитель,— такого сторожа нельзя держать при больнице. На вашем месте я его сегодня же выгнал бы.

— Э, Григорий Петрович, в наше время трудно найти добросовестного работника... Испортился народ.

В приёмный покой вошли фельдшер и сиделка. Следом шел сторож.

— Гавриил Григорьевич, Клавдия Федоровна,— сказал доктор, показав на Сакара,— надо немедленно устроить этого больного.

— Свободных коек нет, Иона Кондратьевич,— ответил фельдшер.

— Принесите из чулана. Иван, поворачивайся побыстрее!

Сторож побежал за койкой.

Сакар громко застонал: видимо, он хотел повернуться, и боль пронзила все его тело.

Сиделка наклонилась, положила ладонь на лоб Сакара.

— У него жар. Голова как огонь!

Она быстро вышла в другую комнату и вернулась в белом халате. Надел халат и фельдшер.

Через четверть часа Сакар уже лежал под одеялом.

Ему поставили термометр. Ртутный столбик подскочил выше сорока.

Доктор долго щупал тело парня мягкими пальцами и наконец сказал:

— Повреждены два ребра, но не сломаны. Это не беда, человек молодой, через месяц выздоровеет. Беда в том, что у него начинается пневмония. Он слишком долго пробыл в сырой одежде.

3

Девушки пасли скотину на аркамбальском лугу.

Прекрасен весенний день. Под лучами солнца поднимается пар над подсыхающей землей. Небо над лесом, что растет по ту сторону Элнета, синее-синее.

Чачи смотрит на лес, на холм, что возвышается за лесом. Там за холмом в низенькой избе живет старушка... А сын этой старушки не выходит у Чачи из головы.

Где сейчас Сакар? Что он делает?

Неподалеку прыгают мальчишки, играют в чехарду. Девочкам так играть неприлично, они собирают ранние цветы, плетут венки.

Девушки заняты вышиваньем. Чачи тоже вышивает нашмак[1].

Одна из девушек заводит песню:

Солнце яркое сверкает
Над полями и лесами.
И плывет медовый запах
Над зелеными лугами.

От цветка к цветку по лугу
Пчелка быстрая летает.
Как цветок, порой весенней
Мое сердце расцветает.

— Как хорошо весной!— сказала другая девушка.— Эх, была бы всегда весна!

— Глупая ты, Ови, весной только богатым хорошо, а таким беднякам, как мы, весной хуже всего,— воз-

[1] Вышитая лента, часть национального женского головного убора.

разила Чачи.— Посмотри на свою корову, она еле-еле ноги передвигает. А разве с осени она такая была?

— Слава богу, что хоть сама на ноги встала,— грустно отозвалась Ови.— Зимой поднимать приходилось.

— А у нас мука́ кончилась, так что же теперь — слезы лить, так, что ли?— вмешалась в разговор третья девушка.— Брат ушел бурлачить. По полтиннику в день зарабатывает. Проработает десять дней, купит пять пудов муки. Чего там тужить!— И девушка пошла по лугу, весело напевая, как беззаботная птичка:

Ни большой, ни малой елки
Без иголок не бывает.
Хоть высокий дуб, хоть низкий,—
А без листьев не бывает.
Луг широкий и лужайку
Травка буйно покрывает.
На большом и малом поле
Та же озимь вырастает.
Улица иль переулок,—
А без нас не обойдется.
Каждой девушке в деревне
Парень по сердцу найдется.
Молодому парню тоже
Жить без милой не годится.
Далеко ли друг иль близко,—
А душа к нему стремится.

Услышав слово «бурлак», Чачи снова посмотрела за реку. Далеко-далеко поднимается над лесом серый дым. Это на делянках жгут хворост. Сучья потолще откладывают на дрова, тонкие сжигают. В том лесу зимой работала на смолокурке и Чачи. Там она встретилась с Сакаром... Сакар... Богатырь Нончык... Сегодня он не выходит у нее из головы. Чачи запела:

— Что там видно вдали?
— Там гора стоит.
— Что там видно вдали?
— Белый мерин бежит.

На седле у него
Ярко свечка горит.
Только то не свеча,
Чье-то сердце горит.

— Чачи, о чем у тебя болит душа?— спросила Ови.

Чачи взглянула на подругу. Та смотрела на нее с таким участьем, что Чачи рассказала ей о Сакаре.

— Почему же ты грустишь, ведь он любит тебя...

Чачи вздохнула:

— Были бы у меня крылья, полетела бы, хоть одним глазком взглянула на него...

Послышался звон колокольчиков. Со стороны села подъехали две пары лошадей, запряженные в тарантасы. За ними шла толпа мужиков с кольями, топорами и лопатами в руках.

Яшай, отец Чачи, нес длинную жердь с красным платком на конце.

Сзади ехала телега, доверху нагруженная столбами, покрашенными с одного конца красной краской. На другом конце каждого столба был прилажен брусочек и сделан затес шириной в две ладони. На всех затесах выжжен орел.

Тарантасы остановились на краю поля. Из одного вышли земский начальник и землемер. С другого Егор Пайметов спустил на землю какой-то блестящий круг на трех ножках. На этот круг землемер поставил другой круг с трубкой.

С другой стороны, от деревни, подошли нурмучашские мужики. Землемер показал им какие-то бумажки.

— Сейчас будем проверять старые межи.

Он долго смотрел в бумагу, потом приказал поставить столб возле старой межевой ямы на бугре.

Вместе с мужиками прибежали ребятишки. Среди них вертелся Япуш. Увидев сестру, он сказал:

— Чачи, иди-ка сюда, я тебе что-то скажу.

Брат и сестра отошли в сторону.

— Дядя Сакар в больнице,— прошептал мальчик.

— Какой Сакар?— не сразу поняла Чачи.

— Да тот, который был у нас зимой. В суд вы с ним вместе ходили.

— Ой, что ты!

— Я сам его видел. Утром учитель водил нас в больницу. Он там в углу на полу лежал... У него ребра поломаны...

Дальше Чачи не слушала. Наказав Япушу присмотреть за коровой и овцами, она опрометью побежала в село.

Две недели Сакар не приходил в сознание. Две недели каждое утро прибегала Чачи к Клавдии Федоровне, и каждый раз Клавдия Федоровна встречала девушку одними и теми же словами:

— Очень плох...

Клавдия Федоровна пустила Чачи к Сакару лишь на третий день.

Увидев Сакара в белой рубашке, Чачи заплакала: было похоже, что он лежит не на койке, а в гробу.

— Родня?— спросила сиделка.

— Родня, родня...

— Если в первые две недели не помрет, значит, выздоровеет...

Эти две недели показались Чачи бесконечными. Но вот и они прошли. Рано утром прибежала она к Клавдии Федоровне. Что-то она скажет сегодня?

— Кризис миновал,— сказала Клавдия Федоровна. — Теперь поправится. Но все же ему придется пролежать в больнице еще месяц. Приходи вечером, принеси ему молока и яиц...

Словно на крыльях, вернулась девушка домой. Вечером она налила в бутылку парного молока, сварила яиц всмятку и, пока не остыли, понесла в больницу.

Тихонько открыв дверь, Чачи одна, без Клавдии Федоровны, вошла в палату и остановилась возле койки Сакара.

Он лежал с закрытыми глазами: то ли спал, то ли не было сил открыть глаза. Бледный, щеки ввалились... Чачи заплакала. Мужик, лежавший на соседней койке, с любопытством посмотрел на нее.

От всхлипываний девушки Сакар проснулся. Проснулся и не мог сообразить: Чачи стоит перед ним или ему это только мерещится...

Увидев, что Сакар открыл глаза, девушка обрадовалась. Глаза у парня такие же чистые, как и прежде. Он уже понял, что возле него действительно стоит Чачи.

— Сакар, поешь,— сказала Чачи.— Я принесла тебе молока и яиц.

— Нет, Чачи, не хочу, я уже ел в обед.

— Съешь хоть одно яичко... Горячее... Не хочешь? Ну тогда молока выпей.

Она налила молока в чашку, стоявшую на столике у изголовья больного, приподняла его голову и поднесла чашку к губам:

— Пей, молоко теплое... Парное..

Тут в палату вошла Клавдия Федоровна. Услышав последние слова девушки, она сказала:

— Нельзя давать ему сырое молоко, надо прокипятить.

Сакар откинул голову на подушку, закрыл глаза.

— Устал,— сказала сиделка.— Оставь, Чачи, молоко, я вскипячу его на спиртовке и завтра напою.

— Завтра я свежего принесу. А это возьмите себе. И яйца возьмите, я их всмятку сварила... Еще не остыли...

Клавдия Федоровна увела Чачи к себе, перелила молоко в свою посуду. Возвращая бутылку, протянула девушке деньги.

Чачи покраснела.

— Я от вас денег не возьму, Клавдия Федоровна!

— Не возьмешь, забирай все назад.— В голосе сиделки послышались сердитые нотки.— У вас у самих лишнего нет.

4

На экзамены в аркамбальскую школу приехал инспектор. Рядом с ним за столом сидели земский начальник и поп.

Хотя Япуш весь год учился хорошо, на экзамене робел. Перед ним вызвали к доске одного ученика и задали такую задачу: «Ехал мужик на телеге. Окружность задних колес 5 аршин, передних — 3 аршина. Сколько верст проехал мужик, если известно, что передние колеса сделали на 400 оборотов больше, чем задние?»

Мальчик долго решал задачу, но так и не смог решить.

Тогда к доске вызвали Япуша. Он любил арифметику и за зиму перерешал много всевозможных задач. Поэтому с этой задачей он справился быстро и написал правильный ответ.

— Молодец!— одобрительно сказал инспектор.

После арифметики был экзамен по закону божьему. И он прошел благополучно, Япуш получил похвальный лист и Евангелие в красном переплете. Кроме него, еще один ученик получил награду. Из девяти учеников, оканчивавших школу, лишь один не выдержал экзамена.

На квартире у Григория Петровича инспектор за чашкой чая повел разговор.

— Вы, Григорий Петрович, прекрасный учитель, только слишком много внимания уделяете марийскому

языку. Ну, скажите, зачем нужен в жизни марийский язык? В школе нужно учить говорить и писать по-русски.

— В ответ на ваш вопрос я приведу высказывание Константина Дмитриевича Ушинского. Думаю, что его авторитет неоспорим. Вы, Антоний Степанович, юрист и смотрите на все с юридической точки зрения, а Ушинский был педагогом.

Григорий Петрович снял с полки книгу и, раскрыв на нужной странице, протянул инспектору. Тот прочел вслух отмеченное место.

— «Язык народа — лучший, никогда не увядающий, вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающийся далеко за границами истории. Язык не только выражает жизненность народа, но есть сама жизнь».

Прочитав эти строки, инспектор сказал:

— Это сущая правда. Но ведь Ушинский писал о западных славянах. У них, взять хоть бы чехов, высокая культура, богатая история. А что есть у марийцев?

— Антоний Степанович, а что вы скажете о поляках?— не отвечая, спросил учитель.

— У поляков тоже, конечно, есть своя культура.

— Поляки сейчас живут в трех государствах: в Германии, Австрии и России. Как по-вашему, Антоний Степанович, где им живется лучше?

— Вот что, Григорий Петрович,— нахмурился инспектор,— вы ничего подобного больше никому не говорите, не то вас станут считать революционером. Я вам по-отечески советую, выбросьте из головы эти вредные мысли. Меня уже предупредили, что вы собираете в школе марийцев, читаете им какую-то марийскую историю и тому подобное... Если я вам разрешил проводить религиозно-нравственные беседы, то это вовсе не значит, что вы получили право рассказывать какую-то выдуманную вами историю.

— Я ничего не выдумываю, я опираюсь на исторические факты.

— Григорий Петрович, я вам категорически запрещаю говорить подобные вещи и требую, чтобы впредь в школе не было произнесено ни одного слова ни о какой марийской истории. Такой истории не существует, по крайней мере, я о ней ничего не знаю.

5

Сакар выписался из больницы, когда уже прошел семик[1], и началась нестрадная пора лета.

Чачи отвезла Сакара в Кудашнур.

Мать Сакара болела. Дед Левентей ухаживал за ней, но она убивалась по сыну, и ей становилось все хуже.

Увидев сына, Ефремиха обрадовалась.

— Сынок, а это кто?— спросила она, взглянув на Чачи.

— Это, мама, дочь аркамбальского Яшая. Она носила мне в больницу еду.

— А чем же мы-то ее станем потчевать, сынок? Я совсем плоха. Спасибо Левентею, если бы не он, давно померла бы от голода.

С жалостью смотрел Сакар на мать. Жизнь не баловала ее. Двух лет осталась она без отца, в девушках работала под стать любому мужику. Потом вышла замуж и лет двадцать жила вроде бы ничего. Ефрем был работящий мужик, на работе и надорвался. Осталась она вдовой. Одна вырастила сына, одевала его хотя и в штопаную одежонку, но всегда чистую.

Мать Сакара очень понравилась Чачи.

— Мама,— ласково сказал Сакар,— ты скоро поправишься, я тебя непременно вылечу.

Сакар и сам не знал, как он вылечит мать. Но в такой хороший день, когда все так счастливы, мать не должна думать о смерти. Поправился же он, вот и мать поднимется.

— Если суждено мне жить, сынок, то выживу,— ответила Ефремиха.

Дед Левентей не мог отвести глаз от Чачи с Сакаром. Оба красивые, статные — хорошая пара.

Старик достал принесенные с собой яйца, творог, сушеное беличье мясо и положил угощение на стол.

Под вечер Сакар и Чачи отправились в Лопнуры к Чужгану. Яшай наказал дочери сходить за топором, который он забыл в лавке у Чужгана, когда брал деньги за сданный скипидар.

---

[1] Языческий весенне-летний земледельческий праздник.

Сакар рассчитывал занять у лавочника рублей двадцать до осени. Как-никак свадьба потребует расходов... Григорий Петрович, аркамбальский учитель, посоветовал подать на Пинериных в суд и написал Сакару прошение. Он уверял, что с купцов можно будет получить рублей пятьдесят.

Хороший человек Григорий Петрович. Все время, пока Сакар лежал в больнице, приходил его навещать. Расспрашивал, и сам про многое рассказывал. Чачи говорила, что учитель давал денег, чтобы она покупала Сакару яйца.

Правда, прошлой зимой Сакар спас учителя от медведя. Он тогда сразу увидел, что Григорий Петрович не умеет стрелять: охотник не так целится...

Григорий Петрович, видно, тоже этого не забыл.

Старик Чужган встретил Сакара приветливо:

— Благодари бога, Сакар, что не помер. Денег взаймы дам, только придется подождать, пока в Казань съездят; мне еще не уплатили за скипидар.

Он и с Чачи говорил ласково.

— Твой отец тогда немного выпивши был, вот и позабыл топор. Не надо ли тебе, дочка, какого товара? Как у вас с хлебом? Своего-то хватит? Если надо, пусть отец придет. Дам несколько пудов, все равно уже почали одну скирду.

На улице, возле ворот, стоял Макар Чужган. Когда Сакар с Чачи проходили мимо, девушка показалась ему еще красивее, чем прошлым летом. И вот такая красавица идет с каким-то бурлаком. А почему не с Макаром? Ведь если ее хорошенько приодеть, ни у кого в селе не будет такой красивой жены. Да что там в селе — во всей волости!

И в то время, как Сакар и Чачи, разговаривая между собой, шли в Кудашнур, Макар вел разговор со своей матерью.

— Уж очень она бедная,— говорила мать.

— Бедная-то бедная, зато красивая, — возражал Макар.

— Среди нашей родни нет бедняков,— продолжала мать.— Как же родниться с бедными — ни в гости позвать, ни самим погостить...

— А мне родни не надо, мне девушка нужна. Не сосватаете, утоплюсь или повешусь.

— Что ты говоришь, глупенький,— испугалась мать.— Не гневи бога!

— Умру, на вас грех будет!

— Ну, ладно, ладно. Поговори с отцом.

— Э, не-ет, ты сама уговори отца...

А Сакар и Чачи, ничего о том не зная, договорились в петров день обвенчаться. Свадьбу решили не играть, чтобы не входить в лишние расходы.

Сегодня на улицах Кудашнура людно. Сюда сошлись марийцы из пяти окрестных деревень. Народ собрали карты, чтобы договориться об общем молении на сюрем[1].

— До сюрема осталось всего две недели,— говорили карты,— пора начинать готовиться к празднику. Нынче, видать, никак нельзя обойтись без жертвы. Вон в прошлом году понадеялись на одно обещание, потому, наверное, и рожь нынче тонка и редка.

Обсудив и обговорив все, сход решил устроить моление с жертвоприношением. Подыскать скот для жертвы поручили Степану из Ужанура и еще двум мужикам. Тулекартом — картом, который должен приносить жертву — избрали деда Романа из Лопнура: мол, дед Роман в прежние времена был тулекартом, и года у него почтенные, одним словом, более подходящего человека не найти.

Через три дня Степан и его помощники вымылись в бане, надели белые порты, белые рубахи и пошли отбирать скотину для жертвоприношения.

Они обошли почти все дворы во всех пяти деревнях. Пришли и к Сакару.

Сакар, увидев входящих во двор людей, вышел из избы. Его жеребенок гулял по двору. Заметив хозяина, он заржал.

Пришедшие мужики переглянулись.

— Голос подает. Значит, угоден великому богу,— сказал один.

— Надо посмотреть, что покажет расплавленный свинец,— проговорил Степан.

Все вошли в избу. Сакару велели развести на шестке огонь. Огонь развел дед Левентей, пришедший к Са-

---

[1] Марийский летний религиозный праздник.

кару вместе с отборщиками жертвенной скотины. Степан положил свинец в ковш и велел одному из мужиков плавить его над огнем.

— Надо бы еще немного масла,— сказал Степан.

У Сакара в доме масла не оказалось. Дед Левентей сходил, принес от себя. Масло растопили на сковороде. Степан зажег в божнице свечу. Что-то пробормотал, потом приказал:

— Теперь лейте.

Мужик, державший ковш над огнем, вылил расплавившийся свинец на сковороду. Зашипело, затрещало масло, брызнуло во все стороны и вскоре стихло. Отборщики склонились над сковородой.

— Есть его образ! — радостно воскликнул Степан.— Вот голова, вот грива, хвост — все есть!

Дед Левентей тоже взглянул, и Сакар наклонился над сковородой. Но он не разглядел ни гривы, ни хвоста, свинцовая лепешка была похожа на старую монету.

А еще удивило Сакара, почему Степан пришел к нему? Позабыл, что ли, драку в лесу и суд? Почему разговаривает так ласково?

Степан что-то тихо шепнул Левентею. Дед повернулся к Сакару:

— Сынок, твой двухлеток пришелся по душе великому богу сюрема. Придется тебе отдать его.

— Как отдать? — спросил Сакар.

— Отдать ради всего общества. Мир тебе за это уплатит жертвенные деньги... А великий бог сюрема пошлет счастье.

Только после этих слов Сакар понял, что его жеребенка, купленного с таким трудом, жеребенка, которого он растил и холил, как мать дитя, собираются увести в молитвенную рощу и там зарезать — принести в жертву богу, а ему уплатить за жеребенка собрачными на молении деньгами... Да сколько бы ни собрали денег, другого такого жеребка не найдешь, не купишь ни за какие деньги!

— Не отдам! — вырвалось у Сакара.

— Что ты говоришь, сынок? — испугался дед Левентей.— Ведь бог возлюбил твоего стригунка. Неужели пойдешь против желания великого бога?

А Степан убеждает Сакара тихо, ласково:

— Сам, парень, слышал, как он заржал, когда мы входили к тебе на двор, да и в свинце его облик изобра-

зился. Бог облюбовал твою скотину, он тебе за нее счастье пошлет.

Мать тоже принялась упрашивать:

— Не упрямься, Сакар. Слушай дедушку Левентея, он тебе зла не пожелает.

— Старый Чужган сам хотел отдать взрослого гнедого мерина, да свинец не показал... Видать, не угодна богу жертва от Чужгана,— убеждая Сакара, сказал один из мужиков.

Сакар растерялся: и жаль ему жеребенка, и боится прогневить бога.

— Дедушка, как жить-то без лошади?..— с тоской вздохнул Сакар.

Все начали успокаивать Сакара.

— Бог тебе поможет, счастья даст. А пожалеешь жеребенка, проклянет. Тогда во всю жизнь не видать тебе добра. Вот помолишься в священной роще, и мать твоя поднимется.

Против всех этих уговоров Сакар не устоял. Особенно подействовали на него слова о матери, и он согласился отдать жеребенка на жертву.

Выходя со двора, Степан злорадно подумал про себя: «Земский начальник не засудил тебя, парень, так я сам тебе за обиду отплатил. Если ты такой везучий, попробуй-ка поживи без лошади...»

Сюремское моление устроили в понедельник, за три дня до петровок.

Молитвенная роща находилась в низине между двух холмов, из-под которых бьют два ключа. По склону, извиваясь, бежит дорога. В роще растут дубы, липы, орешник. Ближе к опушке темнеют ели, пихты и кое-где возвышаются сосны...

Когда Сакар подвел жеребенка к священному дереву, над рощей всходило солнце. Под деревом уже был устроен жертвенный стол, стояло деревянное ведро с водой; горел костер. Тут же в землю был вбит кол, чтобы привязать жеребенка.

На столе стояла деревянная долбленая чаша с медовухой и с укрепленной на ее краю восковой свечой. Вторая такая же свеча стояла на особом липовом столбике. Вокруг священного дерева были привязаны к ко-

лышкам телочки, бычки, ягнята. В мешках крякали утки.

Дед Роман зажег свечи и начал читать молитву.

Ужанурский Степан окатил жеребенка холодной водой из ведра. Жеребенок отряхнулся, далеко разбрасывая брызги.

Все собравшиеся на моление в один голос воскликнули:

— Ой, великие боги, благодарим, благодарим, благодарим!.. Возлюбив, вы заставили его очиститься от прикосновения нечистых человеческих рук и согласны благожелательно и милостиво принять нашу жертву.

Окатили водой остальную скотину и начали резать. Сакарова жеребенка резал Степан. Когда он повалил жеребенка, Сакар отвернулся...

Ох, как хотелось Сакару в этот момент схватить Степана за шиворот, как тогда в лесу, и, дав пинка, сбросить в овраг!.. Но тут был не просто лес, а священная роща, тут нельзя...

Когда жеребенок сварился, мясо выложили в большое блюдо. Карт отрезал по кусочку от сердца, печенки, легких, языка, уха, ног и сложил все это в отдельное блюдо. В то же блюдо положил по кусочку от каждого жертвенного хлеба и налил немного медовухи.

Все сняли шапки. Только один карт остался в шляпе. Началось моление.

Карт молился долго. Он просил у великого бога обилия пчел, обилия серебра, просил удачи в охоте... Сакар слушал и думал, что если бы бог даровал ему хоть малую частицу всех этих благ, то, пожалуй, не стоило бы жалеть жеребенка. Но у самого в горле стоял комок, его душили с трудом сдерживаемые слезы...

Сакар слушал карта, а в голову лезли грешные сомнения: «Зачем я отдал жеребенка? Откуда у безлошадного будет удача? Разве это счастье — опять идти к Чужгану занимать денег на новую лошадь?..»

Пока собирали жертвенные деньги, карт читал молитвы, называл имя каждого жертвователя, просил ему у бога счастья и богатства. Между молитвами Иван Арпик трубил в тутретпуч[1].

---

[1] Марийский народный музыкальный инструмент, длинная берестяная труба.

После сбора жертвенных денег началась трапеза. Во главе стола сел карт, по одну сторону от него посадили деда Левентея, по другую — Сакара.

Взяв кусок жеребятины, Сакар еле-еле смог его проглотить. Хоть и не годится во время моления думать богохульно, но Сакар ничего не мог поделать с собой.

«Зачем богу понадобился мой стригунок? — думал он.— Говорят, у бога на небе пасутся несметные стада всякой скотины и богатства у него не счесть. Говорят, бог все может: может последнего нищего сделать богатым, а богача превратить в бедняка. У меня же он забрал единственного жеребенка. Что же он мне даст в награду?»

И, словно в ответ на мысли Сакара, мариец, собиравший жертвенные деньги, высыпал перед ним горку монет:

— Хочешь считай, хочешь не считай — пятнадцать рублей тридцать копеек!

Сакару стало совсем горько. Он за маленького жеребенка отдал пятнадцать рублей, целую зиму поил-кормил, на тот год его можно было бы уже запрягать... А какой жеребенок!

И зачем только великому богу сюрема понадобилось оставить Сакара без лошади?

6

На улице перед домом лавочника Панкрата Ивановича полным-полно народу, люди собрались из шести деревень.

Сегодня, в петров день, землемер вызвал уполномоченных подписать проект, по которому будут проведены границы между селами и нарезаны наделы выходящим на хутора.

Вместе с уполномоченными пришли все свободные от работы: всех волновали слухи, что Панкрату и другим мужикам, выходящим на хутора, хотят отрезать самые лучшие луга возле Элнета. А элнетский луг кормит скот аркамбальцев. Если отойдут от общества луга, как тогда держать скотину?

В избе шумно, уполномоченные спорят между собой, спорят с землемером, не робеют и перед земским начальником. Сробеешь, тут тебе как раз и всучат какую-нибудь бросовую землю.

Аркамбальцы выбрали уполномоченными Егора Пайметова и Пашая. Те согласились со всеми пунктами проекта, кроме одного, в котором говорилось о выделении Панкрату Ивановичу земли на хутор.

— Элнетские луга не дадим закрепить за одним человеком! — сказали они.

В этом их поддержали и все другие уполномоченные:

— Элнетские луга разделим по душам!

По проекту землемера пятнадцать десятин на элнетских лугах выделялось Панкрату Ивановичу. Рядом с ним пять десятин получал Япар и около десяти остальные выходцы на хутора.

— С таким проектом мы никогда не согласимся! — заявил Егор.

— Не согласны! Не согласны! — кричали мужики.

Тут поднялся земский начальник:

— Не кричите — здесь не базар. Если не согласны, так и скажите, что не согласны... А почему не согласны? Я считаю, что проект составлен хорошо. Если от вас отойдут луга, то вместо них останется пахотная земля.

— Пахотную землю с элнетскими лугами не сравнить. Мы на такой раздел своего согласия не дадим!

Уполномоченные вышли из избы.

— Алексей Антонович, как там сказано в законе? — спросил Зверев.

— При переделе на нарез земли, находящейся на отшибе, согласия общества не требуется.

— Значит, нечего и разговаривать с ними.

Народ на улице волновался.

— Что это они там расшумелись? Сообщите Константину Ильичу, пусть пришлет стражников.

Немного погодя двенадцатилетний сын Панкрата побежал с запиской к становому.

Вечером Пашай с Егором зашли в школу. Разговор, естественно, вертелся вокруг сделанного землемером проекта.

— Панкрат хитер, — говорил Егор. — Зачем ему пахотная земля? С лугами никаких расходов. С весны убрал мусор и до сенокоса никаких забот. Не надо ни пахать, ни сеять. Если Панкрат заграбастает тридцать

десятин элнетских лугов, то он, не ударив палец о палец, будет получать в год по три тысячи рублей чистого барыша.

— Тридцать десятин он не получит, а двадцать будут его...

— Все тридцать наберет. Япар со своими дружками для того нарезают себе луга, чтобы их продать. Тут, можно сказать, не им нарезают, а Панкрату. Они половину обещанных Панкратом денег уже пропили...

— Ну, а что мужики? — спросил Григорий Петрович.

Пашай вздохнул.

— Водку пили, теперь опохмеляются... Близок локоть, да не укусишь. У Панкрата теперь все права на аркамбальскую землю.

— Через несколько дней землемер начнет нарезать наделы. Панкрату, конечно, постараются отвести элнетские луга. Что же вы намерены делать? — снова спросил Григорий Петрович.— Что думает народ?

— Говорят,— умрем, а луга не отдадим.

— А если земский начальник со становым приведут стражников и урядников?

— Тогда и мы возьмемся за косы и вилы! — твердо сказал Пашай.

— С косами и вилами против винтовок не сладишь. Но я думаю, что до этого дело не дойдет. Все-таки Зверев не решится идти против всего народа, и Панкрату отведут землю в другом месте.

Григорий Петрович сам не очень-то верит тому, что говорит. Но его радует решимость крестьян отстаивать свои права. Он попросил Егора и Пашая прийти к нему завтра вечером.

— К тому времени вернется Василий Александрович, тогда обсудим, как быть.

Но снова собраться не пришлось: на другое утро после петрова дня мужики вышли на сенокос. Аркамбальские марийцы сюрем не празднуют.

7

В четверг, после петрова дня, вечером к Сакару пришли карты со «священными листьями».

После сюремских молений матери Сакара стало еще хуже, теперь она даже сесть не могла без помощи.

У Сакара вся душа изболелась.

«Стригунка пожертвовал, а мать все равно не поправляется, еще больше занемогла,— думал он.— Не помогла жертва. Если бы знал, ни за что не отдал бы жеребенка».

Он был зол на картов, но все же встретил их, как полагается, не сказал ничего лишнего. Жена деда Левентея приготовила к их приходу все, что надо: напекла блинов, накипятила неснятого молока, принесла пива в бураке.

Ужанурский Степан поставил «священные листья» на божницу.

«Священные листья» — это ветка, срезанная со священного дерева. После моления эту ветку и тутретпуч подвешивают на верхушке березы в сюремской роще.

Дед Левентей зажег свечу перед божницей, другую поставил на край бурака.

Дед Роман, встав за столом, начал молиться, прося у бога счастья для Сакара, всяческих удач и обилия. Закончив молитву, он сел и стал есть понемножку из каждого блюда.

Дед Левентей потчевал гостей вместо хозяина. Сакар не отходил от матери.

Во дворе Иван Арпик громко затрубил в тутретпуч. Мать Сакара вздрогнула и открыла глаза.

— Что это, гроза?

— Нет, мама, день ясный.

— А мне показалось, гром гремит.

— Нет, мама, то не гром... К нам пришли отведать сюремскую снедь. Может быть, попьешь молока?

— Не хочу,— чуть слышно ответила мать и снова закрыла глаза.

Гости угощались недолго. Лишь собрали с молока самые густые сливки. Дед Роман благословил Сакара.

Моление карта о том, чтобы в этом дворе было обилие скотины, показалось Сакару насмешкой. Как вспомнит он о своем стригунке, так душат его слезы. Эх, вытолкать бы их всех!

Вдруг мать два раза судорожно дернула руками и ногами, широко открыв рот, хрипло вздохнула и затихла.

— Мама! Мама! — Сакар взял ее за руку.

Но она ничего не ответила. Сакар отпустил руку, и она повисла, как плеть.

Сакар понял: его матери уже не нужно никакого обилия.

Он огляделся. Все молча смотрели на него и на мать.

— Отошла, что ли, сынок? — подойдя, спросил дед Левентей.

Сакар, не отвечая, смотрел на карта и других людей—зачем их столько набралось сюда? Ах да, они ведь пришли просить у великого бога счастья для Сакара, обилия, мира и долгих лет жизни его семье. Принесли ветку священного дерева, обещали, что бог дарует ему счастье... Вот какое счастье дал Сакару бог!

Что произошло дальше, Сакар не помнит. Схватив со стены ружье, он навел его на карта.

— Убирайся отсюда! — в бешенстве закричал Сакар. — Все твои молитвы — одно вранье! Убирайтесь! Все убирайтесь отсюда! Застрелю! Убью!

И карт, и ужанурский Степан, и все другие, как овцы, толкаясь в дверях, ринулись из избы.

«Священные листья» остались на божнице. Схватив их, Сакар выбежал во двор и выбросил ветку через забор на улицу. Как раз в это время по улице шло стадо овец. Овцы окружили ветку и дружно начали ее общипывать.

Дед Роман со Степаном кинулись выручать «священные листья», но опоздали, от ветки остался один только голый прут.

Сакар вернулся в избу. Родной дом показался ему мрачным и нежилым. Он сел возле матери.

Немного погодя, осторожно открыв дверь, в избу тихонько зашли дед Левентей и Левентеиха.

8

Припекает солнце. На лугах благоухает скошенная трава. На одном краю луга мужики докашивают траву, на другом — женщины сгребают сухое сено. Сначала делают валки, потом сбивают в небольшие кучки. Молодые парни собирают эти кучки в копны. Пять кучек — копна.

Девушки поют:

По Элнету луга — что за луга?—
Им с лугами Юшута никак не сравниться.
Но в Юшуте вода — что за вода?—
Ей с элнетской водой никак не сравниться.

Бьется, плещет сорожка — разве рыба сорожка?
С окунем ей никогда не сравниться.
Шайрамбальские девки — разве это невесты?
С аркамбальскими им никогда не сравниться.

Как бы в ответ на эту песню бойкая бабенка запела:

Как река Элнет течет,
Что ни шаг, то поворот.
Что ни речки поворот,
Там черемуха цветет.
Только цвет не отцветет,
В чьи-то руки попадет.
Нынче девушки добры,
Нынче девушки хитры.
С ними лучше не шути:
Не успеют подрасти,
Справят свадебный наряд,
Замуж сразу норовят...
И с парнями не шути:
Не успеют подрасти,
Время даром не теряют,
Жен тотчас же выбирают.

— Ох, тетя, а вот если я запою — заслушаешься,— засмеялся молодой мужик.

— Спой, послушаем,— отозвалась та.

— А не обидишься?

— Зачем же обижаться на песню?

— Слышали, девушки, говорит — не обидится?

— Слышали, слышали! — закричали девушки.—Пой, Микал, пой, только нас не задевай...

Коркаяльские девчата — в лапотки обутые,
Яранурские девчата — ноги—дуги гнутые.

Все разом посмотрели на бойкую бабенку. Она родом из Яранура, а яранурских девчат на элнетской стороне называют «кривая нога». Прозвище это несправедливо, в Ярануре есть девушки и с прямыми ногами. Если сказать правду, то яранурские девушки выделяются среди других своей опрятностью да еще, пожалуй, некоторым легкомыслием.

Но бабенка не обиделась на Микала. Она лишь подмигнула ему и засмеялась.

А парень продолжал:

Вот норпольские девчата — луженые глотки,
Кожлатюрские девчата— обрубки короткие,
Поранбельские девчата похожи на редьку,
А нурмурские девчата — обжоры на редкость.

На каждую строку песни девушки отвечали веселым хохотом. Неизвестно, кого бы еще поддел Микал в своей песне, но тут, запыхавшись, прибежали двое курыктурских мужиков:

— Межевщик!.. У залива!.. Панкрату нарезает!..

Прокричав, они побежали дальше, а народ на лугу зашумел. Все побежали к реке.

Возле реки, на лугу, поставив теодолит на межевой столб, землемер замеривал угол. Поодаль батраки Панкрата Ивановича, Япар и другие выходцы на хутора ставили новый межевой столб.

Люди шумной толпой подбежали к ним. Япара с дружками прогнали, межевой столб выдернули. Землемер, бросив свой теодолит, скрылся.

Какой-то мужик замахнулся на теодолит топором, но Егор успел перехватить его руку:

— Инструмент ломать не дело!

— Чего там не дело! Все надо порушить!

— Порушить! Порушить! — кричали вокруг.

Народ бурлил, как взволнованное море. И как тут сохранить спокойствие, когда хотят отнять исконную землю?

Землемер, бледный, с трясущимися губами, прибежал к земскому начальнику, который в это время садился пить вечерний чай.

Узнав о том, что происходит на лугах, Зверев, забыв про чай, побежал в волостное правление, к телефону... Он выгнал всех из правления, закрыл окна и двери и стал названивать губернатору в Казань.

Ночью Григорий Петрович, Василий Александрович, Егор и Пашай собрались, чтобы обсудить случившееся.

Что делать?.. Если земский начальник вызовет карательный отряд, многие попадут в беду. Но, с другой стороны, никак нельзя допустить, чтобы за хуторянами закрепили самые лучшие земли.

— Что бы мы ни решили, народ все равно по доброй воле элнетские луга не отдаст,—сказал Егор.—Сейчас на лугах такая заваруха, и народ настолько озлоблен, что стоит его только чуточку сдвинуть, как эта волна, хлынув в село, сметет и земского начальника, и Панкрата, и всех остальных.

— Эх,— с горячностью воскликнул Григорий Петрович,— сюда бы воз оружия, тогда можно было бы начать!

— Нет, Гриша,— сказал Василий Александрович,— в одном Аркамбале революцию не совершить. Хотя в России очень много крестьян, но, даже подняв их всех, царскую власть не прикончишь. Степан Разин и Пугачев завоевали большие пространства, но все равно с царизмом не справились. Царскую власть можно уничтожить только под руководством рабочего класса.

— У нас сейчас идет разговор не об уничтожении царской власти, а об элнетских лугах,— прервал его Григорий Петрович.— Что делать завтра? Уступить Панкрату луга или не уступать?

Василий Александрович ничего не успел ответить, на улице кто-то закричал во все горло:

— Пожа-а-р!

Тревожно забили колокола.

Василий Александрович, а за ним и все остальные выбежали на улицу. Над двором Панкрата поднимался дым...

Земский начальник позвонил в Казань:

— Бунт!

Через пять минут из Казани в Царевококшайск и Морки полетел приказ губернатора:

«Оказать помощь Аркамбалу!..»

После похорон матери Сакар вернулся в опустевший дом, посидел немного, потом снял со стены ружье и, не заперев дверей, пошел куда глаза глядят — через двор в огород, из огорода — на лесную дорогу и дальше напрямик, через густой ельник.

Лес между Кудашнуром и Элнетом Сакар знал, как свой огород, и всегда мог без дороги выйти, куда задумал. Но сейчас он не думал, откуда и куда он идет. Горе гнало его...

Вот из-под самых его ног вспорхнул рябчик, вот выскочил заяц, но Сакар их даже не заметил.

После пожара у Панкрата Ивановича прошло два дня. Становой с урядником рыскали, словно ищейки, но так и не смогли найти виновных.

На третий день в Аркамбал съехались стражники и

урядники со всего уезда и остановились в доме станового. На стекольный завод прибыло двадцать стражников из Морков.

Вся трава на элнетских лугах скошена, мужики ставят стога. Сена накосили много. На долю Яшая достался целый стог. Яшай рад-радехонек:

— Ну, Чачи, нынче наш меринок будет с кормом. А если и овес уродится, то можно будет и смолокурку нанять.

— Опять уголь жечь?

— А разве найдешь другую работу? Если бы не смолокурка, пришлось бы нам занимать хлеб.

Вдали послышался звон колокольчиков, и немного погодя к лугу подкатили на трех парах лошадей земский начальник, становой и землемер. Япар с дружками приехал на телеге, урядник — верхом.

Со всех лугов стал собираться народ.

Становой и земский начальник, покуривая, разговаривали между собой.

— А ведь охотничий сезон наступил, Константин Ильич. Когда соберемся на охоту?

— Надо как-нибудь, Матвей Николаевич.

Землемер снова приладил теодолит. (Егор так и не дал его сломать.) Япар взял вешку. Двое мужиков пошли, волоча за собой мерную ленту.

Среди косарей поднялся ропот. Один мужик, не сдержавшись, вырвал вешку у Япара из рук.

— Не дадим нарезать элнетские луга!

— Не дадим! Не дадим!

Зверев нахмурился. Становой погладил кобуру. Урядник, не слезая с седла, посмотрел в сторону леса.

— Миряне, разойдитесь, не мешайте работать землемеру! — крикнул земский начальник.

— Не отдадим луга Панкрату! — закричали в ответ.

— Чего вы хотите? — спросил земский.— Пусть скажет кто-нибудь один.

Вперед выступил Егор.

— Ваше высокородие, мы от вас ничего не хотим... Только закрепить луга за Панкратом не позволим.

— Вы ведь сами подписали приговор на выделение земли Панкрату Ивановичу.

— Приговор выдан на то, чтобы принять его в общество, а не на то, чтобы отдать ему элнетские луга.

Да и приговор Панкрат Иванович получил обманом, споил людей на сходе.

— Я не знаю, как он получил приговор, знаю только, что аркамбальское общество этот приговор подписало. А раз так, то при разделе общей земли он имеет право закрепить за собой свой пай.

— Пусть закрепляет в другом месте, а здесь не дадим! — крикнул Пашай.

— Не дадим! Не дадим! — закричали все в один голос.

Земский что-то сказал становому.

— Разойдись! — гаркнул становой.—Убирайтесь отсюда! Не мешайте!

— Пусть останутся только уполномоченные,— добавил Зверев.

— Сами убирайтесь!

— Не уйдем!

— Последний раз предупреждаю: разойдитесь! — снова рявкнул становой.

— Сами уходите!

— Мы не уйдем! Не уйдем!

Еще издали Сакар услышал крики. Он пошел на шум и вышел к запруде. Перебравшись через запруду на другой берег, он пошел на голоса.

С ружьем под мышкой Сакар подошел к гудящей толпе.

— Чего шумите? — спросил он у какого-то мужика.

Тот не успел ответить, как раздался крик:

— Стражники!

С дальнего конца луга подходили стражники с винтовками наперевес. Граненые штыки сверкали на солнце. Испуганные женщины принялись уговаривать мужей:

— Пойдем... Пусть делают, что хотят!..

Но уйти никто не успел, стражники загородили путь.

— Кто вас подстрекал на такое беззаконие? — прокричал Зверев.— Выдайте зачинщиков, а сами можете идти на работу.

— У нас нет зачинщиков!

— Нет! Нет!

Япар подошел к земскому и указал на Егора Пайметова:

— Вот этот подстрекал народ!

— Взять его!

Стражники схватили Егора. Пашай кинулся на выручку. Один из стражников ударил его прикладом, и Пашай ткнулся головой в землю.

Кто-то из задних рядов бросил камень, он пролетел над головой Зверева. Земский хрипло крикнул становому:

— Усмирите!

Становой отдал приказ открыть огонь. Прогремел залп.

Женщины, как безумные, с визгом заметались по берегу Элнета. Мужики кинулись в разные стороны: кто — в реку, кто — в кусты. Не убежали лишь Егор с Пашаем, и Сакар, который не мог взять в толк, что тут происходит.

Стражники окружили Сакара.

— Еще с ружьем пришел, сволочь!

Не взглянув на Егора и Сакара, земский сел в тарантас.

— Допросите их как следует! — сказал он становому. — Оставьте урядника охранять землемера. Раненого отправить в больницу.

Земский начальник уехал. Пятеро стражников повели Егора и Сакара в Аркамбал. Пашая уложили на телегу.

Землемер наладил теодолит, Япар взял вешку, два мужика снова потянули мерную ленту...

После полуночи к Григорию Петровичу и Василию Александровичу нагрянули с обыском.

У учителя не нашли ничего компрометирующего. Тетрадь со своими стихами ему удалось незаметно сунуть в стопку ученических тетрадей. А на них урядник не обратил внимания.

Обыск у Василия Александровича проводил становой. Ему удалось найти запрещенную книгу.

Становой тотчас же отправил Василия Александровича в Царевококшайск. Туда же повели и Сакара с Егором.

Вечером земский начальник вызвал к себе Григория Петровича.

Придя к Звереву, учитель застал у него станового. У Григория Петровича сжалось сердце.

На столе стоял кипящий самовар, бутылки коньяка и водки.

Как только Григорий Петрович вошел, появилась нарядно одетая Маша.

— Налей,— приказал Матвей Николаевич.

Маша налила три стакана чаю.

— Теперь иди, нужно будет, позову.

Бесшумно ступая, Маша вышла.

— Григорий Петрович, Константин Ильич, прошу к столу. Наливайте, Константин Ильич. Я выпью водки.— И Зверев налил себе большую рюмку.

Становой налил коньяка себе и Григорию Петровичу.

— Ну, будем здоровы! — Матвей Николаевич осушил свою рюмку и кивнул на вазу с конфетами: — Лимонные, очень хороши к коньяку. Берите масло, сахар, Константин Ильич, между первой и второй не задерживаются.

Становой снова наполнил рюмки.

— Матвей Николаевич, а вы?

— У меня большая, хватит и одной.

— Зато у нас градусов больше!

— Ну, чего там спорить, пейте. Пейте, Григорий Петрович, вы молодой.

Григорий Петрович не заставил упрашивать себя, но его не оставляла тревожная мысль: «Зачем он меня позвал?»

— Константин Ильич,— послышался голос земского,— налейте, выпьем еще по одной.

После третьей рюмки Григорий Петрович успокоился. Становой показался ему хорошим человеком, а про Матвея Николаевича и говорить нечего — прекрасный человек! А где же Тамара с Ольгой Павловной? Почему они не вышли к столу?

— Григорий Петрович,— начал Зверев,— вы знаете, что мы любим вас, как родного. Вы еще молоды, у вас жизнь впереди. Нам известно, что вы пошли по неправильному пути. Нам очень жаль вас, потому что вас обманули. Вы прекрасно понимаете, что мы могли бы немедленно вас арестовать и отправить в Царевококшайск. Но мы этого не сделаем... Константин Ильич, налейте-ка еще по одной.

Становой налил, и Матвей Николаевич продолжал:

— Скажите нам, кто, кроме лесника, состоит в ва-

шей группе, кто у него бывал? Ну, вы бывали, Кугунерова, Пайметов, Пашай... А еще кто?

— Больше никто не бывал.

— А из заводских?

— Я на завод не ездил.

— А Василий Александрович ездил?

— Не знаю.

— Константин Ильич, налейте еще.

— Матвей Николаевич.— Учитель встал.— Я больше пить не буду, у меня и так уже голова кружится.

— Сядьте, Григорий Петрович,— жестко сказал Зверев.— И выслушайте меня внимательно. Один раз я вам простил, в другой раз — не прощу. Революционера я не пожалею, будь он мне хоть родным сыном. У вас еще есть время выбрать. Подумайте: перед вами два пути. Или арест, тюрьма и Сибирь, или вы останетесь здесь и будете жить спокойно. Выбирайте. Если хотите остаться здесь, то дадите подписку, что будете сообщать нам все, что знаете или узнаете впредь об учителях соседних школ. И не станете никуда ездить, не известив нас, куда и с какой целью направляетесь.

— Я и так никуда не езжу. О других учителях мне ничего не известно.

— Напрасно не ездите, надо поддерживать знакомства. Теперь станете их навещать. Если нужны деньги на лошадей, мы дадим.

— Иными словами, вы предлагаете мне стать провокатором и доносчиком? Нет, этого никогда не будет!

— Вы, Григорий Петрович, меня не так поняли.— Голос земского снова зазвучал ласково.—Мы хотим сохранить вас для вашего народа. Вы мечтаете улучшить жизнь черемис. Если вы останетесь в школе, то сумеете приносить ему пользу. Даю вам десять минут на размышление. Константин Ильич, пойдемте в кабинет.

Григорий Петрович остался один. Он задумался, ему вспомнилось детство. Он ходил в школу в другое село, за два километра. В сильные морозы оставался ночевать в школе. Помогал сторожу носить дрова и топить печи. Учиться было трудно: русский учитель, хотя и понимал немного по-марийски, вел уроки только на русском. Григорий Петрович плохо знал русский, многого из прочитанного не понимал, поэтому заучивал наизусть.

На выпускных экзаменах присутствовал старик свя-

щенник. Ему очень понравился голос Григория Петровича. Старик определил мальчика в аринскую двухклассную школу и выхлопотал ему стипендию—три рубля в месяц. Если бы не эта стипендия, не учиться бы ему: отец — бедняк, где бы взял он рубль, чтобы заплатить за квартиру?..

Вдруг Григорий Петрович почувствовал на своем плече чью-то легкую руку. Он поднял голову — рядом с ним стояла Тамара.

— Гриша, милый мой, я тебя люблю! — Она обняла Григория Петровича.— Давай уедем в Петербург. Там у меня тетя... Ты поступишь в консерваторию... Станешь знаменитым музыкантом...

«Арест, тюрьма, Сибирь... — думал в это время Григорий Петрович.— За что же тюрьма? Почему Сибирь? Кому я причинил зло?»

— Гриша, ты меня не слушаешь? Что с тобой?

Григорий Петрович отстранил Тамару и встал:

— Тебе не понять..

Вернулся Зверев со становым. В руках станового пол-листа бумаги. Он положил бумагу на стол:

— Григорий Петрович, мы ждем вашего решения. Одно из двух: арест или подписка. Выбирайте, что вам больше нравится.

Григорий Петрович взглянул на станового, потом на земского начальника. Те смотрели на него, как сторожевые псы, и, казалось, каждую минуту готовы были наброситься на него, лишь ждали, в какую сторону он повернется...

Григорий Петрович перевел взгляд на Тамару. Она ответила ему умоляющим взглядом.

Учитель растерянно молчал. Потом взял ручку, обмакнул в чернильницу...

9

При столкновении аркамбальских мужиков со стражниками Чачи тоже была на лугу. Но в суматохе она не заметила Сакара.

На другой день она шла домой от колодца с полными ведрами и вдруг увидела Сакара. Он молча шагал рядом с Егором Пайметовым, их окружали стражники. Чачи даже не сразу поняла, что это Сакар.

— Прощай, Чачи! — крикнул он.

Чачи поставила ведра и побежала за арестованными.

— Сакар, Сакар! Куда тебя ведут?

— В Царевококшайск.

— Не разговаривать! — прикрикнул один стражник на Сакара и повернулся к Чачи:—Не подходить! С арестантом разговаривать не разрешается!

Но Чачи дошла за ними до околицы. За околицей она долго стояла и смотрела им вслед до тех пор, пока они не скрылись из виду. Потом она медленно, словно во сне, побрела домой.

Вечером Чачи не вышла на улицу. Всю ночь она не сомкнула глаз, думая о Сакаре, и лишь под утро немного задремала. Но тут скрипнула дверь, и в клеть вошла тетка Ведаси. Чачи подняла голову.

— Вставай, милая! — Ведаси подала Чачи лапти и онучи.

Чачи взглянула в раскрытые двери, во дворе она увидела незнакомого мужика. В клеть вошла мать. Сердце у Чачи тревожно забилось.

— Одевайся скорее, доченька,— сказала мать. Из висящей на перекладине одежды Чачи она выбрала все самое лучшее.

Чачи с детства привыкла вставать рано. Она поднялась, быстро оделась. «Что случилось, зачем пришли к нам эти чужие люди?» — думала она.

Ведаси не отходила от Чачи ни на шаг. Она стояла рядом с девушкой, пока та умылась под умывальником, потом взяла за руку и повела в избу.

Чачи заметила во дворе, под навесом, лошадь, запряженную в тарантас.

Ведаси ввела девушку в избу.

У Чачи подкосились ноги. В избе за столом сидел тот незнакомый мужик, которого она видела через открытую дверь, и ее отец. В божнице, перед иконами, горела свеча. В стороне от стола, на лавке, сидел Макар Чужган. Отец с незнакомым мужиком о чем-то оживленно разговаривали. По всему было видать, что они уже успели хлебнуть...

— Невеста оделась! — объявила Ведаси.

Все встали.

— Чачи, подойди ко мне, дочка,— ласково позвал Яшай.

Отец усадил ее рядом с собой, по другую сторону

Чачи сел незнакомый мужик. Мать и Ведаси тоже уселись за стол.

По одному, по двое в избу стали заходить соседи.

— Чачи, дочь моя,— торжественно начал Яшай,— нельзя девушке прожить всю жизнь в родительском доме с отцом-матерью... Так уж самим богом назначено, что наступает такой день, когда девушка должна покинуть родителей и соединить свою жизнь с таким же молодым мужчиной, чтобы жить своей семьей. И вот наступил твой день. Мы люди бедные, а тебе, видать, бог предназначил богатую жизнь. Приглянулась ты деду Осыпу из Лопнура, его жене и их сыну Макару. Полюбили они тебя. Правда, приданого за тобой мы дадим немного, зато у тебя золотые руки. Да и красотой и статью ты вышла. Будешь у деда Осыпа любимая сноха...

— Умру, а не пойду за Макара! — в ужасе воскликнула Чачи.

— Господи! Что ты говоришь, Чачи? Если в такой дом не хочешь идти, то чего тогда тебе надо? — удивилась Ведаси.— Да привали мне такое счастье, я бы и руками и ногами перекрестилась!

— Дом богат и хорош, да и жених неплох,—вставил сват.— Коли такой жених не нравится, то какого же тебе надо?

— За кого родители выдают, за того и надо идти,— ласково проговорил Яшай.— Мы тут с матерью и со сватом обо всем уже поговорили. Дед Осып так велел передать: «О приданом не беспокойтесь, если в доме есть деньги, то и одежда будет».

— Не пойду, отец, не принуждай!..

Чачи встала из-за стола и пошла к дверям. Но выйти из избы ей не дали. У дверей, на крыльце толпились люди. Во дворе и на улице тоже собрался народ. Весть о том, что сын лопнурского богача Осыпа Чужгана приехал сватать дочь Яшая, мгновенно разнеслась по деревне.

У дверей Чачи остановил Павыл Япар, Ведаси схватила ее за руку. Все принялись ее уговаривать.

У Чачи голова пошла кругом. Кто-то подсунул ей чарку с водкой. Как в полусне, ничего не соображая, она отхлебнула глоток. Чарка выпала у нее из рук, она зарыдала.

Слезы Чачи никого не тронули: невесте положено плакать.

Чарка с водкой пошла по избе из рук в руки. Начали пропивать Чачи всей деревней...

Свадьбу сыграли в четверг перед ильиным днем.

Свадьба была богатая, многолюдная — на пятнадцати телегах приехали... Как ни плакала Чачи, как ни старалась убежать, да не смогла: Ведаси караулила ее лучше, чем сам урядник.

Многие в деревне жалели Чачи.

— И зачем Яшай неволит дочь? — вздыхали одни.

— Захотел с богачом породниться. Ведь такого второго богача во всех трех волостях не найдешь,— отвечали другие.

— Жирно у собаки мясо, только никто его не ест,— говорили третьи.

А Яшай с женой и вправду радовались, что их дочь войдет в богатый дом.

Особенно была довольна Яшаиха. «Ну и глупая же Чачи, убивается из-за какого-то оборванца,— думала Яшаиха. — Да, видать, что богом суждено, того не миновать. Вон ведь как ко времени попался Сакар на элнетском лугу... Будь он на воле, наломал бы дров. Небось неспроста говорят про него, что это не человек, а настоящий леший».

А у Чачи свои думы. «Если бы не посадили Сакара в тюрьму, он бы спас меня,— думала Чачи,— как спас Нончык-богатырь ту девушку. Но Сакара нет рядом, и злой дракон унесет меня в свои владения...»

Накануне свадьбы в избе у тетки Ведаси пили прощальное вино. Печально и трогательно звучал ясный и чистый голос Чачи:

Крутясь-извиваясь, волна течет,
Берега размывая, течет.
Подмытый берег уносит вода,
И нам уходить, уходить навсегда.
У серого камня сердца нет,
Сердца нет — и печали нет.
У нас же — сердце,
У нас — печаль.
В доме чужом несладко житье.
Ой, горе мое! Ой, горе мое!

Дальше Чачи петь не смогла, ее душили рыдания, но она сдержалась. Заплакала какая-то девушка. У многих блеснули на глазах слезы.

Но вот Чачи пересилила себя и запела снова.

Отец мне чарку водки поднес,
А я пить не хочу, уходить не хочу,
От отца уходить никуда не хочу,
Из дома родного уходить не хочу.
Мать, улыбаясь, пива ковш поднесла,
А я пить не хочу, уходить не хочу,
Я от матушки нынче уходить не хочу.
Из дома родного уходить не хочу.
Пуховая нитка — мягкая нитка,
Потянешь — растянется пуховая нитка.
У матушки сердце — мягкое сердце,
Да может она лишь слезу пролить.
У батюшки сердце — мягкое сердце,
Да лишь лишнюю чарку выпить он может.
У брата сердце, камень — не сердце,
Когда я уйду, он ждет не дождется.
У невестки сердце, камень — не сердце,
Когда я уйду, она ждет не дождется.
Я ухожу, а село остается,
Я ухожу, а сосед остается,
Подружка любимая остается,
Ясный цветик, братишка меньшой остается.
В родимом дому
Мы как рожь в стогу.
А в чужом дому
Мы как сор в углу.

Чачи зарыдала. И многие в избе плакали.

— Не плачь, Чачи, не убивайся, — успокаивает ее Ведаси, сует ей в руку чарку с водкой, подает яйца в масле.— Не плачь, глядишь, даст бог счастья, все будет хорошо.

Глотая слезы, Чачи поет:

Если хмель растет — только хмель растет,
Земляника на грядке той не цветет.
Молодость пройдет — один раз пройдет,
Дважды жизнь под луною никто не живет.
Девичья жизнь — как весной цветы,
Да беда — мороз прихватил цветы.

В слезах вышла Чачи от Ведаси. В слезах пришла домой... Девушки проводили ее до ворот, наказали подружке присматривать за невестой,

Вся свадьба показалась Чачи каким-то страшным сном. Усадив в тарантас, ее везли через элнетский лес, вокруг шумели, пели гости. Вот обмотали ее голову шарпаном[1]. А в голове гудит... Потом ее поставили на колени перед столом. С одной стороны от нее опустилась на колени подружка, с другой—Макар. Женщина, которая одевала на невесту шарпан, начала оделять подарками сидящих за столом: кому рубаху, кому шарпан с нашмаком, кому платок... За столом сидело человек пятнадцать жениховой родни — сам старый Чужган, его жена, сыновья, снохи, дочери, зятья.

Чужганиха ради свадьбы любимого сынка крепко подвыпила. Она встала, склонила по-куриному голову набок и впилась глазами в Чачи. Видно, что-то померещилось ей с пьяных глаз, она зло закричала:

— Прочь! Прочь! Гоните прочь эту девку! Она не рада своему счастью! Не нужна мне такая!

У Чачи потемнело в глазах. Но она не обронила ни одной слезинки. Или уже выплакала все, или сердце окаменело?..

Чужганиху успокоили. Свадьба пошла своим чередом.

Перед заходом солнца молодых отвели в клеть. Закрывая дверь, савуш[2] пропел:

Один пуд, пять пудов,
Серебра семь пудов.
Нам петь и плясать,
Молодым до зорьки спать...

Макар накинул изнутри на дверь крючок. Теперь Чачи и Макар остались в клети вдвоем. Сердце у Чачи билось, как у перепуганного зайца... Макар снял пиджак. Чачи стояла посредине клети, не зная, что делать. Макар снял с нее сывын[3], повесил на перекладину. Потом обнял, потянул в угол, к железной, покрытой новым покрывалом, кровати... Чачи рванулась, Макар обхватил ее еще крепче:

— Ну, куда ты, глупая? Теперь ты моя жена. Теперь ты моя навсегда.

Макар прижал Чачи к себе. Чачи изо всех сил толкнула его. Макар отлетел в угол. Чачи прыгнула к две-

---

[1] Головной убор марийской замужней женщины.
[2] Дружка жениха.
[3] Свадебный наряд.

рям и, уже открыв дверь, оглянулась. Макар лежал неподвижно, как мертвый. Чачи подбежала к нему На его лице чернела кровь: падая, он ударился виском об угол сундука. Чачи с ужасом подумала: «Убила!»

Схватив вюргенчык, она выглянула из клети. Во дворе не было ни души, но она не решилась бежать через двор, выбралась в хлев, из хлева в огород, с огорода — на гумно и — мимо скирд к ржаному полю, а за полем — элнетская дорога. Чачи вышла на дорогу и побежала, то и дело оглядываясь назад.

10

Дав подписку земскому начальнику и становому приставу, Григорий Петрович потерял покой. В нем, ни на миг не замолкая, вели бесконечный спор два человека. Один оправдывал его поступок, другой жестоко осуждал его.

— Иначе нельзя было поступить. Ну, кому от этого польза, если бы тебя посадили в тюрьму? — говорил первый человек.— Ты остался в школе, ты имеешь возможность приносить пользу своему народу.

— Вот уж не думал, что ты способен на такую подлость,— говорил другой.— Что ни говори, гнусно ты поступил.

— Но в твоем поступке есть и положительная сторона,— продолжал первый.— Теперь становой и земский начальник будут тебе доверять. А зачем говорить им правду? Сочинишь что-нибудь поскладнее — и волки сыты, и овцы целы. Может быть, это даже к лучшему, что оказали «доверие» тебе: ведь они могли найти на твое место настоящего доносчика.

— А с какими глазами ты встретишь теперь Василия Александровича и Егора? Или надеешься, что больше с ними никогда не увидишься?

— Ты лишь защищался,— уверял первый.— Их забрали раньше, ты тут ни при чем.

— Все равно никогда не смыть тебе этого позора!..

Словно тяжелый камень лег на сердце Григория Петровича. Когда он выходил на улицу, то ему казалось, что встречные смотрят на него с презрением: «Эх ты! Предатель!», и что даже земский начальник стал относиться к нему по-иному. Даже Тамара!..

Дня через три-четыре после разговора со становым

Григорий Петрович пришел к Зверевым. Матвея Николаевича не было дома. Тамара с матерью на террасе пили чай.

Как только Григорий Петрович показался в дверях, Тамара встала из-за стола и ушла в свою комнату. Ольга Павловна налила ему чашку чаю и, извинившись, тоже ушла.

В другое время Григорий Петрович не придал бы этому никакого значения, но сейчас он с тоской подумал: «Им противно сидеть рядом со мной».

Правда, Тамара вскоре вернулась, но последующий разговор не рассеял подозрений Григория Петровича.

— Что ты сегодня такой скучный? — спросила Тамара.

— Я всегда такой,— ответил он.

Тамара замолчала. Немного погодя она сказала, глядя в сторону:

— Извини, Гриша, мне некогда. Завтра отец с мамой собираются ехать в Казань, мне надо собрать их в дорогу...

Григорий Петрович ушел, не допив чая.

Когда он уже подходил к школе, его нагнал стражник:

— Вас вызывает пристав.

Становой пристав провел Григория Петровича в свой кабинет.

— Григорий Петрович, ты знаешь Иванова?

— Знаком.

— Бываешь у него?

— Нет.

— Вот что, Григорий Петрович, напиши-ка для нас, что он за человек.

— Но я о нем почти ничего не знаю!

— Разузнай. На это я даю тебе неделю сроку. Сходи к нему сам или пригласи к себе. Если нужны деньги на расходы, пожалуйста, говори, не стесняйся.

Последние слова станового, словно кнут, хлестнули Григория Петровича по лицу. Он не в силах был ничего сказать и лишь отрицательно покачал головой.

— Раз не надо, значит, не надо. Сочтемся в другой раз,— согласился становой.— А теперь до свидания.

Григорий Петрович вышел от пристава. Все в голове у него мешалось. По пути он зашел в кабак, купил водки. Три дня пил, не протрезвляясь...

Уже за полночь. Но Григорий Петрович не спит. Перед ним на столе недопитая бутылка. Он сидит за столом, склонив голову.

Весна придет, и цветы расцветут,—
Ах, зачем расцветут, для кого расцветут?
Ах, зачем нужна, кому дорога́,
Наша жизнь проходит, кому дорога́?

Григорий Петрович налил в чашку водки и уставился на нее мутным взглядом.

— Пей, Григорий Петрович, пей!.. Теперь вся твоя радость в водке... Эх, Гриша, Гриша, конченый ты человек!..

Григорий Петрович тяжело облокотился на стол.

В дверь тихо постучали. Григорий Петрович приподнял голову. Стук повторился. Учитель поднялся, покачиваясь, подошел к двери, непослушными пальцами отбросил крючок. Дверь распахнулась, на пороге стояла Чачи.

От неожиданности Григорий Петрович попятился.

«Начинаются галлюцинации»,— подумал он.

— Григорий Петрович, спасите меня!

— Чачи, это ты? — не веря своим глазам, пробормотал Григорий Петрович.

— Я, я!

Заливаясь слезами, Чачи рассказала ему обо всем, что случилось.

— Ты хорошо рассмотрела? Может быть, он жив и только расшибся?

— Он не шевелился... и кровь...

— Кто-нибудь видел, что ты убежала? За тобой гнались?

— Гнались. На середине дороги нагнали, да я спряталась в орешнике, они не заметили, проскакали дальше. На паре лошадей гнались...

Григорий Петрович пристально поглядел на девушку, на ее распущенные волосы, спускавшиеся до пояса...

— Григорий Петрович, я домой не пойду... Они меня насильно замуж выдали... Спрячьте меня, пока не вернется Сакар...

У Григория Петровича хмель вылетел из головы. «Такая молоденькая, простая марийская девушка и не позволила надеть на себя кандалы,— думал Григорий Петрович,—а я—мужчина, интеллигент, сам поддался...»

Григорий Петрович взял со стола бутылку с недопитой водкой и выкинул ее за окно.

Умер Макар или жив, все равно теперь Чужганы не дадут Чачи житья: если он убит, Чачи упекут на каторгу, если же нет, то они прижмут ее отца — потребуют обратно выкуп, заставят возместить свадебные расходы — Яшай на всю жизнь попадет в кабалу...

Две бессонные ночи, бегство через жуткий ночной лес, страшное душевное напряжение — все это сейчас сказалось, Чачи оставили силы. Она едва не падала со стула.

Григорий Петрович подошел к девушке, погладил ее по голове.

— Приляг, Чачи, отдохни... Иди сюда.

Григорий Петрович провел девушку в свою комнату и уложил на постель. Чачи легла и сразу заснула...

Григорий Петрович запер дом и вышел на улицу.

Идя по полю к деревне, Григорий Петрович немного пришел в себя. «Прежде всего надо узнать, что с Макаром»,— решил он и свернул на тропинку, ведущую к дому Яшая.

Самого Яшая дома не оказалось, его увел с собой брат Макара Александр на поиски Чачи.

— От зависти, от зависти кто-то сглазил Чачи,— всхлипывая, жаловалась Яшаиха.— От зависти кто-то отвел ее сердце от Макара.

— А Макар приезжал сюда? — спросил Григорий Петрович.

— Макар-то не приезжал, говорят, он голову разбил... Ой, боже, боже мой, кто ж мог подумать, что Чачи так сделает!..

«Значит, Макар жив! Самого страшного не произошло. Ну, а все остальное как-нибудь уладим»,— подумал Григорий Петрович, и ему стало легче, словно с плеч свалился тяжелый камень.

Григорий Петрович вернулся домой, когда часы в его комнате пробили одиннадцать. Он тихо отпер дверь, осторожно заглянул в спальню.

Чачи еще спала. Нежным румянцем розовели щеки. Волосы разметались по подушке. «Как она красива!» — подумал Григорий Петрович и сделал несколько шагов к кровати. Чачи открыла глаза и улыбнулась. Но вдруг

в глазах ее промелькнул испуг, как будто она что-то увидела за спиной Григория Петровича.

Григорий Петрович обернулся: в дверях спальни стояла Тамара.

— Та-ак, Григорий Петрович... Вот вы какой, оказывается. Я и не подозревала. Вот какова ваша любовь.

Тамара резко повернулась и пошла к выходу.

— Тамара, послушай!

— Замолчите! Я ничего не хочу слышать! Я больше верю своим глазам... Ах, какой же ты подлец!

— Тамара!.. Послушай!.. У нее несчастье...

— Видимо, от горя она так улыбалась тебе? Ах, подлец, подлец! Я из-за тебя отказала князю Махтиарову, а ты положил в свою постель какую-то грязную черемисскую девку!

Тамара схватилась за голову и выбежала...

Григорий Петрович прислонился к косяку. Что это— сон или явь?

Из спальни показалась Чачи, она дрожала от страха.

— Григорий Петрович, она выдаст меня!

Григорий Петрович очнулся, посмотрел на Чачи, потер лоб ладонью и тихо сказал:

— Не бойся.

1936 г. Йошкар-Ола

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Чачи не поверила Григорию Петровичу. Если ей нечего бояться, тогда почему же он сам так взволнован и бледен? Чачи заплакала. Она еще многого не знала в жизни, но что за убийство ссылают в Сибирь, на каторгу — это она знала.

«Я убила человека! Теперь для меня все кончено,— думала Чачи.— Теперь не спастись от беды».

Григорий Петрович взял себя в руки и сказал как только мог спокойнее и ласковее:

— Не бойся, Чачи, Макар жив. Александр Чужган приезжал к твоему отцу и сказал, что Макар только расшибся. Пока ты спала, я ходил к вам домой.

Чачи облегченно вздохнула. Но тут же подумала: «Макар жив, он не отступится от меня. Нет, нет! Лучше умереть, чем возвратиться к нему!» И на душе у девушки стало тяжелее прежнего.

— Григорий Петрович, я умру, а к Макару не вернусь!

— Успокойся, Чачи. Думаю, что тебе не придется к нему возвращаться. Конечно, если бы все зависело только от Макара, он бы постарался вернуть тебя. Но Чужганиха ни за что на это не согласится. По их понятиям, ты их опозорила... А теперь хватит об этом: приедет твой отец, тогда все узнаем. Как говорят русские, утро вечера мудренее...

— Куда он уехал?

— Разве я тебе не сказал? Они с Александром Чужганом поехали тебя разыскивать.

— А мама что?

— Тоже горюет, только по-своему: говорит, что кто-то сглазил тебя, отвел твое сердце от Макара. Ну, ладно, ведь мы с тобой сегодня еще не обедали, а времени уже много. Сейчас поставим самовар, сварим яиц.

— А вода есть? Где ведра?

— Я сам схожу по воду. Пока незачем людям знать, что ты здесь.

Последние дни Григорий Петрович очень страдал, но рядом с ним не было никого, с кем бы он мог поговорить откровенно, кому бы он мог излить душу. Поэтому теперь он не удержался и за чаем начал рассказывать Чачи про свою жизнь и про то, что его мучит теперь.

Чачи, хоть и была простой деревенской девушкой, прониклась к нему сочувствием. С нею самой случилось большое несчастье, а людям, попавшим в беду, легко понять друг друга. Правда, Чачи понимала не все из того, что говорил Григорий Петрович, но внимательно слушала его.

Григорий Петрович рассказывал, словно листал книгу своей жизни. И с каждой новой страницей этой книги Чачи все сильнее тянулась душой к Григорию Петровичу. Вот он дошел до последней страницы, и, забыв про собственные невзгоды, Чачи почувствовала к нему такую глубокую жалость, которая, бывает, становится началом более нежного чувства...

Стенные часы пробили четыре раза.

— Теперь я, пожалуй, прилягу, ненадолго, что-то ко сну клонит,— сказал Григорий Петрович.— Разбуди меня часа через два. А ты посмотри картинки вот в этой книжке или еще как-нибудь скоротай время.

Григорий Петрович дал Чачи большую книгу в толстом переплете, а сам пошел в спальню, повалился на кровать и сразу заснул. Он чувствовал себя совсем больным, так как уже несколько ночей почти не спал.

Оставшись одна, Чачи убрала со стола, вымыла посуду, подмела в комнате. Потом взяла книгу.

Каких только картинок не было в этой книге! Больше всего Чачи понравились картинки, изображавшие разных зверей и птиц. Вот сумели нарисовать — как живые! И что-то написано, наверное, что-нибудь очень интересное... Но Чачи не умела читать.

Чачи закрыла книгу и села возле окна. В окно ей видно ржаное поле. Рожь поспела. Поле колышется, будто ходят по нему волны. Посреди этого желтого моря, темнея то тут, то там, видны сжатые полоски. На поле, как муравьи, копошатся люди. В эту пору и стар и млад — и мужчины и женщины — все в поле. Жнецы, наклонившись, захватывают рожь в горсть, срезают и, набрав сноп, кладут его в ряд, поддерживая колосья серпом. По густой ржи срежешь две-три горсти—и сноп готов. Такую густую рожь Чачи приходилось жать, когда она нанималась работать к богачам. На полосках бедняков густая рожь не родится, там даже васильки не цветут, а зеленеет лишь один полевой хвощ...

Солнце понемногу закатилось за гору. По тропинкам, проложенным среди ржи, женщины потянулись с поля в деревню. Они спешат, чтобы успеть приготовить ужин, загнать во двор скотину. Раньше и Чачи приходила с поля пораньше, чтобы управиться по хозяйству. «Ты молодая,— говорила мать,— ноги у тебя резвые, иди-ка, а я пока еще несколько снопов сожну». Как-то теперь будет мать справляться в страду одна? Пошла ли она сегодня с Япушем жать? Не приключись с Чачи такой беды, она бы тоже сейчас была на полосе... «Боже, боже, за что ты послал мне такую судьбу? Зачем я только родилась на свет?!»

Догорел закат, пастух давно пригнал стадо в деревню, все жнецы уже возвратились с поля, а Чачи все сидела у окна.

Сгустились сумерки. Смолкли на улице голоса. Деревня заснула. И только далеко, на горе, кто-то наигрывал на свирели грустную мелодию. Эта мелодия наполняла сердце какой-то необъяснимой тоской. У Чачи из глаз потекли слезы...

В соседней комнате, кашлянув, глубоко вздохнул Григорий Петрович, скрипнула кровать, и снова все стихло. Чачи посмотрела в глубину комнаты. Темно. Тихо... Лишь стенные часы покачивают своим длинным маятником и словно приговаривают: «Иди сюда, иди сюда». Тягостное чувство страха, какое испытывает человек в ночной тишине большого чужого дома, охватило Чачи. Наверное, сама тишина вселяет в сердце страх: так и кажется, что в каждом углу, в каждой щели кто-то тебя подстерегает...

Чачи встала.

«Почему так долго спит Григорий Петрович? Зажечь бы лампу... Где у него лежат спички?»

Она приоткрыла дверь в кухню. Там было еще темнее, еще страшнее.

Чачи попятилась, закрыла дверь и вошла в спальню.

— Григорий Петрович,—тронула она его за плечи,— вставайте...

— А? Что? — спросонок спросил он.— Зачем вставать?

— Григорий Петрович, я боюсь...

— Чего же ты боишься, Чачи?

Григорий Петрович в темноте коснулся руки Чачи. Рука была мягкая, горячая... Словно электрический ток пробежал по его телу... Он притянул Чачи к себе, крепко обнял и поцеловал в губы.

У Чачи перед глазами поплыли голубые и розовые круги, сердце тревожно и радостно замерло, ее охватила какая-то сладкая истома.

Чачи забыла и свое горе, и мать с отцом, и Макара Чужгана, и любимого своего Сакара — все забыла и обвила рукой шею Григория Петровича...

2

Александр Чужган с Яшаем объездили все окрестные дороги, останавливали и расспрашивали каждого встречного, заехали на стекольный завод — Чачи нигде не было, она словно сквозь землю провалилась.

«С горя да с испугу кабы не сотворила чего над собой. Один бог знает, что взбредет девке в голову...» — в страхе думает Яшай, и по его спине пробегает озноб. Теперь он кается, ругает себя, что выдал дочь замуж за Чужгана.

Когда-то бабка рассказывала ему одну историю, которую слышала от знакомого рыбака.

Этот рыбак жил в Аркамбале. Рыбачил он на Элнете зимой и летом и однажды, расставляя морды, задержался на реке допоздна. Наступила ночь. Ночь летом короткая, теплая. Рыбак не стал разводить костра и улегся спать под черемухой. Успел ли он заснуть, нет ли — только вдруг слышит свадебную песню. Немного погодя с элнетской горы спускается к реке большой свадебный поезд. В кибитке сидит девушка-красавица.

Остановилась свадьба на мосту. Девушка вышла из кибитки и запела:

Ветер веет над землею,
Шевелит в лесу листвою.
Средь лугов Элнет течет,
Извивается — течет.

Нынче белые цветы,
Не успев расцвесть, повянут.
Молодая моя жизнь
Раньше срока оборвется...

Пропела девушка песню и бросилась с моста в Элнет. Как только сомкнулась над нею вода, вдали пропел петух лесника — была ровно полночь. И сразу же исчез весь свадебный поезд...

Этому рассказу рыбака бабка всегда давала свое объяснение:

— Давным-давно один шайринский мариец насильно выдал свою дочь замуж в Тумеръял, за Элнет. Но когда свадьба ехала через реку, девушка прыгнула в омут. Превратилась она в русалку и теперь каждый год в день своей свадьбы выходит по ночам из воды и поет эту песню...

«Как бы Чачи так не сделала, упаси бог!» — думает Яшай.

Александр Чужган и Яшай вернулись в Лопнур лишь к вечеру. Не успели они закрыть за собой ворота, как откуда-то появилась Чужганиха и накинулась на Яшая:

— Крысы голые! Нет у вас стыда! Как у тебя хватило совести сюда явиться! Мало того, что твоя дочь нас опозорила, так еще ты приперся! Убирайся отсюда, видеть не могу твою харю! Нечего сказать, хорошую вырастил дочку: мужа изувечила и сама убежала! Ой, боже, боже, я и не слыхала про таких распутниц...

— Ты, сваха, сначала выслушай, а уж потом ругайся. Я свою дочь ничему плохому не учил. Я сейчас другого боюсь: как бы она чего-нибудь над собой не сделала.

— Да пропади она пропадом! Пусть твою дочь бог накажет, пусть земля ее возьмет!

Услышав такие слова, Яшай, уж на что был смирный мужик, не стерпел, закричал не помня себя:

— От меня моя дочь никогда не пряталась! Я ее по-человечески, как подобает, проводил со двора вместе с твоим сыном. За мной нет никакой вины. А если ваша сноха сбежала от вас, так в этом вы сами виноваты.

— Сноха, говоришь? Не сноха нам твоя дочь! Я ее теперь и на порог не пущу!

— Ну что ж, коли так, отдавайте ее сундук. Пусть она дома живет.

Старик Чужган, который до сих пор безмолвно стоял в стороне, вмешался в разговор:

— Ни одной тряпки не отдам, еще с тебя взыщу... Все ваше барахло не стоит того, что мы потратили на свадьбу.

Эти слова еще больше раззадорили Яшая:

Вы, вы виноваты! Из-за вас пропала Чачи!

А Чужганиха разошлась пуще прежнего:

— И сам ты жулик! И дочь твоя бесстыжая! У вас там, за Элнетом, ни одного хорошего человека нет!

Дальше Яшай слушать не стал. Махнув рукой, он вышел с Чужганова двора и по тропинке пошел в Кудашнур, к деду Левентею.

Узнав, какой оборот приняло дело, Левентей и его жена встревожились.

— Как же так? Ведь Чачи всегда была такой разумной девушкой! — сказал дед Левентей.

— Долго ли чему-нибудь случиться,— сокрушалась Левентеиха.— Вон и с Сакаром беда стряслась... Боже, боже, вот несчастье-то...

Когда дед Левентей узнал, что Сакара забрали, он сначала подумал, что, наверное, парень убил лося и попался лесникам. Но потом по деревне поползли иные слухи, и дед Левентей растревожился не на шутку. Только теперь от Яшая он узнал, как было дело. Дед Левентей решил завтра же идти в Аркамбал к земскому начальнику и велел жене приготовить чистую пару белья.

Наутро, ни свет ни заря, дед Левентей и Яшай перелезли через плетень, вышли на элнетскую дорогу и зашагали по лесу. Еще жнецы не вышли в поле, а старики уже были в Аркамбале.

Прежде всего зашли к Яшаю. Яшаиха обматывала тряпкой серп, она собиралась в поле. Когда она увидела мужа и деда Левентея, одних, без Чачи, у нее затряслись руки и ноги.

— Чачи не вернулась? — спросил Яшай.

— Нет,— еле слышно прошептала Яшаиха. Из ее рук выпал серп и глухо ударился об пол.

Яшай, не говоря ни слова, опустился на лавку.

Япуш посмотрел на отца, на мать, поднял серп, положил на лавку у порога.

Дед Левентей не знал, что и делать, то ли оставаться, то ли уйти. Потоптавшись в нерешительности, сказал:

— Схожу к земскому начальнику, что ли...

— Земский начальник с дочкой уехали в Казань. Дедушка Филипп повез их на паре,— сказал Япуш.

Дед Левентей вздохнул и присел на лавку возле двери. Трое взрослых и подросток безмолвно сидели в избушке.

Дед Левентей думал про Сакара: «Хотел усыновить парня, так вот нá тебе — ни за что ни про что забрали его...»

«Кому моя Чачи сделала чего плохого? За что ей такая мýка? — думала Яшаиха.— Где-то она сейчас? Надо сходить поворожить...»

«Сам виноват,— упрекал себя Яшай,—польстился на богатство...»

Яшай поднялся и сказал:

— Придется заявить становому.

Открылась дверь, в избу вошла Чачи. Все уставились на нее, не веря своим глазам. Вернись из могилы мертвец, Яшай с Яшаихой, наверное, не были бы так поражены, как поразились они возвращению Чачи. Лишь Япуш, не раздумывая, подбежал к сестре и повис у нее на шее.

— Сестра!

Яшаиха опомнилась, подошла и обняла дочь:

— Доченька моя! Что с тобой случилось?

Но Чачи смотрела на отца. Какие вести он принес? Что он скажет? Сумеет ли ее понять?

— Отец, хоть убей меня сейчас на этом месте, но за Макара Чужгана я не пойду!

Яшай не выдержал и заплакал. Глядя на дочь и утирая слезы, он сказал:

— Не бойся, дочка. Бог сохранил тебя от лихих злодеев. Я тебя никогда не отдам в их дом. Ведь Чужганиха — зверь, не человек.

— Злее ее в трех волостях не сыщешь,— добавил дед Левентей. — Ну, ты, дочка, спаслась, как бы теперь спасти Сакара?

Услышав это имя, Чачи вспыхнула и, не сказав ни слова, вышла из избы...

3

В это утро Григорий Петрович проснулся поздно. В голове шумело, словно после похмелья. То, что случилось ночью, казалось ему сном. Правда ли, что все так и было? Видно, правда: рядом с ним, спокойно дыша, спала Чачи. Румянец на ее лице, казалось, стал еще ярче. Длинные ресницы, алебастровой белизны лоб. Как могла такая девушка родиться в бедной марийской семье? Любуясь Чачи, Григорий Петрович терзался раскаяньем.

«Как же это я! Как не смог сдержать себя?! Теперь, конечно, следует обвенчаться»,— думал он.

Немного полежав, он встал. Чачи не просыпалась. Григорий Петрович подумал о Тамаре, сердце защемило, словно его сдавили клещами. Да, Тамара очень обидела его, такая обида никогда не забывается!.. От Тамары мысли Григория Петровича перешли к ее отцу. И чем больше думал он о земском начальнике, тем больше удивлялся, зачем, для чего он ходил туда? Ведь надо было предвидеть, что родовитый помещик и сын бедного марийца не могут иметь ничего общего. Ведь и прежде слышал Григорий Петрович, как аркамбальские мужики говорили о Звереве: «Будто и не человек наш земский, совсем не жалеет народ...»

Еще в 1906 году произошел случай, который в Аркамбале помнят и сейчас.

В 1905 году случился неурожай. А что уродилось, было заражено спорыньей, или, как еще называют, рожками. Когда цветет рожь, в пестики попадают споры грибка. Растут зерна, растет и грибок, и в конце концов покрывает все зерно. Пораженное грибком зерно изгибается наподобие бараньего рога, отсюда и название.

В хорошие годы спорыньей поражаются только редкие зерна, и тогда марийцы говорят:

— Нынче будем с хлебом — на полях мало рожков...

В 1905 году чуть ли не в каждом колосе ржи было больше половины больных зерен. Мука из зараженного зерна ядовита. От испеченного из такой муки хлеба, особенно от теплого, у человека сводит суставы.

Шерьяльские марийцы прожили осень и зиму, питаясь яровым хлебом и всем, чем придется, к весне

1906 года у них осталась лишь зараженная спорыньей рожь. Делать нечего, принялись и за нее. Люди начали болеть. Измученные голодом и болезнью, бедняки сорвали замки с дверей общинного склада, где хранился запас ржи, и распределили ее между собой. Прежде они не раз ходили к земскому начальнику, просили дозволить поделить хлеб, но он не давал разрешения. То, что они самовольно раздали хлеб, земский начальник посчитал бунтом и послал в Шеръялы волостного старшину с тем, чтобы арестовать зачинщиков. Как ни рыскал, как ни старался старшина, но так и не нашел зачинщиков. Да и кого искать? Кто зачинщик? Зачинщик — голод! А земский начальник не желает этого понять...

— Никого не выдадим! Что нам умирать с голоду, когда на складе полно хлеба?— выкрикнул Каври.

Каври, или, как его величают по-русски, Гаврил Печников, недавно вернулся с действительной службы. Служил он на Балтийском флоте. Его знают все в округе. Хорошо известен он и аркамбальскому становому приставу.

Каври был хорошим печником, еще до армии занимался этим ремеслом. А еще он был мастер играть на гуслях. Прошлой зимой он чинил печь у Панкрата Ивановича, и лавочник поставил ему полбутылки водки. Каври выпил и, как говорится, лишь раздразнил себя. А пропить заработанные за починку деньги пожалел. Взял он свои гусли, пришел к становому и говорит:

— Разрешите сыграть вам на гуслях.

Становой пристав посмотрел на Каври исподлобья и буркнул:

— Иди, ты пьян...

Каври повернулся и пошел, наигрывая «Марсельезу». Не успел он отойти от дома станового, как его нагнали стражники, схватили и заперли в холодную. До утра Каври там померз, а утром становой вызвал его к себе и принялся ругать:

— Ишь что выдумал, мерзавец! Я тебя в Архангельскую губернию сошлю!

— За это только спасибо скажу,— ответил Каври.— Я бы сам поехал, да денег нет. А тут бесплатно повезут.

Становой не нашелся что ответить и заорал что есть мочи:

— Убирайся к черту! Если еще раз в чем-либо замечу, берегись!

После этого случая известность Каври еще больше возросла. Когда он вступил в пререкания с волостным старшиной, шеръяльские мужики поддержали его.

— Никого не выдадим! Не хотим помирать с голоду!

В это время раздался звон колокольчиков.

— Не бойтесь, стойте все, как один!— посоветовал Каври.

На тройке подъехали земский начальник со становым приставом, следом скакали урядники и стражники.

Земский начальник и становой пристав вылезли из тарантаса, урядники и стражники окружили толпу.

Земский, усмехнувшись, посмотрел на людей:

— Ну, я думаю, мне-то вы скажете, кто у вас зачинщик?

Люди стояли молча.

— Чего молчите?!— рассвирепел Зверев. Случайно его взгляд упал на седую бороду деда Метрия. Зверев повернулся к деду.— Ну, если молодые упрямятся, скажи ты. Мы ведь с тобой старики, и нам грешно скрывать супротивников государя.

— Я что... я, барин, ничего... Вот тебе Семен калякает. Он тебе знакомый.— Дед Метрий показал рукой на Семена Вайдиева.

Охотника Семена Вайдиева земский начальник знал хорошо. Распутать ли заячьи скидки, поставить ли капкан на лису, вырыть ли волчью яму, отыскать ли медвежью берлогу — все это вряд ли кто сделает лучше, чем Семен. Поэтому земский начальник всегда брал его с собой, когда отправлялся на охоту. И Семен уважал Матвея Николаевича. В лесу Матвей Николаевич не начальник, не барин, а такой же охотник, как и Семен: смеется, разговаривает, шутит, пьет чай вместе с ним, наливает ему вино из своей фляжки, угощает котлетами. Словом, очень хороший человек.

Шеръяльские марийцы знали о дружбе Семена с барином, поэтому они с надеждой смотрели на Семена.

— Семен, ты ему все объясни,— сказал дед Метрий, проведя морщинистой ладонью по своей седой

бороде.— Мы не ради злодейства, не из озорства на это пошли, сам знаешь, сколько хлеба уродилось в прошлом году. Да и тот, что уродился, для еды негодный...

— Еще бы не знать, у самого отец от такого хлеба умер.

— А моя жена до сих пор не может разогнуть пальцев,— сказал один мужик.

— Скажи, Семен, все, как есть, скажи. Скажи, что помираем с голоду.— Мужики вытолкнули Семена вперед.

Очутившись перед земским начальником, Семен растерялся и не знал, как начать разговор. А Матвей Николаевич так и сверлил его глазами.

То, что мужики вытолкнули Семена вперед, Зверев понял по-своему:

— Значит, ты, Семен Фадеич, зачинщик? Вот не ожидал. От кого же ты научился такому скверному делу?

— Я... барин... мы... зачинщик у нас нету... Сам, барин, знаешь... Хлеба нет... кочкать[1] нельзя...

Семен обернулся назад. Толпа притихла, стояла безмолвно. Только Каври высоко поднял голову. Его взгляд словно говорил Семену: не бойся!

Горящий взгляд Каври увидел не только Семен, заметил его и земский начальник.

— А вот этот у вас кто такой?— спросил он.

— Уволенный в запас, матрос Балтийского флота Гаврил Печников!— отрапортовал сам Каври.

Становой пристав что-то тихо сказал земскому начальнику.

— Значит, ты здесь учишь народ бунтовать?— закричал Зверев.

— Никак нет, не я!— отчеканил Каври.— Это голод учит.

— Господин пристав, заберите этого матроса!

— Урядник, взять!— рявкнул становой.

Урядники и стражники обнажили шашки.

— Барин... барин... не он зачинщик,— закричал Семен.— Наше хлеп нет... умираем...

— А, ты вздумал защищать его? Значит, ты с ним заодно? Господин пристав, взять и этого мерзавца! Остальных разогнать, а там разберемся.

---

[1] Есть (искаженное марийское слово).

Земский начальник сел в тарантас. Семена и Каври повели двое стражников в Аркамбал, остальные урядники и стражники принялись разгонять толпу плетьми и пинками.

За этот «бунт» многих шеръяльских марийцев волостной суд приговорил к наказанию розгами. Семен полгода просидел в царевококшайской тюрьме. Каври сослали в Сибирь...

...Два человека в Аркамбале — доктор и становой пристав — живут с женами невенчанные, в гражданском браке. Жена доктора — частая гостья у Зверевых; приставша однажды явилась с визитом, но встретила холодный прием и на второй визит не решилась. Сам Зверев иногда заходит к доктору, в доме пристава не бывает.

Вспомнив про пристава, Григорий Петрович вздрогнул: завтра кончается срок, данный ему становым. Что делать? Как быть? Да-а, попал ты, Григорий Петрович, в беду. Конечно, самое разумное сейчас—скрыться, уехать в какой-нибудь большой город. Но этого сделать нельзя, теперь на тебе ответственность за судьбу Чачи.

«А что тут особенного — бросить и уехать, не ты один так поступаешь»,— промелькнула было гнусная мысль, но Григорий Петрович тотчас же прогнал ее: нет, нет, он не может так поступить!

В это время Чачи проснулась и позвала его.

Он вышел в спальню. Чачи преданно и нежно смотрела на него, он не удержался и бросился ее целовать. Чачи зарделась, как мак.

— Хватит, Григорий Петрович, пусти...

— Чачи, теперь ты моя жена. Никому на свете я тебя не отдам! Садись и слушай. Нам с тобой и так было бы хорошо, но по закону мы должны обвенчаться. Сейчас иди домой, наверное, отец уже вернулся. Я приду к вам немного погодя.

Чачи ушла, а Григорий Петрович снова погрузился в воспоминания и мысленно прошел весь свой жизненный путь вплоть до сегодняшнего дня...

Окончив двухлетнюю аринскую школу, он решил поступить учиться в Казанскую учительскую семинарию. Отцу и матери не верилось, что его примут.

— Небось и без него народу туда наедет немало,— с сомнением говорил отец.—Ну, ничего, пусть съездит, хоть город увидит.

И верно, в тот год в семинарию приехали поступать больше трехсот мальчиков: из Казанской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерний, из Сибири, Средней Азии и с Кавказа, русские, якуты, калмыки, киргизы, башкиры, чуваши, удмурты, мордвины, грузины. Даже из далекого Уссурийского края привезли пятерых корейцев. Марийцев было семнадцать человек.

Из всех приехавших учиться приняли в семинарию лишь тридцать два мальчика. Трое из них были марийцы.

Ровно неделю шли экзамены. Учителя семинарии установили такой порядок: кто сдавал экзамены на отметку ниже тройки, тот к следующим экзаменам не допускался, и ему сразу же возвращали документы. К последнему экзамену осталось сорок пять ребят. Ни у одного из них не было троек, у всех были только четверки и пятерки.

Григорий Петрович шел вровень с одним мальчуганом из Царевококшайского уезда. У них обоих были совершенно одинаковые отметки, можно было бы подумать, что они списывают работы друг у друга. Но они ни разу за все экзамены не сидели рядом, лишь на последнем их посадили за одну парту. Решался вопрос, кого из них примут. На этом экзамене нужно было по-русски написать сочинение: «Как я приехал в Казань». За это сочинение Григорий Петрович получил четыре, а царевококшайский — двойку. Григорий Петрович стал семинаристом.

Григорий Петрович поступил в семинарию во время разгула реакции. В Казанской семинарии тогда хозяйничал известный Богданов. Формально директором семинарии считался Воскресенский, но Богданов, хотя был лишь помощником директора, заправлял всеми делами. Он старался превратить семинарию в казарму со строгим военным режимом.

Казанская учительская инородческая семинария была открыта благодаря стараниям и хлопотам Николая Ивановича Ильминского. Он же стал ее первым директором. Ильминский стремился «просветить» инородцев христианской верой и русифицировать их, но он прекрасно понимал, что любой народ можно че-

му-нибудь научить только в том случае, если вести преподавание на его родном языке.

Поэтому в семинарии готовили учителей, которые могли бы переводить на свой родной язык церковные книги, Жития святых и в инородческих школах обучать детей на их родном языке.

Хотя головы семинаристов изрядно забивали религиозной премудростью, они все же получали от ученья немалую пользу: они первыми среди своего народа научились читать и писать на родном языке.

После 1905 года начали выходить календари на чувашском, марийском, удмуртском и мордовском языках. Первый марийский календарь вышел в 1907 году. Конечно, если его сравнить с русским календарем того же времени, то он и на календарь-то не похож. Правда, там, как и положено, указывались даты православных праздников, отмечались дни рождения членов царской семьи, а на обложке был царский портрет.

Кстати, с этим портретом произошел интересный случай. Бумага для обложки календаря попалась тонкая и не очень прочная. А на обороте обложки была напечатана таблица со сведениями о времени восхода и захода солнца и долготы дня. Жирные линии, отделяющие месяц от месяца, проникли на лицевую сторону, поэтому получилось, что царь как бы сидит за решеткой. И цензор этого как-то не заметил, хотя вообще относился к календарю очень придирчиво.

В календаре 1907 года многие страницы замазаны черной тушью. Это цензор заставил вымарать страницы, где говорилось о революционном движении.

В календарях, выпущенных в 1908, 1909, 1910 годах, были напечатаны марийские стихи, песни и сказки. В 1911 году марийский календарь выпустила переводческая комиссия при учебном округе. Но в этом календаре не нашлось места для марийских поэтов, только что начинавших пробовать сочинять стихи на марийском языке. Зато много места уделялось описанию разных монастырей и церквей.

В это время семинарское начальство стало жестче проводить политику русификации. Бобровников, сменивший Ильминского на посту директора, а потом и Воскресенский сначала как будто придерживались политики Ильминского. Но в эпоху разгула реакции Воскресенский целиком попал под влияние Богданова.

Притеснения Богданова не сломили семинаристов, а лишь озлобили их. Вскоре ретивый помощник директора сам стал бояться семинаристов, даже перестал ходить по вечерам в семинарию. 29 сентября 1909 года в семинарии произошел самый настоящий бунт.

Вечером, после ужина, семинаристы гурьбой высыпали из столовой, с пеньем «Марсельезы» и с криками: «Долой Богданова!» — поднялись в классы. Потом, разломав в уборной печь, вышли во двор с кирпичами в руках и принялись бить стекла в преподавательском корпусе.

Воспользовавшись случаем, Богданов вызвал полицию. При обыске была найдена целая библиотечка — около восьмидесяти различных революционных брошюр и книг. Семерых учащихся полиция арестовала, около тридцати было исключено из семинарии с волчьими билетами. С остальных взяли подписку: каждый семинарист обязался не нарушать семинарских порядков и беспрекословно подчиняться воле начальства. Григорий Петрович тогда чудом удержался в семинарии.

После этих событий Богданова из семинарии перевели директором народной школы в Симбирскую губернию.

В такое бурное время Григорий Петрович окончил семинарию.

Он спокойно учительствовал уже два года, и вот надо же было снова попасть в беду... А впрочем, будь что будет, под лежачий камень и вода не течет! Григорий Петрович надел картуз, запер школу и пошел к попу.

Старик поп внимательно выслушал его, похвалил за намерение обзавестись семьей, но, в конце концов, сказал:

— Яшай Никифоров не в моем приходе. Мы с отцом Сидором поделили Аркамбал, одна половина моя, другая — его. Так что тебе с отцом Сидором надо поговорить.

Григорий Петрович пошел к отцу Сидору.

Тот тоже внимательно его выслушал, кивая головой, то и дело повторяя: «Та-ак», «та-ак». Григорий Петрович совсем уж было решил, что дело сделано, как вдруг отец Сидор сказал:

— Я ей дал уже одну выписку из метрики, другой

не дам. Обвенчать вас тоже не могу, она уже обвенчана.

— Нет, батюшка, она не венчалась.

— Венчалась, не венчалась — этого я не знаю, а знаю, что давал ей выписку из метрики для священника Аринского прихода. Если он напишет справку, что не венчалась, тогда другое дело.

— Я принесу такую справку.

— Кроме того, нужна выписка из метрики, которую я ей дал.

— И это будет, батюшка!

Поблагодарив попа, Григорий Петрович пошел к Яшаю.

4

Когда Григорий Петрович вошел во двор, Чачи на крыльце разговаривала с Япушем.

— Чачи,— сказал Григорий Петрович,— я иду в Морки.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Нужно принести справку от аринского попа, что ты у него не венчалась. А где бумага, которую тебе дал отец Сидор?

— Какую бумагу?

— Когда ты выходила замуж, отец Сидор давал тебе выписку из метрики?

— Какую выписку?

— Ну, как тебе объяснить? «Письмо»,— как говорят марийцы.

— Письмо?— испуганно переспросила Чачи.— Оно в сундуке осталось.

— В каком сундуке?

— Ну там... с вещами...

Григорий Петрович приуныл. Из сундука, оставшегося в доме Чужгана, метрику не скоро достанешь.

Япуш с удивлением смотрел на сестру и Григория Петровича. Ведь сестра все это время пряталась в лесу, только что вернулась: о чем они говорят с Григорием Петровичем, какие у них могут быть дела?

А Чачи не спускала глаз с Григория Петровича. Почему он вдруг стал таким печальным?

Но тут Григорий Петрович тряхнул головой, схватил Чачи за руку и с жаром сказал:

— Ну что ж, будем жить в гражданском браке!

Хотя Чачи и не поняла, что значит «жить в гражданском браке», ее обрадовало, что у Григория Петровича повеселели глаза.

«Пусть хоть весь свет будет против меня, я не отступлю!» — подумал он про себя и, взяв Чачи за руку, шагнул через порог избы.

Япуш, удивленный еще больше, побежал в кудо[1], где мать готовила обед.

— Мама, к нам Григорий Петрович пришел!

«Зачем? — оробела Яшаиха. — Зачем это учителю понадобилось к нам приходить? Может, тоже пришел ругать Чачи за то, что она сбежала от мужа?»

Яшаиха посидела немного в раздумье, потом вдруг заторопилась:

— Япук, я в избу схожу, а ты присмотри за котлом... Если побежит через край, помешай половником.

Япушу тоже не хотелось сидеть в кудо. Наверное, Григорий Петрович сейчас рассказывает что-нибудь чрезвычайно интересное. Япуш так и подумал: «чрезвычайно интересное». Он умеет выражаться несколько витиевато, ведь этой весной он закончил школу и прочел много хороших книг, которые давал ему Григорий Петрович...

Похлебка побежала через край котла, зашипела, попав на огонь.

Япуш схватил половник и принялся мешать, но его мысли были далеко.

«Прежний учитель был совсем не похож на Григория Петровича, — думал он. — Да и как он учил! Придет в класс, задаст задачу, скажет: «Решайте!», а сам уйдет и возвратится только к концу урока. Если кто-нибудь не успел или не сумел решить задачу, он аспидной доской колотил того ученика по голове Прежний учитель почти всегда бывал пьян и по-марийски ни одного слова правильно выговорить не мог Хорошо, что его сняли, а то не пришлось бы Япушу читать хорошие книги...»

Только за плохое преподавание учителя, конечно, не сняли бы, да, на счастье, он поругался с отцом Сидором. По правде сказать, виноват был сам поп но жизнь такова, что по большей части виновный оказы-

---

[1] Летняя кухня.

вается правым, а правый — виноватым. Конечно, Япушу, по его годам, еще не положено знать такие вещи, но в деревне взрослые, не остерегаясь, говорят при детях все, что угодно. Поэтому ребята раньше времени узнают о многом, совсем неподходящем для их возраста. О ссоре попа Сидора с пьяницей учителем Япуш услышал в ночном...

Ночное! Это слово и сейчас заставляет мое сердце биться сильней! Наша деревня стоит в лесу. Урожаи у нас бывают плохие, овса не то что лошадям, самим на похлебку и лепешки едва-едва хватает. Лишь сойдет снег, лошадей выгоняют на подножный корм — в лес, на луга. В ночное гоняют лошадей по большей части молодые парни, девушки и подростки. Иной раз идут и старики, которым не спится по ночам.

Лучше всего в ночном в середине лета. Ночи в эту пору короткие, теплые, светлые. Но все равно на опушке разжигается костер. Золотые искры летят в небо. Высокие дубы и сосны кажутся сказочными богатырями. Листья на деревьях шелестят, словно о чем-то шепчутся между собой.

По всему лугу, то здесь, то там между кустами слышится похрустывание веток, фырканье лошадей, позвякиванье бубенцов и колокольчиков.

Старики сидят у костра, вспоминают прошлое. Подростки слушают их, навострив уши, или затевают какую-нибудь игру. А те, что постарше, которые считают себя уже женихами и невестами, держатся в сторонке. Частенько между парнем и девушкой зарождалась любовь здесь, в ночном...

Девушки, стреножив своих лошадей, собирают цветы, плетут венки, затевают пляски, заводят песни.

Одну девушку, которую я знал в детстве и не раз видел в ночном, не могу забыть до сих пор. Звали ее Почук. Всю ночь напролет она пела и плясала, не зная отдыха. Она была небольшого роста, стройная, красивая, ее чистый голосок звучал, как серебряный колокольчик... Каких только песен не знала Почук. Она умела петь, подражая и старухе, и молодой щеголихе, и свахе на свадьбе, сама сочиняла шуточные песни...

До чего ж хорош горох
При любой погоде!
Не нарвать ли нам гороха
Ночью в огороде?

Ах, горох, как сахар, сладок!
Мы едим — не осуждайте.
Мы парней из Кожланура
Завлечем, а вы играйте.

Парни, словно мошкара, вились вокруг Почук. Только все напрасно: на язык она была бойка, а в руки не давалась.

И такая девушка пропала ни за грош. Однажды зимой она полоскала в речке белье и простудилась. К кому только не ходила ее мать — у ворожейки ворожила, в священную рощу зайцев носила на жертвенник, свечи жгла в церкви — ничего не помогало. Почук таяла.

Я вернулся из города на другой день после ее похорон. Узнав, что Почук умерла, пошел к ее матери. Она со слезами рассказала мне о болезни и смерти дочери.

— Почему же вы не отвезли ее к доктору?— спросил я.

Женщина заохала:

— О, господи, господи, а мы ведь и не догадались... И не посоветовал никто... Ох, горюшко горькое, легла моя доченька в могилу, не пожила на белом свете...

О ссоре пьяницы учителя с попом Сидором рассказал в ночном Сергей Кондратьев. Его брат работал сторожем при волостном правлении, поэтому ему все было известно.

Отец Сидор давно овдовел, и при нем жила экономка Анна Федоровна. Честно говоря, Анна Федоровна хорошая женщина, с марийцами, когда они приходят к попу, разговаривает вежливо. Никто на нее не обижается.

Пожив у попа с полгода, она уезжала в город, месяца через два снова возвращалась в деревню. Вся деревня знала про это, и никто ничего не говорил.

Но однажды пьяный учитель повздорил с отцом Сидором. Поп написал на учителя жалобу инспектору. Учитель, как только узнал про жалобу, сразу же написал архиерею о том, что поп сожительствует со своей экономкой и что в настоящее время она уехала в город делать аборт. Действительно, Анна Федоровна в эти дни жила в городе. Архиерей написал благочинному. Тот начал вести дознание, и по показаниям многих лю-

дей стало ясно, что поповская экономка беременна. Отцу Сидору не миновать бы монастыря, да его спас дьячок.

Этот дьячок был довольно примечательный в своем роде человек: когда у него заводились деньги, он мог за день выпить четверть водки, однако никто не видел его пьяным. Кроме того, он очень любил карты. Однажды он выиграл у отца Сидора сорок девять рублей. Дьячок требует выигрыш, а поп платить не хочет.

Дьячок выложил на стол рубль.

— Ну, батюшка, коли ты не хочешь денег отдавать, я сам тебе дам. На, пусть будет ровно пятьдесят! А сверх того, получай проценты!— И, наградив попа двумя оплеухами, ушел.

Это произошло в субботу вечером. Воскресным утром поп, хотя у него и трещала голова, пошел служить заутреню. Поднялся на паперть, глядь, у дверей, повесив голову, стоит дьячок, немного поодаль церковные сторожа и староста.

Дьячок встал перед отцом Сидором на колени:

— Батюшка, прости Христа ради!

Поп озирался по сторонам с растерянным видом— провел его дьячок! Поп было решил отдать дьячка под суд за вчерашние оплеухи. Но если простишь его перед людьми, то в суд уже не подашь. И не простить нельзя: он просит прощения при свидетелях, а по церковным законам, поп, не отпустив грехи кающегося, не имеет права начинать церковную службу... Ох и хитер дьячок, ох, хитер! Поп готов был от злости разорвать его на части, но, соблюдая правила, выжал из себя, скрипнув зубами:

— Да простит тебя господь!

И вот этого самого дьячка стал напоследок расспрашивать благочинный.

Выслушал его дьячок и говорит:

—Отец благочинный, это дело надо прекратить.

— Как прекратить! Ведь Анна Федоровна беременна!

— Ну и что же? А кто знает, от кого?

— Так она же была экономкой у попа Сидора.

— Что ж с того?

— Не могла же она забеременеть без мужчины?!

— Факт, не могла. Только почему в этом виноват отец Сидор?

— А то кто же?

— Может быть, я!

Благочинный рассмеялся:

— Истинно, никто не застал отца Сидора на месте преступления!

Мысль дьячка ему понравилась. Зачем обижать своего человека? К тому же если попа признают виновным, то и у благочинного будут неприятности. Зачем выносить сор из избы?

Благочинный написал архиерею, что попа оклеветали. Отец Сидор был признан невиновным, а учитель лишился своего места.

Вот что рассказал в ночном Сергей Кондратьев.

5

Когда Григорий Петрович и Чачи вошли в избу, дед Левентей рассказывал Яшаю историю о том, как в Кудашнуре богач Япык убил Мишку.

Увидев вошедших, дед Левентей замолчал.

— Что ж ты, дедушка, замолчал? — спросил Григорий Петрович.— Рассказывай, мы послушаем.

— Случай давний, молодым слушать про него неинтересно. Это старики любят вспоминать прошлое.

— Молодым полезно послушать стариков, — возразил Григорий Петрович, садясь рядом с дедом Левентеем.

Чачи ушла на женскую половину избы.

Дед Левентей посмотрел на Григория Петровича.

— Нынешняя молодежь не очень-то прислушивается к старикам.

— Не скажи, я вот очень люблю слушать рассказы старших. А кто такой Мишка? И кто его убил?

В это время в избу вошла Яшаиха и, подойдя к дочери, тихонько спросила:

— Зачем пришел учитель?

— Ему нужно поговорить с вами.

— Не ругает тебя, что ушла от мужа?

— Нет...

— Что же он говорит?

— Подожди, мама, вон дедушка Левентей что-то рассказывает...

— В нашу деревню,— начал дед Левентей,— Мишка приехал из Казани. Был он очень хорошим токарем, на своем станке работал. Я сам ходил к нему смотреть на

станок. Мишка точил из дерева такие вешички, что их не хотелось из рук выпускать.

Однажды осенью привез Мишка сухое липовое дерево из священной рощи. А это дерево дед Япык приготовил на дрова для жертвенного костра. Дерево хорошо высохло за лето и очень приглянулось Мишке, а о том, что оно приготовлено для моления, он — русский человек — не знал.

Ну, прошло время, дерево у него кончилось, он снова поехал в ту же рощу. А Япыку кто-то уже сказал, что Мишка один раз брал в роще дрова и теперь поехал опять.

Обозлился дед Япык, побежал в рощу. Глянул из-за кустов. Мишка под священным деревом накладывает на телегу его дрова. В те времена в наших лесах было очень много липы, рубили ее на мочало. Ободранные липы по всему лесу валялись. Этими липами и прельстился Мишка. Мишка был рослый, здоровенный детина, на городских калачах вырос, голыми руками его не возьмешь.

Япык схватил здоровенную дубину да и трахнул Мишку изо всей силы. Он метил по спине, а Мишка как раз в этот момент распрямился, и удар пришелся ему по голове. Мишка с ног долой. Дед Япык сильно испугался, но все же покидал с телеги дрова, кое-как взвалил Мишку на телегу и вывел лошадь на дорогу.

Лошадь сама дошла до дому.

Дома Мишка на одну лишь минуту пришел в сознание. Мать его спрашивает, что с ним случилось. А он только успел сказать: «Япык»... и испустил дух...

На другой день понаехало в деревню начальство — становой, урядник, старшина.

Сначала господа подступили к Мишкиной матери.

— Как вернулся?.. Кто привез?.. Что было на телеге?.. Что он сказал?

Мать плакала:

— Ничего не смог сказать... Только одно словечко и вымолвил...

— Какое словечко?..

— Япык...

— Япык?.. Какой Япык?

А Мишкина мать и сама не знает, какой Япык.

Тогда в нашей деревне было два Япыка: Япык-бедняк, и тот, что убил Мишку — богач, у него на гумне

всегда пять-шесть скирд хлеба стояло. Он, бывало, как напьется, так хвалится: «У меня триста, а то все четыреста целковых есть!»

Начали господа искать виновного. Узнали, что Мишка ездил в молитвенную рощу, что оттуда привезла его лошадь. Понемногу добрались до Япыка. Неохота было богачу попасть на каторгу. Денег у него в избытке, хлеба полно и скота немало. Вот он и начал совать — кому сотню, кому пятьдесят рублей, кому тридцатку. Немало ушло и хлеба. Несколько овец господам скормил. Господа жаднее волков: и деньги берут, и виновного надо им найти. А в деревне есть два Япыка — если не виноват один, значит, виноват другой. Вот бедняка и забрали. Говорят, он и сейчас еще в Сибири. Наверное, Сакару тоже не выкрутиться,— неожиданно добавил дед Левентей.— Где ему выкрутиться, когда он и по-русски-то говорить не умеет. А что он ни в чем не виноват, так на это господам наплевать...

При этих словах у Чачи покатились слезы, Яшаиха шмыгнула носом и поднесла к глазам передник.

Повесил голову и Григорий Петрович. Он как-то совсем забыл про Сакара.

«Надо бы как-то помочь ему,— подумал учитель.— Только что можно для него сделать?»

— Дедушка,— сказал он Левентею,— ты возьми ото всей деревни мирской приговор о Сакаре и пошли судебному следователю. Если деревня даст хороший приговор, то, я думаю, Сакара освободят. Ведь ты же сам знаешь, он ни в чем не виноват.

— Спасибо за добрый совет, сынок. Да только некому у нас такой приговор сочинить.

— Я напишу черновик, а ты дай кому-нибудь в деревне переписать его на другой лист. И никому не говори, что приговор написал я. Потом пусть все ваши деревенские, кто умеет расписаться, подпишут за себя и за неграмотных. Староста приложит печать, потом сходишь в волостное правление и заверишь приговор.

— Вот спасибо! — обрадовался дед Левентей.

— Я пойду к себе, сейчас же и напишу.

— Погоди, обед сварится,— опомнилась Яшаиха.— Сват сегодня еще не уйдет.

— Нет, сваха,— возразил дед Левентей,— при таком деле нельзя время терять. Хоть ночью, а сегодня же пойду.

— Подожди, дедушка, я скоро вернусь,— сказал Григорий Петрович.

— Хороший человек,— проговорил Яшай.— Другой на его месте и разговаривать бы с нами не стал.

В избу вошел Япуш.

— Иди, мама, присматривай за похлебкой сама!

Яшаиха пошла в кудо и скоро вернулась с чугуном в руках.

— Чачи, поставь самовар, угостим Григория Петровича яйцами. Не кормить же его похлебкой.

Григорий Петрович вернулся, когда дед Левентей, похлебав картофельного супа, вставал из-за стола.

— Пусть перепишут приговор с этого черновика. Вот тебе бумага, ручка с пером, чернила. Чернильницу я хорошо заткнул пробкой, так что не прольется.

— Ну, сынок, дай бог тебе здоровья! Я сейчас же побегу домой. До свидания, Яшай, до свидания, сваха, до свидания, внучек.— Дед Левентей похлопал Япуша по плечу.— До свидания, дочка! Даст бог, вернется Сакар, думаю, твои родители перечить не станут. Я хоть и не богат, а для вас с Сакаром у меня кое-что найдется.

Чачи залилась краской.

Дед Левентей ушел. Яшаиха положила в самовар пяток яиц.

Григорий Петрович был озадачен последними словами деда Левентея. А то, что Чачи так покраснела, смутило его еще больше.

Словно в ответ на его недоуменный взгляд, Яшай сказал:

— Дед Левентей хочет усыновить Сакара и женить его на нашей Чачи. Он мне об этом еще зимой говорил.

Григорий Петрович опешил. И тут ему вспомнилось, как бегала Чачи в больницу весной. Он понял, что встал между Сакаром и Чачи. Но теперь уж ничего не поделаешь...

— Чачи, почему ты ничего не сказала мне о Сакаре? — с упреком спросил он.

Вместо ответа Чачи заплакала.

— Если ты любишь Сакара, то мне лучше уйти...

Он взялся за ручку двери.

— Не уходи! — Этот крик, казалось, вырвался из самого сердца Чачи.

Григорий Петрович вернулся и подошел к ней.

— Чачи, дай мне руку!

Она протянула ему обе руки.

Яшай, Яшаиха и Япуш удивленно смотрели на них, ничего не понимая.

— Яков Никифорович,— обратился Григорий Петрович к Яшаю, держа Чачи за руку.— Ваша дочь, сбежав от Макара Чужгана, пришла ко мне, весь день пробыла у меня, и этой ночью... стала моей...

— О господи! — ахнула Яшаиха.

Яшай приподнял брови, встал, но тут же снова сел.

— Стыд-то, стыд-то какой! — запричитала Яшаиха.

— Никакого стыда тут нет. Я женюсь на вашей дочери.

— Григорий Петрович, хоть ты не насмехайся над нами,— сказал Яшай.— У нас и так хватает горя...

— Яков Никифорович, у меня и в мыслях нет над вами насмехаться. Правда, до сегодняшнего утра я не думал жениться на Чачи, но теперь я так решил и не уйду отсюда без нее. Конечно, если Чачи будет согласна...

Яшаиха заплакала:

— Не обвенчавшись небось уведешь?

— Но ведь и Макар Чужган не венчался.

— Венчаться не к спеху,—сказал Яшай.— А вот одежи у нее нету. Какая была, вся у Чужганов осталась.

— Об этом не беспокойтесь, я свою жену одену. Япуш, вот тебе деньги, сбегай за вином, купи четверть.— Григорий Петрович достал деньги и протянул их Япушу.

— Куда четверть! — сказала Яшаиха.— Соседи хорошо угощались, когда она уезжала в Лопнур.

— Звать соседей, может, и не надо. Посидим своей семьей, поговорим... А вино, если останется, будете пить по рюмочке с устатку, как придете с поля.

Яшай не стал возражать. Япуш побежал за вином. Яшаиха принесла из клети масла и положила в нарезанные яйца.

Яшай зажег свечу перед иконой...

6

Валерий Викторович Тагановский невероятно скучал.

«Ну что за скверный городишко,— думал он.— Ни

сада, ни кинематографа, ни театра, ни приличного клуба — ничего! Одно слово — черемисский город! На кой черт отец построил здесь дом, на кой черт завез сюда меня? Я следователь только по должности, ни одно здешнее дело не стоит и выеденного яйца. Да и какие дела могут быть в этом медвежьем углу! Вот в западных областях или на Кавказе—там настоящие преступления: то в помещичьем имении красного петуха пустят, то банк ограбят. Там есть работа для следователя».

Многие приятели Валерия Викторовича уже давно ходят в статских советниках, а он так и застрял в коллежских асессорах. Он терял терпение и мечтал уехать из этого проклятого города. Но куда? Разве дадут хорошее место мелкому чиновнику, ничем себя не проявившему? Эх, найти бы настоящее дело!

В кабинет Тагановского вошел письмоводитель и положил перед ним стопку бумаг.

— Валерий Викторович, посмотрите — очень интересное дело.

— Неужели?

— В Аркамбале бунт.

— Бунт? Что-то не верится!

Тагановский взялся за бумаги. Аркамбальский становой пристав прислал судебному следователю протоколы расследования событий, происшедших на элнетских лугах.

Чем дальше читал Тагановский, тем ярче блестели его глаза, тем шире расплывалось в улыбке его лицо.

— По этому делу привезли трех арестованных,— добавил письмоводитель.— Они уже с неделю сидят в тюрьме.

— И вы докладываете мне об этом только сегодня?

— Только что прибыли бумаги...

Судебный следователь ожил. Он еще раз перечел присланные документы и радостно воскликнул:

— Вот удача! Ведь это же вооруженное восстание!

Ну, теперь следователь Тагановский станет известен на всю Россию. Только нужно вести следствие строго и умело: эти революционеры — народ хитрый.

Под вечер Тагановский отправился в тюрьму взглянуть на арестованных. Он не задал им ни одного вопроса, только посмотрел и отправился домой. Вечером он не пошел в клуб, а сидел дома и обдумывал все детали предстоящего следствия.

Утром он проснулся рано, позавтракал наспех.

В кабинете еще раз просмотрел бумаги, сделал пометки красным карандашом и крикнул письмоводителю:

— Вызовите ко мне Захара Ефремова!

Полчаса спустя два стражника с шашками наголо ввели в кабинет к Тагановскому Сакара.

Сакар за эти дни похудел и осунулся, резко обозначились скулы, в глазах появилось выражение, какое бывает у затравленного зверя.

Никак не может понять Сакар, за что его посадили в тюрьму? Ведь он не совершил никакого преступления. И на луга он пошел только для того, чтобы узнать, о чем шумит народ...

Обо всем этом Сакар хотел рассказать человеку, впившемуся в него глазами. Но его язык как будто прилип к гортани, Сакар молча смотрел на следователя.

— Ну, как тебя зовут? — спросил Тагановский.

«Эх, будь что будет,— подумал Сакар,— сейчас все ему скажу». И, боясь, что его перебьют, заговорил быстро-быстро по-марийски:

— Большой начальник, отпусти меня, я ничего не крал, никого не убил... Лосей в лесу не стрелял...

— Говори по-человечески! Не лай по-собачьи! — закричал Тагановский.

Сакар оторопел: за что рассердился начальник? Сакар правду говорит, все, как было — почему начальник кричит на него?

— Я тебя спрашиваю, как твоя фамилия?

Сакар не знал, что ответить.

— Да он по-русски говорить-то не умеет,—вмешался один из стражников.

— Притворяется, мерзавец! Но он у меня заговорит. А пока отведите его обратно в тюрьму!..

Сакара увели. Тагановский вызвал письмоводителя, приказал ему написать приставу второго стана, чтобы тот собрал в Кудашнуре сведения о Сакаре. Он продиктовал письмо в Аркамбал, в котором утверждал, что случай на элнетских лугах — не простой бунт, а революционное выступление, поэтому необходимо произвести тщательное расследование, и если в селе будет обнаружен какой-либо подозрительный человек, его надлежит немедленно арестовать и препроводить в Царевококшайск.

Получив предписание от судебного следователя, пристав второго стана вызвал к себе урядника Варлама Яковлевича. Урядник был ревностный служака, который не терпел никакого нарушения порядка и обо всем увиденном или услышанном и, по его мнению, пахнущем крамолой, незамедлительно докладывал начальству.

Рассказывают, что однажды Варлам Яковлевич поссорился с женой. А жена у него — всем урядникам урядник, только вместо шашки орудует скалкой. Так и тогда, в ту ссору, она взялась за скалку. Неизвестно, была ли в руках Варлама Яковлевича шашка, но ему пришлось отступить. Отступая, он наткнулся на лохань с помоями и плюхнулся в нее. Вода полилась на пол. Этого Варлам Яковлевич никак не мог потерпеть. Одно дело ругаться и драться, но затолкать человека в лохань — это уж никуда не годится, и он заорал во всю свою луженую урядничью глотку:

— Сейчас же прекратить беспорядки!

Но жена, не то что другие, не испугалась урядничьего окрика и огрела мужа скалкой по голове.

— Караул!.. — завопил урядник.

Жена ударила его еще раз. Опрокинув лохань и разлив остатки воды, Варлам Яковлевич вскочил на ноги и, прихватив шашку, побежал к становому приставу.

— Ваше высокоблагородие,— отрапортовал он,— в квартире урядника Варлама Яковлевича беспорядки. Жду ваших приказаний, какие принять меры?

Не знаю, было ли все это на самом деле, только моркинцы утверждают, что именно так все и было.

Получив приказ станового пристава собрать сведения о Сакаре, Варлам Яковлевич тотчас же выехал в Кудашнур.

7

Отругав Яшая, Чужганиха отвела душу и немного успокоилась. Но когда спустя несколько дней узнала, что Чачи вернулась домой, старуха снова обозлилась.

Чем больше думала Чужганиха о Чачи, тем сильнее разгоралась ее злоба. Как эта голая крыса (Чужганиха иначе не называла бедняков) посмела так поступить? Если бы ее прогнал Макар или Чужганиха пинками выпроводила бы из дому, другое дело. Но чтобы

молодуха сама сбежала от мужа, едва не убив его,— дело невиданное и неслыханное, небывалое дело. Разве род богача Чужгана потерпит такой позор?

Просто ума не приложишь, что этой девке не понравилось? Где она сыщет лучшую семью? И жених хорош. Видать, правду говорят, что все девки за Элнетом — распутницы.

Так думала Чужганиха.

И Макара мучила досада: прямо изо рта ушел лакомый кусок, совсем как сказочный колобок.

Макару даже не верилось, что все это не приснилось во сне, что на самом деле его молодая жена сбежала от него.

«Куда ей бежать? — размышлял он.— Сакар в тюрьме. И к отцу не вернулась. А вдруг кинулась в реку? Нет, вряд ли. Ну ладно, попадись она мне, уж я ее проучу, не посмотрю, что только поженились!..»

Старик Чужган поначалу испугался, как бы Чачи не сделала чего-нибудь над собой: как-никак ушла из его дома. Если повесилась или утопилась, хлопот не оберешься. Но прошел день, другой, третий, никто не приходил к Чужгану с расспросами, потом дошли слухи, что сноха живет у отца.

Тут уж Чужган почувствовал себя оскорбленным. Вот ведь бесстыжая девка, ославила на три волости! Пусть ушла бы через месяц или даже через неделю, а то сбежала в первую же ночь... Седьмой десяток живет на свете Чужган, но ничего такого до сих пор не видывал и не слыхивал. Добро бы от какого-нибудь бедняка ушла, а то ведь от богатого.

Те же мысли занимали и дочерей и снох Чужгана.

Ни сам Чужган, ни его жена, ни сыновья не выходили жать, а его дочерям и снохам приходилось работать наравне с батраком. По пятницам и воскресеньям Чужган нанимал человек пятьдесят—шестьдесят жнецов, и тогда его сыновья ходили среди них, словно бурмистры.

Но сегодня не пятница и не воскресенье, поэтому на поле трудятся только Чужганова дочь Оляна, две снохи да батрак. Женщины сплетничали между собой, не стесняясь батрака.

Судача о том, о сем, заговорили и о Чачи.

— О господи, господи, хватило же у девки смелости! — удивлялась жена Романа.— От мужа сбежала!

— Элнетские девки — все бойкие,— сказала жена

Александра.— Прошлым летом в Энгерсола приезжала свадьба, так, говорили, у них девка в барабан колотила!

— Да что ты!

— Здорово, говорят, колотила. У шайринских барабаны большие, громкие. Стучит она и поет: «В семи Шайрах одна Майра!» А на ногах у нее сапоги!

— В прошлом году на масленице в Корамасах я тоже насмотрелась на одну шайринскую,— сказала Оляна.— Вот уж бессовестная девка! Плясать сама выходила, и просить не надо! А уж на парней вешалась...

— Видать, дочь Яшая такая же.

— Что ни говори, остался Макар на бобах,— вставил свое слово батрак.— Ему бы взять ложку и снять сливки, а они как раз сбежали!

— Да остались ли Макару сливки-то? — с насмешкой спросила жена Александра.— Говорят, она всю зиму спала с кудашнурским Сакаром на смолокурке.

— Небось не с одним Сакаром путалась,— высказала свое предположение Оляна.— И после Сакара кто-нибудь был...

Урядник Варлам Яковлевич, проезжая Лопнур, по пути заехал попить чайку к деду Чужгану. В Кудашнуре ни у одного хозяина не побалуешься чайком, уж очень бедная деревня.

— Добрый вечер, Осип Кондратьевич,— приветствовал урядник Чужгана.— Как живем-можем?

— Понемножку, Варлам Яковлевич. Сам-то ты по какому делу ездишь?

— Да вот, был в Кудашнуре. Собирал сведения, кто такой Захар Ефремов, который сидит в тюрьме.

— Не знаешь, Варлам Яковлевич, скоро его отпустят?

— Про это лишь богу да начальству известно, мы про то не ведаем... Между прочим, тамошние мужики ничего плохого о нем не говорят. Рассказали мне одну смешную историю, как он в сюрем выгнал картов из своей избы... Ха-ха-ха! Так им и надо! Молодец парень!

Все веры, кроме православной, урядник считал «погаными». Марийских картов он называл не иначе, как слугами самого дьявола. Но сообщение о том, что Са-

кар выгнал картов, урядник на всякий случай занес в протокол. Кто знает, может, начальству и это пригодится. Уж лучше написать побольше, чем поменьше.

За чаем Чужган с Чужганихой рассказали Варламу Яковлевичу про Чачи.

— Как ты думаешь, Варлам Яковлевич, можем мы силой вернуть ее обратно? Сам понимаешь, как она нас опозорила... А уж мы тебя за хлопоты отблагодарим.

— Что ж вы мне раньше не сказали, я бы давно ее привел. Нет такого закона, чтобы жена от мужа бегала.

— Так-то оно так, да только мы сами сделали промашку, не обвенчали их.

— А-а, ну тогда ее не вернешь. По закону невенчанная — значит, не жена.

— И чего по дороге не завернули в церковь! — сокрушалась Чужганиха.— И деньги батюшке наперед были уплачены, и бумага нужная была у Чачи в сундуке.

— Мать, где эта бумага? — спросил дед Чужган.

— Я ее в свой сундук убрала.

— Так что, Варлам Яковлевич, нельзя ли как-нибудь... Ведь мы в большие расходы вошли...

— Расходы — это одно, а главное — ославила она нас, проучить девку надо.

Урядник почуял, что тут можно хорошо поживиться. Только он никак не мог придумать, за что бы ухватиться.

— Ты вот что, Осип Кондратьевич,— сказал, немного подумав, Варлам Яковлевич,— приезжай-ка ты завтра ко мне. Есть у меня один человек, любому адвокату нос утрет, уж он-то отыщет лазейку.

На другой день перед обедом Чужган приехал к уряднику. Тот послал его за водкой, а сам пошел за своим «адвокатом».

Дед Чужган принес четверть водки, жена урядника поставила самовар, вскоре вернулся и урядник. Увидав пришедшего с ним «адвоката», старик Чужган упал духом: «адвокатом» оказался какой-то тощий замухрышка-дьячок.

Перехватив взгляд Чужгана, Варлам Яковлевич поспешил его успокоить:

— Осип Кондратьевич, вот этот человек тебе поможет. А то, что он плохо одет, пусть тебя не беспокоит.

Он прежде был знаменитый юрист. Вот эта самая его довела.— И урядник щелкнул по бутылке.

— Варлам Яковлевич,— встрепенулся дьячок,— не нужно об этом! Homo sum: humani nihil a me alienum puto[1]. Но к чему я вам это говорю, разве вы поймете! Лучше налей поскорей одну — выпью, ad majorem dei gloriam[2], как говорят иезуиты.

— Налью, налью. Садись за стол, Осип Кондратьевич, садись сюда.— Урядник налил три стакана.— Ну, будем здоровы!

Дьячок взял стакан, перекрестился:

— Во исцеление души и тела!

Он выпил и улыбнулся:

— Варлам Яковлевич, наш семинарский учитель-латинист говорил так: repetitio est mater studiorum[3]. Налей-ка еще по одной, а там уж можно поговорить и о деле en famille[4], как говорят французы.

Урядник снова наполнил стаканы.

— Ну, Осип Кондратьевич, теперь рассказывай все по порядку: что и как было, и чего ты хочешь.

Дед Чужган рассказал все, как есть.

Дьячок долго думал, потом покачал головой:

— Тут, брат, per fas et nefas[5] — ни правдой, ни неправдой ничего не поделаешь.

— А ты, Аполлинарий Федулович, пошевели мозгами получше, может, и найдешь какой-нибудь способ,— сказал урядник и снова наполнил стаканы.

Дьячок выпил и снова задумался. Он долго сидел, склонившись над столом, потом воскликнул:

— Эврика! Нашел! Только это стоит денег.

— За деньгами дело не станет,— сказал Чужган.— Заплатим сколько надо, лишь бы дело выгорело.

— Выгорит! Сейчас дашь в задаток десять рублей, когда все будет сделано, еще две десятки.

Чужган выложил десять рублей.

— Теперь давай метрику твоей снохи, а завтра привезешь метрику сына. Если ваш поп спросит, зачем нужна метрика, скажи, что хочешь получить сыну пас-

---

[1] Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо *(лат.)*.
[2] Во славу великого господа бога *(лат.)*.
[3] Повторенье — мать ученья *(лат.)*.
[4] По-семейному *(франц.)*.
[5] Всеми праведными и неправедными путями *(лат.)*.

порт. Только не говори, что это я велел. Завтра же приезжай, все будет сделано. Ну, Варлам Яковлевич, наливай...

Голова у пьяницы-дьячка была и впрямь золотая. Все было сделано им очень просто. Он взял чистый бланк, вписал в него, что Чачи и Макар такого-то числа обвенчались при таких-то свидетелях. Из церковной книги он выдрал лист с записями за это число: все равно до нового года никто не будет эту книгу проверять, а потом поди узнай, кто выдрал лист, когда в церкви три попа, три дьячка и дьякон, да угадай, что там было написано!

Эту метрику дьячок вместе с другими бумагами понес на подпись к попу. Поп всегда ленился читать бумаги, а тут у него как раз случились гости. Поэтому он, не читая, расписался на метрике и приложил печать.

Так обвенчали Чачи с Макаром.

Теперь-то Варлам Яковлевич мог действовать! Теперь закон оказался на его стороне!

Как раз в то время, когда пришла бумага от Тагановского, в Аркамбале снова начались большие волнения, они перекинулись и на Курыктюры.

Япар оказался в чести. Земский начальник со становым приставом повсюду возили его с собой. Он выступил как главный свидетель. По его доносу посадили человек десять. Дом с решетками на окнах, стоявший во дворе волостного правления, был переполнен. У аркамбальского урядника, допрашивавшего мужиков, распухли кулаки.

Через неделю двух мужиков — одного из Курыктюра и одного из Мюшылтюра — отправили в Царевококшайск. Остальных, как их ни били, как ни стращали, пришлось отпустить по домам. Так что они отделались легко: только отведали урядничьего кулака да покормили клопов в холодной.

Яшай Никифоров тоже просидел трое суток.

После того, как двух мужиков отправили в Царевококшайск, все успокоилось.

Между тем полевые работы не ждали. Рожь начала осыпаться.

Яшаиха позвала Чачи помочь им с отцом на жатве. Григорию Петровичу не хотелось, чтобы Чачи ходила

на полосу. Он предложил денег, чтобы нанять работника, но Чачи отказалась.

— До сих пор мы никогда не нанимали,— сказала Яшаиха.— Если теперь нанять, люди станут смеяться. Да и Чачи не привыкать работать. Лучше купи ей что-нибудь на эти деньги.

Григорий Петрович не настаивал.

Земский начальник со становым теперь взялись за учителя с другого бока: они начали расспрашивать его как свидетеля. Но Григорий Петрович разгадал их нехитрый маневр, им от него ничего не удалось добиться.

После одного из допросов, когда Григорий Петрович собрался уходить, становой сказал:

— Смотрите, Григорий Петрович, вы играете с огнем.

И учитель понял — это последнее предупреждение.

...Дойдя до межи, Яшай сказал:

— На другую полосу идти далеко, да и обед скоро. Давайте прежде чайку попьем, а потом уж пойдем дожинать. Ты, мать, ступай домой, приготовь чего-нибудь поесть. Мы с Чачи пока приберем снопы. В копны класть не будем, рожь больно сухая.

— Может, и снопы лучше не трогать,— проговорила Яшаиха,— осыплются ведь, как носить будете.

— И то правда,— согласился Яшай.— Ладно, пусть полежат до утра, ночью их росой смочит. Завтра придем пораньше и все сделаем.

Все четверо пошли в деревню.

Уже в деревне возле самого двора им повстречался Япар. Он пристальным взглядом осмотрел Чачи, но она этого взгляда не заметила.

Чачи осталась обедать с родными, так как Григорий Петрович с утра собирался на рыбалку и, наверное, еще не возвратился.

Только все уселись за стол, как послышался скрип ворот. Чачи выглянула в окно, и у нее подкосились ноги: во двор входил Макар Чужган. За ним шли урядник и стражник. Чачи оглянулась по сторонам, метнулась к двери, но было поздно — в сенях хлопнула дверь. Чачи бросилась на печь, забилась в самый дальний угол и загородилась валенками.

В избу ввалились Макар, аркамбальский урядник Варлам Яковлевич, Япар, десятский и тетка Ведаси. Два

стражника остались снаружи: один во дворе, другой на улице.

— Хлеб да соль, отец! Хлеб да соль, мать! — сказал Макар.

— Да будет так... Макар,— ответил Яшай. Назвать его зятем у него язык не повернулся.— Садись, отведай нашей хлеб-соли.

— Я нынче приехал не угощаться, я приехал за женой, за своей законной, за венчанной.

«Чего он врет, мы не венчались...» — подумала Чачи, и сердце в ее груди затрепетало, как испуганный заяц.

— Чачи в клети, что ли? — спросил Макар.

— Нет ее... — пробормотал Яшай.— Сами не знаем, где она...

— Хватит! — прикрикнул на Яшая Варлам Яковлевич.— У нас нет времени разговаривать с тобой. Сейчас же отдай дочь ее законному мужу. Нет такого закона, чтобы жена жила отдельно от мужа.

— Я, как полагается, по-человечески, проводил к нему свою дочку. А что он не справился с собственной женой, тут я ни при чем...

— Обыскать дом! — приказал урядник.

Япар полез в подполье. Чиркая спички, обшарил все углы.

— В подполье нет.

— Искать везде!

Чачи замерла на печи ни жива ни мертва.

Япар заглянул на печь, пошарил рукой. Чачи слышала совсем рядом его дыхание. «Ну, теперь попалась»,— решила она и закрыла глаза.

Но Япар не заметил ее. В избе было темно, а на печи и того темнее. Темнота спасла Чачи.

— Наверное, в клети спряталась,— сказал Макар.

Открыли клеть, перекидали все, что там было. Потом переворошили сено на сеновале, в огороде перещупали кучи картофельной ботвы.

В этой суматохе Япушу удалось ускользнуть со двора. Он побежал к Григорию Петровичу.

Учитель ожидал Чачи к обеду. Япуш рассказал ему о том, что творится у них в доме.

Когда Григорий Петрович вбежал во двор Яшая, урядник со стражником стояли посреди двора. С огорода к ним подошли Макар и Япар.

— Нет ее нигде,— зло сказал Япар.

— Кого вы ищете? — спросил Григорий Петрович.

— Чачи,— ответила Яшаиха,— ищут, будто она украла что...

Григорий Петрович повернулся к уряднику.

— Господин урядник, вы ищете напрасно, их дочь находится у меня. Я женился на ней.

— Как женился? Кто венчал?

— Мы живем без венчания.

— Да как ты смеешь жить с чужой женой? Вот ее муж, она обвенчана с ним.

— Это ложь!

— А я говорю: обвенчана! Вот что, господин учитель, лучше отдай жену мужу без спору. Темная марийская девка тебе не пара, ты найдешь себе образованную барышню.

— Это не ваше дело, господин урядник.

— Не отдашь по-доброму, заберем силой.

— Попробуйте.

— Понятые, кончай обыск! Девка у учителя,—крикнул урядник.

Яшаиха облегченно вздохнула.

— Ну, господин учитель,— продолжал Варлам Яковлевич,— не упрямьтесь, подчинитесь закону.

— Нет такого закона, чтобы силой уводить девушку из дома.

— Девушку — нет, а собственную жену — есть. Да чего говорить с тобой! Понятые, айда к учителю!

— Школа заперта, господин урядник. Но даже если бы она была открыта, обыск производить я не позволю. У вас имется ордер на обыск?

Варлама Яковлевича охватило бешенство. Если бы перед ним был простой мужик, он, не задумываясь, пустил бы в ход кулаки, но Григорий Петрович—учитель. Конечно, учитель — невелика птица, но его просто так не возьмешь, он враз настрочит куда надо жалобу, потом расхлебывай. «Придется просить помощи у станового»,— подумал Варлам Яковлевич.

— Ну ладно, господин учитель, пока прощайте, но скоро мы с вами встретимся снова.

Урядник пошел со двора, за ним потянулись все остальные.

Макар был очень удивлен таким оборотом дела. Опять он опозорился. Тогда, в клети, хоть люди не ви-

дели, а тут вон сколько народу собралось... Во дворе, возле ворот стояли мужики, бабы, ребятишки—кто шел на поле, кто по воду, так и стоят с серпами, с ведрами. Макару кажется, что они нарочно пришли, чтобы посмеяться над ним. Многие из них действительно посмеивались. Григорий Петрович тоже улыбался.

Макар почти побежал со двора.

Народ стал расходиться.

— До вечера еще хоть сколько-нибудь успеем нажать,—проговорила одна женщина, поглядев на солнце.

Толпа возле дома Яшая растаяла.

— Где Чачи? — спросил Григорий Петрович.

— На печи,— сказала Яшаиха.

Григорий Петрович вошел в избу. Чачи с рыданиями бросилась ему на шею.

— Не плачь, Чачи, они больше не придут сюда,— успокаивал ее Григорий Петрович.— Не бойся, я тебя никому не отдам.

Понемногу Чачи успокоилась, перестала плакать. Яшаиха подложила углей в остывший самовар. Но едва сели за стол, как дверь отворилась, и в избу вошел стражник.

Чачи побледнела.

— Григорий Петрович, тебя становой к себе требует.

— Ладно.

— Он велел сейчас же прийти.

— Сейчас приду.

Григорий Петрович надел на голову картуз.

— Кто бы ни пришел, без меня Чачи никому не давайте. Заприте ее в клеть. Так будет спокойнее.

Становой пристав предложил учителю стул.

— Как же вы, Григорий Петрович? Что же вы делаете? Зачем вы держите у себя чужую жену?

— Константин Ильич, она не жена Макару.

— Как не жена? Вот выписка из церковной книги о венчании.

Григорий Петрович удивился, увидев выписку, сделанную по всей форме, с церковной печатью, с гербовой маркой. Он внимательно прочитал выписку и облегченно воскликнул:

— Выписка фальшивая! Она выдана в Морках, а их приход — в Арине!

— В какой приход они входят, мне не известно. Если они совершили подлог, то ответят по закону. Но передо мной официальный документ, и я по закону обязан помочь Макару Чужгану возвратить домой законную жену. Вы, конечно, можете обжаловать мои действия. Впрочем, могу предупредить, вы ничего не добьетесь, у вас на эту женщину нет никаких прав.

— Но мы же любим друг друга! А Макара она не любит.

— Для закона этого недостаточно. Она могла отказаться выйти замуж за Макара во время венчания.

— Но они не венчались!

— Извините, Григорий Петрович, я вынужден больше верить документам, чем вашим словам. Кроме того, в Аркамбале всем известно, что дочь Якова Никифорова вышла замуж за Макара Чужгана. Будьте благоразумны, не ищите себе лишних неприятностей. Вы — взрослый человек и понимаете, как бы закон ни был суров, он все равно — закон. А с законом шутки плохи.

Григорий Петрович растерялся. Неужели придется отдать Чачи в руки Макара? Что же тогда будет с Чачи! Нет, нет! Этого нельзя допустить ни в коем случае!

Перед его глазами встала страшная картина: вот Макар, связав Чачи, везет ее по деревне, Чачи кричит, рыдает... А он, Григорий Петрович, ничем не в силах будет помочь ей... И опять останется один-одинешенек...

Григорий Петрович мотнул головой, отгоняя ужасные мысли, и тихо проговорил:

— Константин Ильич, я сделаю все, что вы желаете, только не отнимайте у меня Чачи.

Становой улыбнулся. «Вот, оказывается, с какой стороны надо было к тебе подъезжать,— говорила его улыбка.— Теперь-то ты в моих руках».

— Это можно сделать,— сказал становой,— но — услуга за услугу. Я вам оставлю вашу Чачи. Конечно, официально я этого не имею права делать, мы с вами поступим так: полиция другого стана может производить обыск на территории моего стана только с моего разрешения. Если приедут с обыском, то я вас предупрежу заранее, своим подчиненным я дам распоряжение, чтобы они при розыске ни в коем случае ее не обнаруживали. Наш договор будет считаться в силе до тех пор, пока вы станете исполнять мои поручения. Вы согласны?

— Согласен,— еле слышно проговорил Григорий Петрович.

— Тогда я жду характеристику Иванова в самые ближайшие дни.

Едва Григорий Петрович вышел от станового пристава, как к приставу явился Варлам Яковлевич.

— Что прикажете делать, ваше высокоблагородие?

— Дать разрешения на обыск у учителя я не могу. На это необходимо испросить согласие у исправника из Царевококшайска.

Урядник сообразил, что, видать, начальство не намерено отбирать девку у учителя. От станового Варлам Яковлевич ушел разобиженный и обозленный.

Но больше всех посрамленным чувствовал себя Макар. С какими глазами он вернется домой?

Когда он ехал с урядником за Чачи, всю дорогу только и мечтал, как схватит ее, свяжет, бросит в телегу да как ее проучит дома! А теперь приходится возвращаться ни с чем. Один урядник сидит рядом, как пень...

В Черкесоле Варлам Яковлевич слез с тарантаса, сказав, что тут у него есть дело.

Макар понимал, что никакого дела у него нет, просто бежит от разговора с Чужганом и Чужганихой.

Зато Макару дома показалось небо с овчинку. Увидев, что сын возвратился без жены, Чужганиха набросилась на него с руганью:

— Слюнтяй, тряпка! За что тебя только мужиком называют! Если не можешь с женой сладить, на кой черт женился? «Пригожая да красивая!—передразнила она Макара.— Нигде такой другой не сыщешь! Не жените на ней, удавлюсь, утоплюсь...» Не тогда, сейчас тебе давиться надо. У-у, чертово отродье, попадись она мне, зубами бы горло перегрызла!

Макар молчал, не смея ничего сказать в свое оправдание.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Перед Валерием Викторовичем Тагановским лежали на столе три бумаги: кудашнурский мирской приговор о Сакаре, выписка из судебного решения аркамбальского земского начальника и протокол, составлен-

ный урядником Варламом Яковлевичем. Если прочесть все эти три документа непредубежденным взглядом, то Сакара следовало тотчас бы выпустить из тюрьмы. Но следователь на то и следователь, на то он и изучал юриспруденцию, чтобы найти яму на ровном месте.

Тагановский начал создавать «дело». Прежде всего он взялся за Сакара.

Итак, Захар Ефремов. Драку в лесу он затеял? Затеял. Значит — бунтовщик. Во время сюрема картов выгнал? Выгнал. Значит, не уважает религию. Правда, карты — язычники, и если бы их выставили поп или урядник, то это не вызвало бы ничего иного, кроме смеха. Но в данном случае неуважение служителям культа оказал простой черемисский парень. Значит, он безбожник. А каждый безбожник обязательно становится революционером. Таким образом, с какой стороны ни взгляни, Захар Ефремов—почти анархист-террорист.

Произведя такое логическое построение, Тагановский позвал письмоводителя и приказал привести из тюрьмы Сакара. Уже вслед уходящему письмоводителю он крикнул:

— На всякий случай попросите в управлении, чтобы прислали одного полицейского, знающего черемисский язык.

Через час привели Сакара. Тагановский приступил к допросу. На все вопросы Сакар отвечал молчанием, он не понимал ни слова.

— Ах, какой он упрямый! — раздраженно крикнул Тагановский.— Позвать сюда переводчика!

Вошел полицейский:

— Чего изволите, ваше высокоблагородие?

— Ты по-черемисски знаешь?

— Так точно, знаю, ваше высокоблагородие!

— Значит, можешь переводить с русского на черемисский язык и обратно?

— Так точно, могу, ваше высокоблагородие!

— Спроси у него, когда и как он стал участником революционной организации?

Полицейский повернулся к Сакару и громко сказал по-марийски:

— Ты когда и каким образом вступил в революционную организацию?

Сакар стоял молча, не понимая, о чем его спрашивает полицейский.

— Вот он какой упрямый, даже по-черемисски отвечать не хочет. Настоящий заговорщик! — Тагановский встал из-за стола и подошел вплотную к Сакару.— Будешь отвечать или нет?

Сакар растерянно поморгал глазами и опять ничего не ответил.

— Ах ты, сукин сын! Издеваться надумал надо мною! Я тебя проучу! — Тагановский ударил Сакара кулаком в лицо. У Сакара из носа брызнула кровь. Но он не почувствовал боли. Как тогда, в драке на лесной дороге, горячая кровь ударила ему в голову, не помня себя он бросился на следователя. Он смял бы, изувечил Тагановского, но тут его схватили стражники.

— В карцер! — хрипло прокричал следователь.

Сакара отвели назад, в тюрьму, и втолкнули в темную камеру.

Валерий Викторович остался доволен допросом. «Нападение на следователя,— размышлял он,— это не пустяк. Теперь надо постараться, чтобы о нападении и его, Тагановского, геройском поведении узнало как можно больше людей».

Тагановскому уже представлялось, как он становится героем Царевококшайска, как его подвиг прославляют в Казани. Вот слухи о нем доходят до Петербурга. А потом — слава, повышение в чине! Обязательно — повышение в чине!

...Камера, в которую посадили Сакара, была маленькой и тесной: ни встать во весь рост, ни лечь, растянувшись. Есть дают только хлеб и воду. На еду Сакар не сетовал, на охоте, бывало, он по целым неделям ел один хлеб. Тяжелее всего было сидеть взаперти. Сакар привык бродить по лесам, куда глаза глядят, привык к чистому лесному воздуху, а тут от одной здешней сырой и спертой вони можно заболеть.

Кроме того, уж больно орут стражники за дверью, ругаются, что ли? Давеча один залез в чулан и ни с того ни с сего — как ударит по уху. Сакар хотел дать сдачи, вскочил, да только стукнулся головой о потолок.

Понимает Сакар, что не сладить ему с людьми, которые держат его в тюрьме. Он подумал, что, наверное, во всем мире нет сейчас человека несчастнее его. И зачем его так мучают? Кому и что он сделал плохого?

Сакар заплакал, как маленький.

Иван Максимович Иванов учительствует в Тумеръяле вот уже шесть лет. За эти годы он развел при школе довольно большой сад: яблони, вишни, смородина, малина, есть даже две грядки клубники. Под яблонями стоят штук двадцать ульев. Пчелы приносят Ивану Максимовичу хороший доход: сто двадцать рублей в год — заметное подспорье к учительскому жалованью. Иван Максимович выписывает «Биржевые ведомости» и «Вестник знания». У него имеется приличная библиотека по педагогике: сочинения Ушинского, Яна Амоса Коменского, Песталоцци.

Иван Максимович считается одним из лучших учителей в Аркамбальской волости, школьный инспектор постоянно ставит его в пример другим. За шесть лет Иван Максимович был трижды отмечен наградами.

Среди жителей Тумеръяла Иван Максимович пользуется любовью и уважением. Крестьяне часто приходят к нему спросить совета в чем-нибудь, касающемся садоводства или пчеловодства, и он никогда не отказывает: кому сделает на яблоне прививку, кого научит, как надо из колоды перевести пчелиный рой в улей, иным объяснит, как варить варенье из малины. Иван Максимович понимает и в огородном деле, и в уходе за скотом — в общем, о чем его ни спросят, на все может дать дельный совет.

Вот на этого самого Ивана Максимовича Иванова и велел написать становой пристав Григорию Петровичу характеристику.

От Аркамбала до Тумеръяла верст шесть. Из них почти полторы версты дорога идет через большую рощу. В роще мало хвойных деревьев, здесь растут дубы, клены, липы, между которыми темнеют заросли черемухи, орешника, жимолости, бересклета, кое-где виднеются кусты шиповника и бузины. Весной и летом аркамбальские парни и девушки ходят в эту рощу слушать соловьев.

После петрова дня соловьи поют уже мало, умолкают и другие птицы. Сейчас в роще звучит другая симфония: многочисленные комары, мошки и прочие крылатые насекомые пищат на разные голоса, и над головой все время стоит их монотонное жужжанье.

Григорий Петрович и Чачи остановились на поворо-

те дороги, в глубь леса отходила тропинка. Они свернули на тропинку. Вскоре деревья поредели. Григорий Петрович и Чачи вышли на опушку леса.

Перед ними был пологий склон. У их ног из каменной расщелины бил чистый, серебристый родник, и прозрачная вода, перепрыгивая с камня на камень, весело сбегала вниз, в озеро, которое голубело у подножья. Возле озера, среди кустарника, виднелась пасека со старинными ульями-колодами...

Склон, к которому вышли Григорий Петрович и Чачи, был обращен на северную сторону, поэтому здесь обычно долго задерживался снег, а в иных местах, в овражках, держался чуть ли не до петрова дня. Здесь позже распускалась листва на деревьях, позднее начинала расти трава, а цветы расцветали лишь после петровок. Вдали зеленело овсяное поле, кое-где уже начинавшее золотиться. Полосы цветущей гречихи белели, словно запорошенные белым снегом, и ветер разносил их медвяный аромат.

А за рекой, над зеленеющим бескрайним лесом, дрожал, поднимаясь в голубое небо, нагретый воздух.

Григорий Петрович обнял Чачи за плечи. Они сели на траву на краю склона.

— Посмотри, Чачи, какая красота! Здесь самое красивое место в нашей округе.

— Очень красиво,— согласилась Чачи.

— И день хороший, и природа великолепная!

— В такое время только жить и радоваться.

— Да, Чачи, в такое время жить бы да жить. Наша с тобой жизнь вся впереди. Но люди со змеиными душами не дают нам свободно дышать... Богатства, которые дарует нам природа, очень велики, всем хватило бы...

Ярко блистало солнце, бесконечно прекрасна была картина, открывшаяся взору — любуйся, наслаждайся! Но на душе у Григория Петровича было тяжело.

Ему вспомнилось одно стихотворение Вейнберга. Глядя на нарядную, словно молодая девушка, природу, он начал читать вслух запомнившиеся ему стихи.

Ликует и блещет природа в одежде зеленой,
В ней щедро разлиты красоты роскошного лета,
В ней столько сокровищ, тепла и лазурного света!
Но странное дело!— в такую чудесную пору

Тоскливо и тщетно дыхание ищет простору,
Свинцовая тяжесть ложится на душу сурово,
На сжатых губах замирает свободное слово.
И слышится уху — какие-то гадкие крики
Несутся отвсюду, зловещи, отчаянны, дики,
И видится глазу — какие-то гадкие люди
Хохочут и топчут высокие мощные груди,
И губят, и давят, и—черствы, заносчивы, тупы—
С проклятием грозным садятся на бедные трупы.
А лето ликует и блещет в одежде зеленой...

Чачи не понимала стихов, которые читал Григорий Петрович, но сердцем почувствовала в голосе любимого тоску, уловила слова проклятья...

— Хорошо написано?— спросил Григорий Петрович.

— Очень хорошо.

Сами не замечая того, Григорий Петрович и Чачи отвечали каждый на свои мысли, но они понимали друг друга, потому что думали об одном.

Григорий Петрович с радостной улыбкой посмотрел на Чачи, потом перевел взгляд на зеленеющие за Элнетом леса. Среди леса, ближе к реке, едва заметная для невнимательного взгляда, выделялась одна вырубленная делянка. Это была знакомая Григорию Петровичу картина, раньше и он нанимался к Хохрякову валить лес.

Григорий Петрович повернулся к Чачи и, переводя на марийский язык, стал читать стихотворение Галиной «Лес рубят...»:

Лес рубят — молодой, зеленый, нежный лес...
А сосны старые понурились угрюмо
И, полны тягостной неразрешимой думы,
Безмолвные, глядят в немую даль небес...
Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел?
Что на заре будил уснувшую природу?
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?
Лес рубят... Но земля укроет семена;
Пройдут года и мощной жизни силой
Поднимется берез зеленая стена —
И снова зашумит над братскою могилой!..

Эти стихи очень понравились Чачи, и ей захотелось тоже рассказать Григорию Петровичу что-нибудь такое же красивое. Но она не знала стихов. Зато она наслушалась на смолокурне много разных сказок, тоже очень интересных и красивых.

— Гриша, я тебе что-то хочу рассказать... — робко проговорила она.

— Что, Чачи?

— А ты не станешь смеяться?

— Нет, не стану.

— Я тебе одну сказку расскажу... Ладно?

— Расскажи, Чачи.

3

Вот какую сказку рассказала Чачи.

Давным-давно жил в избушке на краю леса один мужик. Было у него двое детей — сын и дочь-красавица.

Жили они жили, состарился мужик. Позвал он сына и говорит:

— Я умираю, и вот тебе мое завещание: сестра твоя уже невеста, выдай ее за того, кто первый посватается.

Сказал и умер.

Остались сестра с братом жить вдвоем. Прошло немного времени, прилетает одноглавый Змей Горыныч.

— Выдашь за меня сестру? — спрашивает он брата.

Тому не хотелось выдавать сестру за змея, но он не посмел нарушить отцовское завещание и согласился.

Улетел змей, унес сестру. Остался парень один. Живет-поживает, а сам все время думает: «Как-то там моя милая сестра, жива ли она?» И решил брат проведать сестру. Заколотил избушку и пошел.

Долго ли, коротко ли он шел, только дошел до дремучего леса. Возле того леса стоит на горе золотой дворец и сверкает, как солнце.

Вошел парень во дворец, а там сидит его сестра одна-одинешенька. Обрадовалась она брату, накормила, напоила его, стала расспрашивать, как он живет.

Вдруг зашумело вдали.

— Змей летит! — говорит сестра. — Прячься скорей в чулан!

Только успела сестра спрятать брата, как прилетел змей. Раздул он ноздри и спрашивает:

— Почему у нас человечьим духом пахнет?

— Ты летал среди людей, нанюхался человеческого духа, поэтому он тебе всюду мерещится. А раз уж к слову пришлось, скажи, муженек, как поживает мой брат? Ты везде летаешь, небось бывал и в наших краях.

— Пролетал я сегодня над его избой. Только брата твоего дома нет: дверь и окна заколочены.

— Если бы мой брат сюда пришел, что бы ты с ним сделал?

— Если первый раз придет — гостем будет, а второй раз придет — съем его.

— Он здесь.

— Коли так, пусть выходит.

Привела сестра брата. Устроил змей большой праздник, шесть дней пили, ели, и музыка играла.

На седьмой день говорит змей своей жене:

— Ну, пора твоему брату уходить, а то очень уж хочется мне его съесть. Боюсь, не вытерплю.

— Скучно моему брату жить одному. Не знаешь ли ты, где найти ему подходящую невесту?

— Знать-то знаю, да только нелегко ему будет на ней жениться. Но пусть попробует. Сумеет взять ее в жены — его счастье, а не сумеет — пропадет. Больше я ничего не скажу. Дай ему еды на дорогу, а еще отдай вот эту коробочку. Пусть откроет ее в трудный час...

Собрала сестра брата в дорогу и проводила его.

Долго шел парень через дремучий лес. Но вот деревья стали редеть, и он увидел на горе серебряный дворец. Подошел он ко дворцу, видит, сидит у раскрытого окна девушка, очень красивая. Решил парень к ней посвататься и спрашивает:

— Можно к тебе зайти?

— Заходи,— отвечает красавица.

Но только лишь парень открыл ворота, как слуги красавицы схватили его и потащили в темницу. Так она поступала со всеми, кто приходил к ней свататься. Было у нее семьдесят семь темниц. В одну из них и бросили парня.

— Заприте его крепко-накрепко!— приказала девушка.

Сидит парень в темнице день, сидит другой. Никто к нему не приходит. Всю еду, что дала ему сестра на дорогу, он съел, и стал его мучить голод. Тяжело у парня на душе, не знает, как ему быть. Тут вспомнил он о коробочке, которую дал ему змей.

«Дай-ка открою»,— подумал парень.

Открыл он коробочку, и полилась оттуда такая прекрасная музыка, какой никто на свете не слыхивал. И тотчас же все во дворце пустились в пляс.

И девушка-красавица, как ни старалась, не смогла удержаться, принялась плясать. Стала она искать, откуда звучит музыка, и так, приплясывая, дошла до темницы, где сидел парень. Открыла девушка темницу и говорит:

— Перестань играть! Что прикажешь — все сделаю, что попросишь — все отдам!

— Выйдешь за меня замуж?

— Нет!

— Ну, тогда попляши еще.

Прошло немного времени, снова просит красавица:

— Перестань играть!

— Выйдешь за меня замуж?

— Нет!

— Ну, тогда попляши еще.

Совсем выбилась из сил девушка, взмолилась:

— Не могу больше! Перестань играть!

— Выйдешь за меня замуж?

— Выйду, только перестань.

Прикрыл парень свою коробочку, и сразу музыка перестала играть.

Все, кто плясал, остановились и повалились на пол без сил.

А красавице парень не дал упасть, подхватил он ее на руки и отнес во дворец.

Говорит ему девушка:

— Ну, парень, одолел ты меня. Я стану твоей женой. Теперь ты хозяин этого дворца. Вот тебе ключи, иди и выпусти из темниц всех, кто там сидит. Только смотри не открывай темницу с железной дверью.

Взял парень ключи и пошел открывать темницы. Выпустил он всех женихов, истомившихся в неволе, и те, еле-еле переставляя ноги, поплелись по домам.

Осталась закрытой лишь темница с железной дверью.

«Почему нельзя ее открывать?— подумал парень.— Открою-ка я эту дверь и посмотрю, что будет».

Открыл парень железную дверь. Видит — лежит в темнице трехголовый змей, прикованный цепями к стене.

— Ну, парень,— говорит змей.— Ты — настоящий богатырь! Одолел красавицу. А меня она вот уже три года в цепях держит... Принеси мне кусок хлеба и ковш воды, я твоей доброты вовек не забуду.

Видит парень, змей отощал совсем, еле дышит. Пожалел он змея, принес ему кусок хлеба и ковш воды.

Проглотил змей хлеб, выпил воду и говорит:

— Спасибо тебе, парень, вернул ты мне мою силу. Прощай!

Тряхнул змей цепями, и они разорвались, словно гнилые нитки. Вихрем вылетел он из темницы, ворвался во дворец, схватил красавицу, взвился с ней под облака и скрылся из виду.

Загоревал парень. «Зачем, думает, я ее не послушался и открыл железную дверь?..»

Слезами горю не поможешь. Вывел парень из конюшни самого лучшего гнедого коня, вскочил на него и поехал разыскивать свою невесту.

Ехал он, ехал, может, неделю, а может, и год — наконец лес начал редеть и видит парень: стоит на горе дворец и сверкает он, как яркая звезда. Вошел он во дворец, а там сидит его невеста одна-одинешенька и плачет-заливается горючими слезами.

Увидела она парня, обрадовалась.

— Как ты меня нашел?

— Так и нашел. Поедем скорее домой.

Вывел он из конюшни коня, посадил на него свою невесту, и они поскакали домой.

Как только они скрылись в лесу, вернулся трехголовый змей. Смотрит — нет девушки.

— Где она?— спрашивает он у бабы-яги.

— Ее парень увез.

— Ну, далеко не уедут,— сказал змей.— Подай мне обед.

Пообедал змей и лег спать. Выспался хорошенько, а когда проснулся, приказал бабе-яге истопить баню. Попарился вволю, поел еще раз и говорит:

— Ну, теперь можно трогаться в путь.

Сел он верхом на пегую кобылу и поскакал догонять беглецов. Те еще и полдороги не проехали, как догнал их змей, убил парня, тело затолкал в мешок, а мешок привязал к седлу гнедого коня. Девушку опять повез к себе.

Долго скакал гнедой конь по лесу и доскакал до золотого дворца, в котором жила сестра парня.

Остановился конь под окном и заржал. Выглянула сестра в окно, увидала коня с мешком на седле, и защемило у нее сердце, почувствовала она недоброе.

Выбежала из дворца, развязала мешок, а там ее брат — мертвый.

Долго плакала сестра, потом взяла тело брата и отнесла в погреб. Под вечер вернулся ее муж. Она накормила, напоила его и говорит:

— Дорогой мой муженек, ты летаешь по белу свету, все ты видишь, все ты слышишь, все ты знаешь. А вот знаешь ли ты, как можно оживить мертвого?

— Если человек умер от старости, его нельзя оживить, а если умер раньше времени, то можно.

— Как же это делается?

— По ту сторону горы из камней бьет живой ключ. Если побрызгать на мертвого ключевой водой, он сразу же оживет.

Как только змей уснул, жена побежала за ключевой водой. Побрызгала она той водой на брата, и он сразу открыл глаза.

— Уф-ф! — говорит. — Что это я так долго спал?

Встал на ноги и тут же вспомнил все, что с ним приключилось. Рассказал он обо всем сестре, а та и говорит:

— Ты сиди пока тут, не то змей тебя съест. А я выведаю у него, чем помочь твоему горю.

Вернулась она во дворец, а змей уже проснулся, за столом сидит.

— Где ты ходишь? Я есть хочу.

Жена уставила стол яствами. Стала потчевать змея сладким вином, угощать его разными кушаньями.

Захмелел змей, а жена ему все подливает и подливает вина. Когда глаза у него помутнели, она у него спросила:

— Знаешь ли ты трехголового змея?

— Как не знать! Ведь он мой старший брат. Почему ты про него спрашиваешь?

— Да так... Что же твой брат никогда к нам в гости не придет?

— Он в темнице на цепи сидит.

— Нет, он теперь на свободе.

— А ты откуда знаешь?

— Мой брат проезжал мимо, сказал об этом.

— Давно проезжал?

— Недавно.

— Эх, лень мне из-за стола встать, не то догнал бы

его и съел... Раз трехголовый змей на свободе, значит, не твоему брату, а ему досталась девушка-красавица?

— Ему.

— От моего брата ее никому не увезти, потому что ни у кого на свете нет коня быстрее, чем у него. Правда, есть такой конь у моей сестры-ведьмы, да не умеет она за ним ухаживать, стоит он у нее в конюшне больной да тощий, весь в струпьях да болячках. Некому на нем ездить — сыновей у нее нет, есть только двенадцать дочерей.

— Тогда купи у нее этого коня.

— Она не продаст.

— А зачем он ей?

— Тешить свою ведьмину душу. Этим конем она погубила не одного человека.

Сказал так змей и заснул крепким сном. А его жена пошла к брату и все ему рассказала.

Стал брат собираться в путь:

— Я достану этого коня!

Сестра дала ему на дорогу и хлеба, и масла, и яиц, и мяса, и меду.

Попрощались они, и пошел парень по дороге. Шел он, шел, видит, лежит у дороги медведь.

— Ты чего, медведь, здесь лежишь?

— Ходил далеко, совсем из сил выбился,— ответил медведь.— Не дашь ли ты мне кусок хлеба?

Парень дал медведю целый каравай.

— Спасибо тебе, добрый человек. Возьми мою шерстинку, если я тебе понадоблюсь, подпали ее.

Взял парень шерстинку, поблагодарил медведя и пошел дальше. Шел он, шел, видит, лежит на дороге рак и даже усами пошевелить не может.

— Ты чего, рак, здесь лежишь?

— Ползал далеко, совсем из сил выбился. Нет ли у тебя хоть кусочка мяса?

Парень дал раку большой кусок мяса.

— Спасибо тебе, добрый человек. Возьми кончик моей клешни. Если я тебе понадоблюсь, подпали ее.

Взял парень кончик клешни, поблагодарил рака и пошел дальше. Шел он, шел, видит, лежит у дороги пчела и даже крылышками не машет.

— Ты чего, пчелка, тут лежишь?

— Летала далеко, совсем из сил выбилась. Не дашь ли мне капельку меда?

Дал ей парень целую ложку меда.

— Спасибо тебе, добрый человек. Возьми кончик моего крыла. Если я тебе понадоблюсь, подпали его.

Взял парень кончик крыла, поблагодарил пчелу и пошел дальше. Шел он, шел, лес начал редеть. Вышел парень на берег реки. На том берегу стоит полуразвалившийся дом, вокруг дома колья торчат, на них человеческие черепа насажены.

Навстречу вышла дряхлая старуха.

— Ты зачем сюда пришел?

— Работу ищу.

— Нанимайся ко мне лошадей пасти. Договоримся так: если три дня упасешь, ты отрубишь мне голову, если же пропадет хоть одна — я тебе отрублю.

Поглядел парень на черепа, насаженные на колья, и мороз пробежал по его спине.

«Будь что будет»,— решил он и сказал:

— Согласен! Где твои лошади?

— Ну, гляди, парень: вернешься хотя бы без одной, насажу твою голову на кол. А пока отдыхай до утра.

У ведьмы не было ни одной лошади, кроме того, покрытого коростой быстрого конька, поэтому она превратила в лошадей своих двенадцать дочек и наказала им не возвращаться завтра домой.

Утром ведьма приказала парню:

— Открывай ворота!

Открыл парень ворота, двенадцать лошадей вихрем промчались мимо него и скрылись в лесу, только он их и видел.

Бродил, бродил парень по лесу, ни одной лошади не нашел. А солнце вот-вот за лес закатится.

Сел парень на пенек, призадумался. Вдруг вспомнил про медведя. Достал медвежью шерстинку, высек огнивом искру, разжег трут и подпалил шерстинку.

Откуда ни возьмись, появился медведь:

— Зачем я тебе надобен, добрый человек?

Рассказал ему парень о своем горе.

— Не печалься, иди к ведьме, лошади будут дома раньше тебя.

А этот медведь был медвежьим царем. Приказал он всем медведям выгнать лошадей из лесу.

Не успел парень дойти до ворот, как из лесу выскочили перепуганные лошади, вихрем пронеслись мимо него, вбежали во двор и забились под навес.

— Зачем вернулись?— зашипела на них ведьма.

— На нас в лесу медведи напали, чуть не разорвали.

А тут как раз и парень возвратился.

— Трудно ли было пасти лошадей?— спросила ведьма.

— Очень легко,— ответил он.

Назавтра только парень успел открыть ворота, лошади вихрем пронеслись мимо него и нырнули в реку, только он их и видел.

Парень ходил, ходил вдоль берега, уж солнце стало садиться, а лошадей все нет. Сел он на камень, призадумался. Вдруг вспомнил он про рака. Достал кончик клешни и подпалил его.

Откуда ни возьмись, приполз рак.

— Зачем я тебе надобен, добрый человек?

Парень рассказал ему о своем горе.

— Не печалься, ступай к ведьме.

Этот рак был царем раков. Приказал он ракам выгнать лошадей из реки.

Не успел парень и полпути пройти, как из реки выскочили обезумевшие лошади, вихрем пронеслись мимо него, вбежали во двор и спрятались под навес.

— Зачем вернулись?— закричала на них ведьма.— Погубите вы мою голову!

— Нас в реке раки защипали.

Тут пришел парень.

— Ну как, трудно ли было пасти лошадей?— спросила ведьма.

— Очень легко,— ответил тот.

На третий день, только парень успел открыть ворота, как лошади вихрем пронеслись мимо него, взлетели под небеса, только он их и видел.

Парень ходил, ходил по полю, уж и солнце вот-вот закатится, а лошадей все нет. Сел парень на землю, призадумался. Вдруг вспомнил про пчелу. Достал кончик пчелиного крыла и подпалил его.

Откуда ни возьмись, прилетела пчела:

— Зачем я тебе надобна, добрый человек?

Рассказал ей парень о своем горе.

— Не печалься, ступай домой. Все будет хорошо.

Пчела улетела. А эта пчела была пчелиной царицей. Она приказала своим подданным отыскать на небе лошадей и пригнать к ведьме во двор.

Пчелы взвились в небо, нашли лошадей и принялись их жалить. Лошади, обезумев от боли, понеслись вихрем, вбежали во двор и забились под навес.

Увидев их, выбежала из дома ведьма, закричала на дочерей:

— Зачем вы, негодницы, домой вернулись? Теперь пропала моя голова!

— Налетели на нас тучи пчел, зажалили чуть не до смерти. Не могли мы стерпеть.

— Ну, быстро прячьтесь!

Только дочери спрятались, возвратился парень.

— Легко ли было пасти моих лошадей?— спрашивает ведьма.

— Очень легко,— отвечает парень.— Ну, бабушка, я свое слово сдержал, теперь ты свое держи, клади голову на колоду.

— Не руби, парень, мою голову, проси, что хочешь — все тебе дам.

— Если тебе жаль своей головы, то отдай мне шелудивого конька.

Ведьма свистнула, в мгновенье ока перед парнем появилось двенадцать лошадей, одна другой лучше, одна другой красивей.

— Зачем тебе этот паршивый конек? Бери любую из двенадцати, какая по душе придется.

— Не нужна мне ни одна из них, отдай мне шелудивого конька.

— Нет, конька не отдам.

— Тогда клади голову на плаху.

Спорили они, спорили, наконец ведьма видит, что парень крепко стоит на своем, и отдала ему шелудивого конька.

Вывел парень конька из конюшни и повел к реке. Там он его вымыл, вычистил, помазал раны маслом.

Пошел парень дальше своей дорогой и конька повел в поводу. Шли они, шли — путь неблизкий, по дороге спали с конька все струпья и вся короста. Тогда сел парень на конька, и понес его конек, словно птица.

Подскакали они к сверкающему золотом дворцу. Тут конек заговорил по-человечьи:

— Много лет я служил змеиному роду, ни разу меня не мыли, не чистили, только довели до болезни. А ты пожалел меня, вылечил. Спасибо тебе, парень. Теперь и я сослужу тебе службу, дам совет. Ты сразу

во дворец не иди, поскачем вон к той горе. Там, на вершине горы, растет высокий дуб. В дубе есть дупло, в том дупле — ларец, в ларце — золотое яйцо, в том яйце — змеиная душа. Разобьешь яйцо — умрет трехголовый змей. Все пути-дороги к дубу охраняет разная нечисть, но ты ничего не бойся, иди и добудь ларец.

— Спасибо за добрый совет,— поблагодарил парень.— Вези меня к этой горе.

Привез конек парня прямо к дубу. А там полно всякой нечисти: вокруг дуба обвилась гремучая змея, протянула к парню голову, раскрыла пасть, высунула жало — шипит, грозится ужалить. На суку сидит большой кот, глаза у него, как огонь, сверкают. Над дубом летают какие-то крылатые страшилища, кружат совы...

— Не бойся!— подбадривал парня конек.

Поднял парень с земли увесистую дубинку, разогнал всю нечисть, залез на дуб и достал из дупла заветный ларец.

Снова взвился над землей конек и в одно мгновенье доставил парня к дворцу.

Парень открыл ларец, достал оттуда золотое яйцо и, держа яйцо в руках, вошел во дворец.

Приходит он в палату трехголового змея и видит, лежит змей на перине и еле дышит. А возле него— ведьма.

— Что с тобой, братец?—спрашивает ведьма змея.

— Неможется мне сегодня, сестрица,— отвечает тот.

— Сегодня пришел тебе конец!— громко крикнул парень.

Собрав силы, приподнялся змей с перины. Но парень разбил яйцо, и змей упал. В разбитом яйце был голый мышонок. Это и была душа змея. Парень двумя пальцами задушил мышонка, змей тут же издох и лапы задрал вверх.

— Что ты наделал?— закричала ведьма.

— Пошла вон отсюда!— прикрикнул на нее парень.— Нет больше вам, всякой нечисти, здесь места!

Ведьма исчезла. Парень выкинул дохлого змея за окно во двор. Тут набежали откуда-то собаки и свиньи и мигом сожрали змея.

А парень отправился искать свою невесту. Долго искал, нашел в самой дальней комнате.

— Я убил трехголового змея,— сказал он,— теперь можно ехать домой.

— Коли так, поехали,— отвечает невеста.— Только нам надо забрать с собой этот дворец.

— Как же его возьмешь?

— А вот смотри.

Они вышли во двор. Девушка расстелила на земле белый носовой платочек. Вдруг дворец стал уменьшаться и вскоре сделался с лесной орех. Девушка завернула его в платочек и положила в карман.

Сел парень на своего конька, девушка — на коня трехголового змея, и отправились они в путь.

Приехали они ко дворцу этой девушки, тут парень сказал своему коньку:

— Убил я трехголового змея, а у одноглавого змея живет-томится моя сестра. Как бы нам ее спасти?

— Можно,— отвечает конек.— Спасем и ее.

Девушка завернула в платочек свой дворец, и поскакали они спасать сестру парня.

Приехали они во дворец одноглавого змея.

— Сестра, поедем домой,— говорит парень.

— Очень хочется мне домой,— отвечает сестра,— да боюсь змея.

— Не бойся, поехали.

Уговорил парень ее, завернули они и этот дворец в платочек, села сестра на лошадь одноглавого змея, и заторопились они домой.

Ехали они, ехали, вдруг слышат вдалеке шум и гром.

— Уж не змей ли гонится за нами?— спрашивает парень у конька.

— Змей,— отвечает конек.

— Что же нам делать?

— Не беспокойся, мы, кони, сами с ним справимся, а вы отойдите в сторону.

Слезли парень, его невеста и его сестра с лошадей и спрятались в кустах. Прилетел змей верхом на коне. Конь копытами бьет — готов всех затоптать. Увидев на дороге лошадей, он остановился.

Стали лошади разговаривать на своем языке.

— Зачем нам служить змеям?— говорили они.— Лучше послужим этому парню. Он добрый, нашего меньшого брата вылечил.

Тогда сбросил конь одноглавого змея на землю и растоптал копытами,

Так погиб змей, и с тех пор перевелись змеи-горынычи на земле.

Парень с девушкой вскоре сыграли свадьбу, и сестра тоже вышла замуж за хорошего человека. И стали они жить-поживать в тех дворцах, что привезли в платочках. А кони служили им верой и правдой...

Григорий Петрович с интересом слушал сказку и, когда Чачи кончила рассказывать, подумал: «Нет, не перевелся на земле змеиный род: и земский начальник, и становой пристав, и Панкрат Иванович, и Чужган — все они — настоящие змеи-горынычи... Как нам спастись от них?..»

4

Григорий Петрович и Чачи пришли в Тумеръял уже за полдень. Иван Максимович работал в саду, на пчельнике. Гостей встретила его жена Зинаида Васильевна.

— Заходите, заходите, Григорий Петрович!— еще издали заметив их, позвала она.

— Добрый день, Зинаида Васильевна!— Григорий Петрович приподнял картуз.— Иван Максимович дома?

— Дома. Он в саду с пчелами возится. А кто это с вами?— спросила Зинаида Васильевна, с любопытством глядя на Чачи.

— Извините, Зинаида Васильевна. Я совсем упустил из виду и не познакомил вас. Это моя жена, прошу любить и жаловать. Ваши советы будут ей очень полезны. Вас, Зинаида Васильевна, многим женам можно поставить в пример.

— Каким вы стали кавалером, Григорий Петрович, даже комплиментам научились!

— Это вовсе не комплименты. Я действительно хочу, чтобы Чачи поучилась у вас, как надо вести хозяйство.

— Что ж, если вы так настаиваете, будь по-вашему. Учиться так учиться, плохому мы не научим.

Зинаида Васильевна, обняв Чачи за плечи, повела ее в дом.

Григория Петровича порадовало, что Зинаида Васильевна так приветливо встретила Чачи.

— Хвалю, хвалю вашу решительность,— говорила Зинаида Васильевна Григорию Петровичу.— Вы поступили как герой. Мы тут уже слышали про вас...

Слова Зинаиды Васильевны, словно острым железом, больно царапнули Григория Петровича по сердцу.

«Герой!..— подумал он.— Эх, Зинаида Васильевна, если бы вы только знали, какой ценой мне удалось вызволить Чачи! Если бы вы знали, ради чего я пришел сегодня к вам, то вряд ли вы разговаривали бы со мной так ласково».

— Садитесь отдохните,— продолжала Зинаида Васильевна.— Иван Максимович скоро закончит свое дело, ему осталось осмотреть всего несколько ульев.

— Да нет, не стоит ему из-за меня прерывать работу, я лучше сам пойду к нему на пасеку. Дайте, пожалуйста, сетку.

Зинаида Васильевна дала Григорию Петровичу защитную сетку. Выходя из дома, Григорий Петрович в дверях обернулся. Зинаида Васильевна уже что-то говорила Чачи.

— Ступайте, ступайте,— улыбнулась Зинаида Васильевна.— У нас тут свои, женские, секреты. Мужчинам их не следует знать.

Когда Григорий Петрович вышел из дома, Зинаида Васильевна спросила Чачи:

— Ты, наверное, очень перепугалась, когда пришли урядник и стражники?

— Думала, умру от страха,— вздохнула Чачи.

Зинаида Васильевна с сочувствием погладила ее по плечу.

— Ну, ничего, теперь все позади. Ты лучше думай о будущем. Тебе будет хорошо, Григорий Петрович очень славный человек.

Зашумел самовар. Зинаида Васильевна стала собирать на стол. Чачи приглядывалась, стараясь запомнить, что делает Зинаида Васильевна, как расставляет посуду.

Вскоре в дом возвратились Иван Максимович и Григорий Петрович.

— Вот возьми, Зина, вырежь соты,— сказал Иван Максимович, подавая жене раму.

— А ты пока сходи переоденься, у тебя и руки, и лицо, и одежда — все грязное.

— Ну, уж извините, Зинаида Васильевна, это не грязь, а самый великолепный мед,— улыбнувшись, возразил Иван Максимович.— Но, впрочем, я не имею ничего против того, чтобы умыться и переодеться.

Иван Максимович вышел в другую комнату. Зинаида Васильевна повернулась к Григорию Петровичу:

— Григорий Петрович, вам сколько лет?

— На спас будет двадцать.

— Значит, вам еще только предстоит призываться...

— Да, еще только предстоит... Вы этим хотите сказать, что я слишком молод, чтобы жениться?

— Нет, я имела в виду совсем не это. Меня беспокоит... Вы читали последние газеты?

— Конечно, стыдно, но вынужден признаться: в эти дни я газет даже в руки не брал...

Зинаида Васильевна протянула Григорию Петровичу газету.

Ему сразу же бросился в глаза крупный заголовок на первой странице: «Австрийский ультиматум Сербии».

Зинаида Васильевна показывала Чачи свое хозяйство. Переодевшись, вернулся Иван Максимович.

— Теперь можно и за руку поздороваться,— подал он руку Чачи.— Как поживаете?

— Спасибо, ничего...

— Прошу за стол!— позвала Зинаида Васильевна.

— Что же это такое? Неужели Австрия начнет против Сербии войну?— сказал Григорий Петрович, складывая газету.— Австрия ставит Сербии явно провокационные условия.

— По-моему, в эту войну будет втянута вся Европа,— задумчиво ответил Иван Максимович.

— Неужели и Россия будет воевать?

— По всей видимости. Россия обязана будет выступить против Австро-Венгрии, Австрию поддержит Германия, Россию — Франция и Англия...

— Какой же страшной будет эта война!

— Крови прольется немало...

— И марийцев заставят воевать, неизвестно за что и за кого...

— Война не нужна никому: ни русским, ни другому какому народу...

— Ну, уж русских нельзя сравнивать с марийцами: для них Россия — родина, для нас — угнетатель.

— В Российской империи хорошо только богачам, какой бы национальности они ни были, а трудящемуся человеку, русскому или марийцу, жить одинаково плохо.

— Ну, хватит, хватит,— перебила мужа Зинаида Васильевна.— Хватит спорить, войны-то нет...

— Пока еще нет войны, но она может разразиться в любую минуту,— сказал Иван Максимович.

— Иван Максимович, как вы думаете, если начнется война, то царская власть удержится?

— Скорее всего, русские войска будут биты так же, как и в японскую войну. Безусловно, эта война окончится революцией. Уже сейчас бастуют петербургские рабочие, того и гляди, по всей России начнутся крестьянские волнения. Марийский народ тоже начинает освобождаться от векового страха, и у него кончается терпение. События на элнетских лугах показывают, что марийский мужик стал способен на протест.

— Только этот протест дорого обошелся мужикам: один убит, пятеро арестованы. Причем один арестован совершенно ни за что, в бунте он не принимал никакого участия. Тем не менее его до сих пор не освободили и не собираются освобождать.

— Если уж попадешь в руки жандармов, то оттуда вырваться нелегко... У нас тут ходили слухи, что и тебя арестовали.

— Был обыск, но ничего не нашли.

Григорий Петрович встал из-за стола и несколько раз прошелся по комнате.

— Да что вы все об обысках, о жандармах, о революции! Неужели нельзя поговорить ни о чем другом?— воскликнула Зинаида Васильевна.

Она встала и принесла из соседней комнаты гусли, гитару и скрипку.

Звуки музыки наполнили школу. Сначала сыграли несколько русских песен, потом зазвучали марийские мелодии. Чачи слушала музыку, как завороженная...

Чачи и Григорий Петрович вернулись в Аркамбал только к ночи.

Чачи быстро заснула, но Григорий Петрович долго не мог уснуть. Он думал о том, что завтра надо представить становому приставу характеристику Ивана Максимовича. Как же ее писать?

Лишь под утро он забылся коротким беспокойным сном. Проснувшись, Григорий Петрович взглянул на Чачи. Она сладко спала, чему-то безмятежно и доверительно улыбаясь во сне.

«Напишу, пока она спит,— подумал Григорий Петрович и встал с постели.— Напишу все, как было...»

Он начал писать. Григорий Петрович излагал свои мысли и содержание разговоров с Иваном Максимовичем, цитировал его высказывания.

Чачи проснулась, когда он уже заканчивал донос. «Почему он не разбудил меня?— удивилась она.— Ведь надо бы самовар поставить...»

Увидев, что Чачи не спит, Григорий Петрович подошел к ней.

— Хорошо спалось?

— А ты почему так рано встал?

— Какое — рано! Посмотри-ка на часы.

— Ой, господи, ну и проспала же я! Что ж ты меня не разбудил!

— Очень уж сладко ты спала, жалко было будить.

Чачи торопливо оделась и побежала на кухню ставить самовар.

«Будь что будет, позавтракаю и отнесу свою писанину становому,— думал Григорий Петрович.— Раз споткнулся, теперь уж ничего не остается, как только падать. Иначе мне Чачи не спасти...»

Но Григорий Петрович еще сидел за чаем, когда в комнату вбежал Япуш:

— Григорий Петрович, людей в солдаты берут, говорят, война началась!

— Кто говорит?

— На караулке бумагу вывесили. Там написано: мобилизация. Целовальник водкой не торгует и кабак запер.

Григорий Петрович поставил недопитый стакан с чаем, взял в руки написанную им бумагу, перечитал ее и задумался...

С улицы донесся протяжный звон церковного колокола.

Григорий Петрович сложил свое объяснение вчетверо, держа его за угол, чиркнул спичку и поджег. Когда бумага сгорела, он подвинул к себе чистый лист и снова начал писать...

Десятские сгоняли народ в церковь. В церкви уже собрались земский начальник, становой пристав, волостной писарь и прочее местное начальство. Здесь же были и мобилизованные мужики.

Отслужили молебен, прочитали народу царский манифест. В заключение дьякон громогласно провозгласил:

— Христолюбивому победоносному воинству многая-а-а ле-е-та-а-а!

По улицам шумит народ: плач, вой, песни.

Черный ястреб вскричал,
Пришла к людям беда.
На Элнете-реке
Почернела вода.

Все цветы на лугах
Погубил иней злой.
Жеребенок у нас
Уродился хромой.

Но не нужен хромой
Никому, никому.
А мы, знать, родились,
Чтоб уйти на войну.

Были лапти — стоптались,
Да не жалко лаптей.
Нам не жалко себя,
Только жалко детей...

Началась империалистическая война. Пошли марийские мужики, оставив в слезах родных, пошли, понурив головы, воевать, не зная за что, не ведая за кого, не понимая, против кого... Что ни день — тянутся по дорогам от Царевококшайска в Казань толпы мобилизованных.

Молнии блещут, и громы гремят,
Землю натрое разбивая.
Ружья стреляют, и пушки гремят,
Сердце натрое разрывая...

5

Валерий Викторович Тагановский закончил следствие о волнениях на элнетских лугах и снабдил свои выводы соответствующими статьями уголовного кодекса. После этого он отослал дело в Казань, где должны были судить Сакара и всех остальных.

Ранним утром восемь конвойных солдат вывели Сакара, Василия Александровича, Егора и еще двух мужиков из тюремных ворот. На улицах Царевококшайска не было ни души.

Арестантам приказали разобраться по двое, два солдата встали впереди, два — позади, по двое — с каждой стороны, и унтер-офицер скомандовал:

— Шаго-о-ом марш!

Из-за облаков проглянуло солнце. Арестанты шли, опустив головы и поеживаясь от утренней прохлады. Каждый думал о том, что их ожидает впереди...

Сразу за городом начинались леса. Почти шестьдесят верст до деревни Мушмари дорога все время идет по лесу. Возле Царевококшайска леса лиственные, дальше начинается сосняк.

Пять недель, проведенных Сакаром в тюрьме, показались ему бесконечным страшным сном, и теперь, шагая по лесной дороге, он чувствовал, как с каждым вздохом к нему возвращались силы.

Разве есть на свете что-нибудь лучше леса?

Вдруг дорогу перебежал заяц. Душа у Сакара так и рванулась вслед за ним. «Эх, ружье бы сейчас!»

Но у Сакара не было ружья, ружья были у солдат, и не для того, чтобы стрелять по зайцам...

Прошли еще немного. Сакар увидел, как вверх по сосне быстро взбежала белка и скрылась в ветвях. У него перехватило дыхание. «Если юркнуть с дороги в чащобу, успеют солдаты выстрелить или нет?» — подумал он и, обернувшись, посмотрел на идущих сзади него Василия Александровича и Егора.

— Не оглядывайся! — прикрикнул конвойный.

Василий Александрович и Егор шли, глядя под ноги, и, видно, о чем-то думали. Может быть, они тоже думают о побеге?.. Но как бежать? Совсем рядом шагают солдаты, сверкают на солнце штыки... Нет, тут не убежишь...

К ночи арестантов довели до Кундыша. Заночевали в кундышском этапном пункте. Здесь уж они могли наговориться досыта.

Курыктюрский и мюшылтюрский мужики все беспокоились о хозяйстве, об оставшихся без них семьях.

— Как там дома справятся? Кто им теперь полосы засеет? — вздыхали они.

Василий Александрович с Егором говорили о войне, о революции, о предстоящем суде.

— Можно будет считать удачей, если схватим только по три года крепости, — говорил Василий Александ-

рович.— Не будут же нас судить по законам военного времени, как ты думаешь?

— Мне-то вряд ли отвертеться,— ответил Егор.— Я ведь уже судимый, таких-то не очень милуют...

— Хуже всех придется Сакару. Его обвиняют в том, что он пытался убить следователя. Конечно, Сакар просто не сумел сдержаться. Но суд, конечно, постарается придать этому делу политическую окраску, и его будут судить как политического преступника. Судьи уж сумеют повернуть дело так, как это им выгоднее...

— Может быть, удастся устроить Сакару побег?— сказал Егор.— Ему бы только добежать до леса, а в лесу ни один солдат его не поймает...

— Тут убежать — трудное дело... Но, допустим, побег удастся, что он дальше станет делать?

— Как-нибудь проживет в лесу. А суд по законам военного времени, как пить дать, приговорит его к расстрелу. Зря пропадет человек...

— Да, надо бы попробовать, только следует все хорошо обдумать.

— Много раздумывать некогда. Он должен бежать до того, как мы выйдем к портъяльским полям.

Хотя Василий Александрович с Егором вели разговор шепотом, Сакар расслышал его весь, до последнего слова. С этой минуты мысль о побеге не оставляла его больше ни на мгновенье.

Следующую ночь ночевали в селе Большой Шигак. Утром, когда тронулись в путь, начал накрапывать дождь. Потом дождь полил сильнее и возле мюльмарийского холма хлынул как из ведра.

Косые струи били прямо в лицо. Сакар искоса поглядел на шедшего рядом с ним солдата. Солдат чуть поотстал и все отворачивал лицо от дождя.

«Сейчас!— мелькнуло в голове Сакара.— Или спасусь, или пропал!»

Сакар собрал все свои силы и прыгнул в сторону. Миг — и он в лесу. Вслед прогремело несколько выстрелов. Одна пуля просвистела возле самого уха. Сакар бежал сквозь чащу. Три солдата бросились за ним. Но разве догнать им Сакара, который с детства привык пробираться сквозь самую непролазную лесную чащобу.

Сакар с разбега прыгнул в глубокий овраг. Таких оврагов, заросших кустарником, много между мюльмарийским холмом и Элнетом. Солдаты потеряли его из

вида. Они выстрелили еще несколько раз наугад, в кусты, и повернули обратно к дороге...

Заперев остальных четырех арестантов в бане лесника и приказав солдатам хорошенько их стеречь, унтер-офицер возвратился в Пимъялы и послал телеграмму в Царевококшайск.

Сакар бежал и бежал, пока не очутился на берегу Элнета. Давно уже отстала погоня, но ему все казалось, что его преследуют. На берегу он остановился, дальше надо перебираться через реку.

— Чего там раздумывать,— сказал Сакар сам себе,— все равно весь вымок, пойду вброд. Здесь вроде бы неглубоко.

Сакар вошел в холодную воду.

Когда он вышел на противоположный берег, то почувствовал, что совсем замерз. Чтобы согреться, он прибавил шагу. И вдруг — какое счастье!— перед ним лесная смолокурка. Над шалашом вьется дымок.

Сакар остановился в нерешительности: войти или нет? Уйдешь в лес в мокрой одежде — застудишься, окоченеешь; зайдешь в шалаш — кто знает, что там за люди, как бы не попасть из огня да в полымя... «Будь что будет!»— решил он и открыл дверь в шалаш.

Навстречу ему из-под нар выскочила маленькая пегая собачонка и зарычала, оскалив зубы. Сидевший на нарах невысокий старик с трубкой во рту испытующим взглядом окинул Сакара, потом прикрикнул на собачонку:

— Шарка, цыц!

Собачонка залезла обратно под нары, и оттуда послышалось ее тихое ворчанье.

Сакар подошел к огню. Старик скинул с себя верхнюю рубашку и дал ее Сакару:

— Оденъ... А свою одежду сними да высуши...

Старик вышел наружу. Сакар разделся, надел на себя старикову рубаху, свою мокрую одежду развесил на перекладине.

Старик вернулся с охапкой сухих дров. Через минуту в печке заплясало яркое пламя, по шалашу разлилось приятное тепло.

— Тебя бы чайком горячим напоить надо,— сказал старик,— да у меня посуды нет воду вскипятить. Я по

грибы шел, а тут меня дождь прихватил... А ты, сынок, откуда идешь?

Сакар растерялся: врать он не привык, сказать же правду незнакомому человеку побоялся.

— Я издалека... В Сундырь ходил... — глядя на свои голые ноги, тихо ответил Сакар.— Хотел из Кожласолы выйти напрямик к стекольному заводу и заблудился...

Старик внимательно глядел на него, и Сакару стало стыдно. «И зачем я соврал ему? — подумал Сакар.— Плохого, по всему видать, он мне не желает, а хорошее уже сделал — рубаху свою отдал. Если сказать ему правду, может быть, он мне сможет помочь? Вон какие у него добрые глаза...»

И Сакар рассказал старику все: и про то, как он ушел из дому, как попал на элнетские луга, как сидел в тюрьме, как убежал.

Ничего не скрыл Сакар, и когда выложил все, на душе у него как будто легче стало.

— Куда же ты теперь пойдешь, сынок? — ласково спросил старик, когда Сакар кончил свой рассказ.

— Домой пойду. Скажи, где дорога на стекольный завод?

— Подсохнет твоя одежонка, выведу тебя на прямую дорогу. Только, думаю, теперь тебе дома жить нельзя... Искать тебя будут...

Но Сакара совсем не заботило будущее. Он на свободе, в лесу — и больше ему пока ничего не нужно. В лесу он с одним ружьем прокормится.

Подумав о ружье, Сакар горько вздохнул: ружье осталось у стражников. Ничего у него теперь нет — ни ружья, ни лошади. И Яшай небось за такого бедняка теперь дочь не отдаст...

Впрочем, горевал он недолго. «Возьму у Чужгана денег на ружье. Он даст,— размышлял Сакар.— А посчастливится подстрелить пару куниц, куплю жеребенка. Нет, не жеребенка! Куплю трехлетку, чтобы скорее можно было запрягать».

— Сынок, высохла твоя одежда,— прервал его размышления голос старика.

Сакар вздрогнул, словно очнулся ото сна. Дождь перестал. Сквозь дымовое отверстие в шалаш пробился яркий солнечный луч и осветил в углу паутину. Сакар оделся.

— На, сынок, перекуси.— Старик протянул ему краюшку хлеба.

Сакар отломил половину, а половину возвратил старику. Но старик отказался:

— Бери все. В дороге поешь. Мне не надо, моя дорога короткая...

Старик вывел Сакара на дорогу, ведущую к стекольному заводу, и распрощался с ним.

6

Макар Чужган по приписному свидетельству — ратник первого разряда, и ему прислали повестку, чтобы он явился через три дня в Царевококшайск на призывной пункт.

А Макару ой как не хочется идти на войну. Да и Чужганихе жалко своего меньшого. Несмотря ни на что, она любит его больше, чем остальных сыновей. А тут, кто знает, может быть, и не вернется с войны...

— Отец, неужели нельзя оставить Макара дома? — твердила она старику Чужгану.

— Надо поговорить с доктором и с Варламом Яковлевичем,— сказал дед Чужган.—Завтра схожу в Морки.

—С таким делом не ждут до завтра, поезжай сегодня,— не отставала от него Чужганиха.— Поезжай, поезжай...

Но ему не пришлось ехать. Только он вывел из сарая мерина, глядь, во двор заходит сам урядник.

— Здравствуй, Варлам Яковлевич, с чем пришел сегодня?

Урядник подошел к Чужгану и, оглядевшись по сторонам, не прислушивается ли кто, тихо сказал:

— Сакар убежал.

— Кудашнурский? Как убежал?

— Так и убежал. Не слышал, он дома не появлялся?

— Пока не слыхал. Когда же он сбежал-то?

— Вчера вечером. Когда в Казань вели.

— За день он до наших мест добраться не успеет. А если он здесь, так уж наверняка зайдет к деду Левентею. Дома-то ему нечего делать, дом у него заколочен.

— Оказывается, он большой преступник. Изловить

его надо. А ты, Осип Кондратьевич, должен помочь мне в этом деле.

— Ладно, Варлам Яковлевич, помогу тебе изловить Сакара, но и ты помоги мне оставить дома сына.

— Разве Макара Осиповича уже призывают?

— Послезавтра ехать в Царевококшайск.

— Да-а, трудная задача... Ну ладно, подумаем, может, и придумаем что-нибудь. Только сперва надо Сакара поймать.

— Кроме как к Левентею, никуда Сакар не пойдет... Надо Левентея прижать.

В это время кто-то вошел в лавку. Чужган поспешил к покупателю, урядник направился в избу.

В лавке была Левентеиха. Она купила табаку, керосину, полфунта сушек.

— Не знаю, что со мной случилось, ничего в горло не лезет,— приговаривала Левентеиха.— Может, сушек помочу и поем в охотку... Они у тебя мягкие, сушки-то?

— На вид твердые, а в чай опустишь, сами во рту тают,— расхваливал свой товар Чужган.—Бери, не сомневайся... Стары вы с дедом стали, приняли бы кого в дом. Неужели не найдете человека?

— Дед еще зимой хотел Сакара в дом взять, да я уговорила его повременить, думала, сами пока еще с хозяйством управимся... А теперь придется взять.

— Сакар — хороший парень. И охотник хороший. До сих пор о нем ничего не слыхать? — спросил Чужган.

— Нынче утречком вернулся.

— Отпустили?

— Отпустили. На нем же никакой вины нет.

— Хорошо, очень хорошо,— обрадовался Чужган.

Левентеиха поплелась домой, дед Чужган со всех ног бросился в избу.

— Прилетела птичка! — крикнул он с порога уряднику.— Сакар у Левентея.

Добравшись на рассвете до родных мест, Сакар сразу же пошел к деду Левентею. Самого деда дома не было. Наскоро поев, Сакар лег спать и проспал до вечера.

Дед Левентей подумал, что Сакара освободили по мирскому приговору, и поэтому не счел нужным молчать о его возвращении. В мгновенье ока весть о том, что Сакар вернулся, облетела деревню.

Когда Сакар проснулся, Левентеиха уже приготови-

ла овсяную кашу. За ужином Сакар принялся расспрашивать, что произошло в деревне без него. Дед Левентей рассказал про то, как Макар Чужган женился на Чачи. Вдруг в окне показалась голова урядника.

Сакар бросил ложку, выскочил во двор. Но в воротах, загородив выход, уже стоял урядник. Сакар — в огород, но там его поджидали два стражника. Он оглянулся по сторонам: дом деда Левентея окружали люди. Почти все они были лопнурские. Сакар увидел Макара Чужгана. Как ястреб, налетел Сакар на него. В другое время он одной бы рукой отбросил Макара, но теперь он очень ослабел за пять недель, проведенных в тюрьме. Макар, падая, увлек его за собой.

Тут на Сакара навалились стражники, скрутили руки, опутали веревкой. Подбежал урядник, его тяжелый кулак два раза опустился на голову Сакара, стражники несколько раз ударили его прикладами в спину.

Крича и ругаясь, стражники подняли его и повели со двора, подгоняя пинками и кулаками.

Дед Левентей и Левентеиха в оцепенении стояли на крыльце.

Вместе с Варламом Яковлевичем в Морки поехал и дед Чужган.

Вечером урядник привел пьяницу дьячка. Они сидели, пили, Варлам Яковлевич хвастался, как он ловко поймал Сакара.

— Так, значит, поймал? — пьяным голосом говорил дьячок.— Pereat mundus et fiat justitia![1] А вот скажи, Варлам Яковлевич, какая тебе польза с того, что ты его поймал?

— Как какая польза? — удивился урядник.— Наша служба такая, начальство приказало, я и поймал.

— Начальство получит чин, награду, а тебе что дадут? Самое большее — десять рублей, ну двадцать. Да и то еще это на воде вилами писано. А ты, борода,— повернулся дьячок к старику Чужгану,— сколько дашь, чтобы твоего сына дома оставили?

— Триста рублей не пожалею!

— Вишь, какая прорва денег! — подмигнул дьячок уряднику.— Тебе за такие деньги целый год служить. Хочешь получить из них сотню?

— А остальные кому? — спросил Варлам Яковлевич.

---

[1] Да свершится правосудие, хотя бы мир погиб! (*Лат.*)

— Сотня мне за мой ум и совет. Сотня, значит, тебе. И сотня стражникам и прочим, кого требуется подмазать... А ты, Осип Кондратьевич, здорово выгадаешь. Конечно, доктор забракует твоего Макара за сотню. Но война скоро не кончится, потребуют твоего сынка опять на комиссию, и плати еще сотню или больше. Один бог знает, сколько таких комиссий будет. А мы с комиссиями раз и навсегда покончим, отправим твоего сына в солдаты — и все.

— Зачем же тогда деньги платить? — растерянно спросил дед Чужган.

— Испугался? Ха-ха-ха... Не бойся, мы вместо твоего Макара определим в солдаты другого человека.

— Разве можно так сделать!

— Все можно, лишь бы были ум да деньги!

— Чего врешь, теперь нельзя нанимать заменщика,— возразил Варлам Яковлевич.

— Зачем его нанимать? Мы его нанимать не будем. Ты когда отправляешь пойманного арестанта в Царевококшайск?

— Завтра.

— Так вот, ты сам его веди.

— Зачем? Стражники отведут.

— По дороге он опять попытается бежать. Понятно? При попытке к бегству что надо делать? Стрелять. Арестанта пристрелили, труп зарыли в землю — конечно, предварительно составили акт — и дело с концом. Больше про него никто не вспомнит.

— Понятно,— усмехнулся урядник.

— Имя его умрет, а сам он превратится в Макара Чужгана. Ты ему, конечно, должен хорошо втолковать это. Отведешь его в присутствие, скажешь, что, мол, поймал дезертира. Если он что не так станет говорить, объяснишь: он, мол, черемис, по-русски не понимает.

— Так Сакар по-русски ни слова не знает,— вставил дед Чужган.

— Это совсем хорошо! Значит, дело верное. Только ты, Варлам Яковлевич, подбери себе помощников потолковее, а ты, старик, свозишь сына в Царевококшайск для отвода глаз. Когда вернешься, скажешь в деревне, что сына забраковали. Старшего писаря подмажешь, он отметит в бумагах, что твой сын взят в солдаты. Ну, а чтобы соседи молчали, придумаешь сам что-нибудь.

— Они у меня вот где,— сказал дед Чужган и потряс кулаком.

Через неделю Макар вернулся из Царевококшайска. В солдаты его не взяли, забраковали.

А еще через неделю прошел слух, что Сакар снова пытался бежать, да неудачно, и что стражники пристрелили его в ронгинском лесу...

7

Услышав о гибели Сакара, Григорий Петрович в тот день долго ходил по комнате из угла в угол. Смерть Сакара он воспринял как новый укор себе. «Вот и Сакар не захотел терпеть неволи,— думал Григорий Петрович,— и погиб, пытаясь вырваться на свободу...»

В это время сторож принес из волостного правления и отдал Григорию Петровичу два пакета.

Одно письмо было из церковной канцелярии. Григорий Петрович начал с него. «По поручению архиерея была произведена проверка правильности выписки из церковной книги моркинской церкви, выданной Макару Чужгану. Отец благочинный распорядился считать сию выписку действительной...»

Благочинный взял из моркинской церкви книгу, обнаружил, что лист за соответствующее число вырван, и потребовал объяснений от попа. Моркинский поп не помнил, венчал он Макара и Чачи или нет, не мог даже вспомнить их лиц, но, увидев в выписке о венчании свою подпись, сказал, что обвенчал их. Благочинный стал допрашивать пьяницу дьячка, делавшего выписку, но дьячок клялся всеми святыми, что, когда он делал выписку, лист в книге был на месте...

Благочинный сделал внушение настоятелю моркинской церкви за небрежное хранение документов и на этом счел дело поконченным.

Второе письмо было от инспектора.

«Мною получены сведения,— писал инспектор,— что вы, Григорий Петрович, сожительствуете с замужней женщиной. Школьный учитель, воспитатель молодого поколения не имеет права вести подобный распутный образ жизни. Поэтому настоятельно советую немедленно порвать с этой женщиной и выселить ее из школьного помещения. Вас же мы сочли нужным перевести работать в Кугупундыштюрскую школу Арбанской волости.

Получив это письмо, сдайте все школьное имущество законоучителю и тотчас же выезжайте к месту вашей новой службы».

Григорий Петрович загрустил.

— Гриша, что за бумаги ты получил?—ласково спросила Чачи.

— Хотят нас с тобою разлучить. Требуют, чтобы ты вернулась к Макару. Видно, действительно нет на свете правды!

Григорий Петрович объяснил Чачи, что написано в обоих письмах. Чачи испугалась...

— Что же теперь будем делать?

Григорий Петрович не успел ничего ответить: в комнату вошел законоучитель — поп Сидор.

— Когда будете сдавать школу, Григорий Петрович? Я получил от инспектора приказание принять ее.

— Пока я сдавать школу не собираюсь,— ответил Григорий Петрович.— Я напишу инспектору, объясню ему все, а потом посмотрим, какое будет распоряжение.

— Пиши не пиши,— ухмыльнулся поп,— а школу сдавать придется, и чужую жену тоже придется вернуть законному мужу...

— Вы, батюшка, о чужой жене лучше помолчите. Я взял ее замуж по-честному, перед людьми. Она не чужая, а моя жена. Вы лучше о своих грехах подумайте. Всем известно, зачем вы похаживаете в Корамасы.

Поп ушел, хлопнув дверью.

— И этот длинноволосый еще сует нос не в свое дело! — Григорий Петрович заходил по комнате.

— Я поеду с тобой,— проговорила Чачи.— Куда тебя пошлют, туда и я поеду.

— Эх, Чачи! — вздохнул Григорий Петрович.— Вокруг нас столько врагов, что я даже не знаю, как быть... Я напишу инспектору, и, может быть, нас оставят в покое...

Григорий Петрович сел за письмо. В голове роем крутились разные мысли, соображения, возражения, но он никак не мог сосредоточиться и изложить все это на бумаге. Григорий Петрович исписал один лист и порвал его, исписал другой, снова изорвал и в изнеможении бросил ручку...

Он себя чувствовал так, словно попал в какую-то западню, которая неотвратимо закрывается за ним, и вот-вот захлопнется совсем. Правда, есть одна лазейка.

Если он станет исполнять то, что требуют от него земский начальник и становой пристав, если он станет тайным агентом полиции, тогда его никто не тронет. И не только не тронут, а даже будут помогать ему... Может быть, все-таки следует воспользоваться этой последней лазейкой?.. А может быть, уйти добровольцем на войну? Так сказать, «за веру, царя и отечество»? Но Григорий Петрович давно уже покончил с верой, сложить свою голову за царя он тоже не желает, и слово «отечество» не пробуждает в нем воинственного духа... Он не хочет воевать за «отечество» земского начальника, попа Сидора, Панкрата Ивановича, деда Чужгана и им подобных.

Но хочешь не хочешь, а осенью придется надевать серую шинель. Теперь учителям не дают освобождения от военной службы.

Григорий Петрович задумался о том, что будет с Чачи, когда его заберут в солдаты. Ведь Макар не оставит ее в покое. Макар! Западня становилась еще теснее...

— Нет! Никакого выхода нет! — в тоске воскликнул Григорий Петрович.

Никогда не видела его Чачи таким расстроенным. Забыв о грозящей ей беде, она принялась успокаивать его.

И вдруг Григория Петровича осенила одна мысль. Сначала он пытался отогнать ее, но потом, подумав, сказал сам себе: «Мне все равно пропадать, так хотя бы спасу Чачи».

И сразу же на душе стало легко: решение было принято.

Григорий Петрович даже повеселел. Он обнял Чачи, поцеловал ее и сказал:

— Все будет хорошо, Чачи! А сейчас не мешай мне, я должен написать несколько писем.

— Тогда я схожу к своим.

— Иди, иди. Можешь быть у родителей, сколько хочешь, я кончу писать не скоро.

Чачи ушла.

Григорий Петрович писал до вечера. Он написал три письма товарищам по семинарии. Написал Ивану Максимовичу. В конверт с письмом к нему вложил еще одно письмо. Написал школьному инспектору.

«По некоторым причинам я не могу перейти рабо-

тать в Кугупундыштюрскую школу,— писал Григорий Петрович.— Аркамбальскую же школу по вашему распоряжению передам законоучителю. Жалованье за июль и август месяцы прошу перевести Иванову Ивану Максимовичу, учителю Тумеръяльской школы, так как я занимал у него деньги. Доверенность Иванову на получение моего жалованья оставляю ему».

Запечатав написанные письма, Григорий Петрович снял со стены скрипку и начал играть.

Когда вернулась Чачи, Григорий Петрович был спокоен и весел. «Раз он смотрит так весело, значит, нашел выход»,— обрадовалась Чачи, но расспрашивать ни о чем не стала: сам расскажет, когда надо будет.

Григорий Петрович улыбнулся Чачи и сказал:

— Спой-ка...

И Чачи запела, вторя скрипке:

Серебристые волны мимо проплыли,
А мы не успели запруду поставить.
Чешуей сверкая, рыбы проплыли,
А мы не успели сети поставить.
Белые гуси пролетели мимо,
А мы не успели им зерен дать.
Прошли любимые наши мимо,
А мы не успели им слова сказать.

Весь вечер Григорий Петрович играл, а Чачи пела...

На следующее утро Григорий Петрович пригласил попа Сидора для сдачи ему школы. Весь школьный инвентарь, значившийся в инвентаризационной книге, кроме двух книг, был в полной сохранности. Заперев школу и отдав ключи попу, Григорий Петрович и Чачи вышли на улицу. Все вещи учителя еще утром перевез к себе Яшай.

Григорий Петрович велел Япушу отнести письма к семинарским товарищам и инспектору в волостное правление, а письмо, адресованное Ивану Максимовичу, отдал Чачи и сказал:

— Я пойду навещу родителей, потому что, видать, теперь не скоро придется увидеться, жить будем далеко... Если послезавтра не вернусь, то отнеси это письмо в Тумеръял Ивану Максимовичу.

— А Кугупундыштюр далеко отсюда? — спросила Чачи.

— Да не близко... Ну, прощай, отец, прощай, ма-

ма,—подал руку Яшаю и Яшаихе Григорий Петрович.— И ты прощай, Япуш.

— Счастливого пути тебе!

Чачи проводила Григория Петровича до спуска в овраг. Здесь Григорий Петрович остановился, взял Чачи за руки, долгим взглядом посмотрел ей в глаза, потом крепко обнял, поцеловал и быстро пошел по дороге вниз.

— Не забудь отнести письмо! — крикнул он, обернувшись.

Чачи смотрела ему вслед, пока он не скрылся из глаз. Она вернулась домой, но ее ни на минуту не оставляло чувство тревоги и пустоты. «Эх, глупая, почему я не пошла вместе с ним?» — упрекала себя Чачи.

Мать с отцом, сестренка и братишка очень обрадовались приходу Григория Петровича. По пути в нужинской лавке он купил конфет и пряников, матери и сестренке принес красивые платки, братишке — красную рубашку, отцу дал двадцать пять рублей. Все были довольны подарками, мать даже всплакнула.

— Погостишь нынче у нас, сынок?—спросила мать.— Почему без жены пришел?

— Я к вам ненадолго,— ответил Григорий Петрович,— меня переводят в другую школу, надо кое-какие дела закончить. С женой мы к вам придем на рождество, а потом поживем у вас все будущее лето.

За разговорами не заметили, как подошла ночь.

Мать уложила Григория Петровича на мягкой перине. Он лежал и думал о том, что, может быть, в последний раз спит в такой мягкой постели и что впереди его ожидает полная неизвестность...

На следующее утро, позавтракав, Григорий Петрович сказал:

— Я схожу в Кудашнур к деду Левентею.

— Долго-то там не задерживайся,— попросила мать.— Я на обед блинов поставила.

— Хорошо, к обеду вернусь.

Дед Левентей крепко затужил, когда узнал о смерти Сакара. С его смертью старику уже не на что было надеяться. «Зачем теперь жить? — горевал дед Левентей.— Теперь только бы поскорее помереть...»

Григорий Петрович долго проговорил с дедом Левентеем и, когда пришлось к слову, спросил:

— Дедушка, сколько стоит твое ружье?

— Да мое ружьишко дешевое. Я его купил за пять рублей.

Григорий Петрович выложил на стол десять рублей.

— Продай мне твое ружье.

Дед Левентей удивился:

— Зачем тебе покупать мое? Купи новое.

— Ты же ходишь с ним на охоту.

— Мне, старику, и такое сойдет...

— Оно у тебя хорошо пристреляно?

— Ружьишко меткое. В прошлом году я из него немало белок подстрелил.

— Мне, главное, чтобы меткое было, остальное не важно. Десятки мало, я еще пятерку прибавлю.

— Да что ты! И десятки-то много. Я тебе за эти деньги еще дам пороху, дроби и пистонов.

— Я тут по дороге в эшемском овраге, в кустах, выводок глухариный поднял, птенцы большие — с курицу. У тебя есть крупная дробь?

— Немного есть.

— Дай на один заряд.

Дед Левентей принес порох, дробь, зарядил ружье.

— От такого заряда не только глухарь, волк живым не уйдет.

— Спасибо, дедушка. Ну, прощай.— Григорий Петрович попрощался с Левентеем за руку.

— Прощай, сынок. Пусть бог поможет тебе подстрелить то, что желаешь. Иди через огород, там прямая тропка в эшемский овраг.

Но, выйдя от деда Левентея, Григорий Петрович направился не к эшемскому оврагу, а совсем в другую сторону — в Лопнур.

В Лопнуре Григорий Петрович зашел в лавку к Чужгану. Народу там было мало, всего два мужика. За прилавком стоял Макар. Он удивился, увидев Григория Петровича.

— Дай мне полфунта пороха, фунт дроби и двадцать пять штук пистонов,— сказал Григорий Петрович.

— Есть коробки только по пятьдесят штук,— ответил Макар.— Бери целую коробку.

— Нет, мне надо двадцать пять штук.

Макар достал фунтовый мешочек дроби, полфунтовую металлическую баночку с порохом и наклонился над прилавком, отсчитывая пистоны.

Мужики, бывшие в лавке, закурили и вышли на улицу.

Григорий Петрович поднял ружье, взвел курок и выстрелил в упор прямо в голову Макару. Тот, даже не вскрикнув, повалился на прилавок.

В лавку вбежал старик Чужган.

Григорий Петрович бросил ружье на пол и повернулся лицом к деду Чужгану.

— Посылай за урядником. Я убил твоего сына.

8

Прошло три дня, Григорий Петрович не возвращался. Чачи начала беспокоиться. «Может быть, в письме к Ивану Максимовичу говорится, почему Григорий задерживается?— подумала Чачи.— Надо скорее идти в Тумеръял».

Иван Максимович читал вслух газету:

— «В болотистом лесном районе восточнее города Таненберга главные силы генерала Самсонова ведут упорные бои с немецкими войсками под командованием генерала Гинденбурга, который пытается окружить наши геройские части. В одном из боев смертью храбрых пал генерал Самсонов...»

— Что же это значит, Ваня? — спросила Зинаида Васильевна.

— Это — настоящее поражение христолюбивого победоносного воинства. Немец это тебе не турок. Да и турок-то мы победили не уменьем, а числом. Сколько народу положили! Нет такой бестолочи, как наш главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, победить Гинденбурга!.. Видно, не миновать русскому войску полного разгрома в Мазурских болотах.

Зинаида Васильевна заметила вошедшую в комнату Чачи и приветливо сказала:

— Да к нам, оказывается, гостья! А мы уткнулись в газету, ничего не видим. Входи, садись. А где Григорий Петрович?

— Он пошел к своим родным и оставил Ивану Максимовичу вот это письмо.— Чачи подала конверт Ивану Максимовичу.

Иван Максимович надорвал конверт. Когда он до-

ставал письмо, из конверта выпал еще один маленький конвертик. Иван Максимович его не заметил, а Чачи постеснялась сказать.

Иван Максимович прочитал письмо. Потом, растерянно взглянув на Чачи, начал вслух читать его еще раз.

«Многоуважаемый Иван Максимович!

Все в моей жизни запуталось в такой узел, что распутать его нет никакой возможности. Его можно только разрубить, то есть, поступить так, как поступил Александр Македонский.

В прошлый раз вы сказали, что у вас ходили слухи, будто меня арестовали. Действительно, меня собирались арестовать. И было бы лучше, если б арестовали! Но земский начальник и становой пристав имели намерение сделать меня тайным агентом полиции. Они взяли с меня подписку, что я буду следить за интересующими их людьми. Но я не хочу быть провокатором и агентом полиции! Хотя я дал подписку, я не выполнил ни одного их задания. Поэтому меня все равно не сегодня, так завтра арестуют. Это — одно.

Во-вторых, Чачи. Если меня арестуют, то Чужганы обязательно заставят Чачи вернуться к ним и будут издеваться над нею. Я этого не могу допустить.

В-третьих, я получил приказание от инспектора сдать Аркамбальскую школу и уехать работать куда-то в Арбанскую волость. Но главное, он ставит мне условие, чтобы я разошелся с Чачи. На меня донес инспектору поп Сидор, больше донести было некому.

Вот этот-то узел я и не могу распутать, поэтому я решил разрубить его. Этим я спасу хотя бы Чачи.

В то время, когда вы будете читать это письмо, я уже отправлю на тот свет Макара Чужгана. Я стану убийцей, но зато, если не будет Макара, никто не посмеет тронуть Чачи.

О моем замысле и о содержании этого письма Чачи не знает. Я не хотел ее расстраивать раньше времени.

Иван Максимович! Отец Чачи — бедный человек. Кроме того, ей нельзя будет жить у отца. Я оставляю ей жалованье за два месяца. Вы получите его и отдайте ей. Я написал на вас доверенность. Но этих денег Чачи хватит самое большее на полгода. Поэтому я умоляю вас, Иван Максимович и Зинаида Васильевна, не

оставьте ее. Ей без меня придется очень трудно. Она сможет работать сторожем при вашей школе, помогать по хозяйству...

Прощайте, Иван Максимович! Прощайте, Зинаида Васильевна! Я доставил вам много хлопот, но простите меня и не ругайте: никакого другого выхода из создавшегося положения я найти не мог.

Уважающий вас *Г. Ветканов.*

Вложенное в этот же конверт другое письмо предназначено для Чачи».

Чачи растерялась. «Что такое? Что сделал Григорий Петрович?» — мучительно думала она, почти ничего не понимая.

Иван Максимович заглянул в конверт.

— Доверенность здесь... А где же второе письмо?

Зинаида Васильевна стояла, отвернувшись к окну, и по ее щекам скатывались крупные слезы.

Иван Максимович наконец заметил оброненный конверт. Он наклонился, поднял его и протянул Чачи.

На конверте было написано крупными печатными буквами: «Любимой Чачи».

Она взяла в руки письмо, повертела его в руках и опустилась на стул. Зинаида Васильевна ласково обняла ее за плечи.

— Прочти, Чачи.

Чачи очнулась от оцепенения, вздрогнула и открыла конверт.

Письмо было написано такими же крупными буквами:

«Чачи, любимая!

Наши жизненные пути сошлись вместе, хотя мы никогда раньше и не думали об этом. Наши судьбы так переплелись, что теперь нам никак не разъединиться. Но злые люди хотят нас разлучить. Однажды ты спаслась от Макара, но тебя опять хотят отдать ему. Я не могу позволить этого. Макар — причина всех твоих бед, и если его не будет, то ты станешь свободной. Он должен умереть, чтобы ты жила. Такая уж жизнь: если мы не убьем их, то они убьют нас. А тебе жизнь в доме Чужгана страшнее смерти.

Когда ты будешь читать это письмо, я буду уже сидеть за решеткой. Обо мне не беспокойся, я как-нибудь

переживу это испытание. А тебе помогут Иван Максимович и Зинаида Васильевна. Доверься им, как доверилась мне.

Прощай, Чачи, прощай, мое сердце!

Твой *Григорий*».

Чачи уронила голову на грудь, ее плечи сотрясались от рыданий. Зинаида Васильевна обняла Чачи, но Иван Максимович остановил ее:

— Не трогай ее, пусть выплачется...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Григория Петровича судил Казанский военный суд. Вынесенный приговор гласил: десять лет каторги. Следователь пытался привлечь к суду и Чачи как соучастницу. Но ее спасло письмо Григория Петровича Ивану Максимовичу.

После приговора Григория Петровича не стали долго держать в Казанской губернской тюрьме, он получил направление в Вологодский централ. На него надели кандалы и перевели в пересыльную тюрьму. Там для отправки в Вологду уже собрали этап человек в десять.

От Казани до Ярославля их везли на пароходе, дальше — по железной дороге.

В Вологодской тюрьме арестантам прежде всего приказали раздеться, обыскали, начальник охраны пересчитал прибывших, сличая каждого с фотокарточкой, находящейся в деле, и лишь после этого отправили в камеру.

В полутемной камере стоял тяжелый смрадный запах. По двум стенам висели грязные брезентовые койки, середину камеры занимал большой грубо сколоченный дощатый стол, окруженный скамейками, к которым ночью крепились койки. В одном углу, у печки — параша, в другом углу, напротив параши, икона—образ Николая Чудотворца.

Утром при раздаче кипятка надзиратель выдал вновь прибывшим медные кружки и объявил:

— Все привезенные вами с собою чайники, стаканы, зубные щетки, расчески и мыло останутся в цейхгаузе.

— Почему?

— По уставу каторжникам не разрешается иметь в камере ничего своего.

В камеру внесли большой медный чайник. Кипяток разлили по кружкам. Григория Петровича мучила жажда. Он попытался хлебнуть, но обжег губы о горячий край кружки.

— Как напьетесь, вычистите кружки кирпичом, чтобы они не позеленели.

— Как же без мыла-то? — спросил кто-то.

— Пойдете в баню, выдадут казенное, а своего мыла арестанту иметь не положено.

— Когда будет баня?

— Баня бывает три раза в месяц. Через недельку подойдет и ваш черед.

— Мы ведь только с этапа, грязью заросли...

— Ничего, недельку потерпите, не бары.

— Ну и централ!—возмущались более опытные, уже побывавшие в тюрьмах.— Нигде нет таких порядков.

В обед принесли баланду, похожую на помои. Ужин оказался и того хуже.

— Почему такое питание?

— Сейчас пост. А в пост и пища полагается постная,— объяснил надзиратель.

— Среди нас много поляков и латышей, им не положено соблюдать православные посты.

— А это не наше дело, начальство знает, кому что положено.

— В других централах, тем, кто не желает соблюдать пост, заменяют постный обед обычной пищей. А у вас можно это сделать хотя бы за свои деньги?

— За свои деньги можно заказать тоже только постную пищу: до самого рождества в тюрьму ничего не будет завозиться, кроме селедки и воблы.

Эти слова вызвали всеобщее возмущение. Арестанты стали размышлять, советоваться, как быть. Переслали записку в соседнюю камеру, договорились действовать все вместе. Решили вызвать для объяснений начальника тюрьмы.

Пришел начальник тюрьмы—высокий широкоплечий старик.

— Ну, что же, господа?—ласково начал он.—Я ознакомился с вашими требованиями. Во многом вы правы. Даю вам слово, я сделаю все, что в моих силах. На-

счет книг, писем, снятия кандалов, сокращения срока — если последуют распоряжения свыше — с моей стороны не будет никаких препятствий. Если не желаете, чтобы надзиратели при моем посещении камер кричали «смирно», пожалуйста, я прикажу отменить этот порядок. Вы просите удлинить прогулку. И это можно. А вот насчет постной пищи, ей-богу, не могу ничего изменить. Я сам лично писал в Петербург по этому поводу, но не разрешают. Также не разрешают покупать на свои деньги мясо и молоко. И разрешить пользоваться своим стаканом и мылом тоже не могу. Пишите, господа, начальству. Я вас поддержу.

Начальник тюрьмы глубоко вздохнул.

— Вот так, значит, господа,—сказал он, немного помолчав, и вышел из камеры.

Лишь только за ним закрылась дверь, как в камере поднялся шум. Все наперебой принялись ругать начальника, передразнивать его жесты и сошлись на одном: ему верить нельзя. Поэтому решили от постной пищи отказываться и впредь.

Несколько дней всей камерой отправляли обед и ужин нетронутыми. Ели только хлеб.

Как раз в это время в Вологодский централ приехал с ревизией врачебный инспектор из Главного тюремного управления.

Сопровождаемый большой свитой, инспектор вошел в одну из камер.

— Ну как, господа, клопы есть? — весело спросил он.

— Имеются, да не в клопах дело,— ответили ему.— Зачем нас кормят постной пищей? Мы в святые не собираемся. Почему нам не разрешают пользоваться своими стаканами? Где это видано, чтобы арестованным запрещалось умываться с мылом?

— Слыхал, слыхал, господа, о ваших претензиях... Но это — особая статья! — поморщился инспектор.— Значит, на клопов не жалуетесь? Ну ладно, очень хорошо.

И инспектор вышел из камеры.

Потом он посетил тюремную больницу.

Все больничные палаты были битком набиты больными. По ночам никого не выпускали в клозет, поэтому в углу каждой палаты, распространяя зловоние, стояла параша.

Инспектор не заметил этих параш. Не обратил он внимания и на то, что тяжелобольные лежат в кандалах и умирают тоже в кандалах. Этого инспектор не увидел. Но зато заметил беспорядок в другом и тут же, в присутствии больных, сделал выговор врачу и фельдшеру:

— Почему в изголовьях кроватей не повешены таблички? На табличке должна быть написана фамилия больного, чем он болен и температура. Если этих сведений нет, то как, например, я смогу узнать, может или не может больной встать при моем приходе в палату?

На следующий день врачебный инспектор распорядился вызвать в кабинет начальника тюрьмы делегатов от арестантов, по одному человеку от камеры.

— С точки зрения гигиены питания постная пища приносит большую пользу,— сказал инспектор.— В постной пище содержится много полезных составных частей: в горохе — белок, в рыбе — фосфор...

(В тюрьме по средам, пятницам и другим постным дням кормили супом из хвостов мелкой рыбешки.)

Свое выступление инспектор заключил такими словами:

— Господа, советую вам не отказываться от предлагаемой пищи, а в отношении прочего последует особое распоряжение. Стаканы и мыло вам выдадут. Я скоро буду в столице, там я постараюсь защитить ваши интересы.

— Мы обдумаем ваше предложение,— ответили делегаты, и их развели по камерам.

В камерах с нетерпением ожидали возвращения делегатов, и как только те вернулись, к ним приступили с расспросами:

— Ну как? Что он сказал?

Делегаты сообщили, что им говорил инспектор.

Есть тюремную бурду никто не согласился. Решили продолжать отказываться от постной пищи, но при этом не делать ничего, что подало бы тюремному начальству повод для репрессий.

Вскоре во всех камерах начали говорить, что надо бы придумать что-нибудь такое, что вынудило бы тюремщиков пойти на уступки.

— Нечего слушать начальство! — кричал один разошедшийся уголовник.

Политические предлагали ждать.

Терпения на ожидание хватило не надолго. Однажды утром Григорий Петрович услышал, как в соседней камере запели «Марсельезу». В его камере сразу же открыли окно и подхватили песню. К ним присоединилась еще одна камера, потом еще и еще, и скоро пела вся тюрьма.

Надзиратели в растерянности забегали по коридорам. Пришел старик начальник. Он вступил в переговоры с камерой, которая начала петь прежде других, но тут из другого коридора, потрясая тюремные своды, зазвучало, как гром:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут!..

Раньше в тюрьме никогда такого не было. Начальник перепугался и позвонил губернатору. А тот приказал послать на усмирение бунта в тюрьме солдат.

Молодой каторжанин, стоя у окна, пел «Марсельезу», его сильный звонкий голос раздавался на весь двор.

Надзиратель со двора несколько раз крикнул ему:

— Отойди от окна!

Но каторжанин отвечал ему проклятьями и продолжал петь.

Пробегавший по двору старший помощник начальника Меркушев закричал на надзирателя:

— Чего спишь! Тут надо того... Стрелять надо!

Надзиратель выстрелил. Каторжанин едва успел посторониться, пуля просвистела у самого его уха.

Выстрел еще более возбудил заключенных. Песня зазвучала громче и мощнее. Раздались крики:

— Палачи! Убийцы!

В тюремном коридоре послышалась команда офицера, который привел солдат. В камерах притихли.

Офицер вошел в ту камеру, в которой сидел Григорий Петрович.

— Ну, молодцы, что вы тут натворили? — спросил офицер, подмигивая арестантам.

Все в камере заговорили сразу, перебивая друг друга. Кронштадтский матрос Власов распахнул рубаху на груди и, подступая к офицеру, закричал:

— Стреляйте, драконы! Колите штыками! Все равно нам здесь погибать от голода!

— Чего там с ними канителиться! — высунулся из-

за спины офицера начальник тюрьмы.— Выходите по одному в коридор! Ну, быстро! Чего толчетесь, как овцы? Вывести всех до единого!

В камеру ворвалось с десяток надзирателей, они набросились на арестантов и поволокли их в коридор. В коридоре арестантов подхватывали солдаты, отводили в соседний корпус и запихивали в тесные одиночки камеры по два, по три человека.

Григорий Петрович попал в одну камеру с рабочим-большевиком Герасимовым.

Они просидели вместе неделю. Герасимов много рассказывал Григорию Петровичу о деятельности большевиков, о Ленине, объяснял, за что воюют английские и французские империалисты, почему погнала на фронт своих солдат Германия, почему оказалась втянутой в эту войну Россия...

Через неделю Григорий Петрович заболел, и его положили в больницу.

В больнице кормили лучше, а лечили из рук вон плохо. Фельдшер не был злым человеком, но всех больных он считал симулянтами. Доктор, седовласый старик, заявлялся в больницу всего раз в неделю. Когда он входил, палату сразу наполнял запах винного перегара, и начиналась «выписка» больных. Всех, кого доктор находил здоровыми, а вернее тех, кто первым попадался ему на глаза, он отправлял обратно в камеры. Зачастую бывало так, что арестант с какой-нибудь пустяковой болячкой оставался в больнице, а тяжелобольной туберкулезник возвращался в общую камеру.

Григорий Петрович поправился не от лечения — болезнь осилил его молодой крепкий организм.

Из больницы Григория Петровича перевели в одиночную камеру.

2

— Макар Чужганов! — крикнул ефрейтор.

Сакар вытянулся и замер.

— Кто я? — спросил ефрейтор.

Сакар молчал.

— Повторяй за мной,— приказал ефрейтор.— Вы изволите быть господин ефрейтор.

— Вы изволь... косподин... епрейт...

— Как? — сердито рявкнул ефрейтор и с размаху ударил Сакара по щеке. Сакар покачнулся. Ефрейтор хлестнул его по другой щеке.— Стой прямо!

Теперь почти не бывало такого дня, когда Сакара не били бы...

Началось с того, что стражники и урядники избили его во дворе деда Левентея. Потом на пути в Царевококшайск в ронгинском лесу его снова жестоко избили. Его били по голове чем-то мягким, но очень тяжелым. Наверное, мешком с песком. После этого Сакар перестал что-либо соображать.

Он помнит, словно сквозь сон, как урядник Варлам Яковлевич несколько раз повторил ему:

— Ефремов Захар умер, а ты — Макар Чужганов. Понял? Ма-кар Чуж-га-нов!

Потом он стоял раздетый догола перед какими-то людьми. Человек в белом халате и в очках, видно, доктор, сказал:

— Годен...

Сакар пришел в себя только в большой казарме. Он никак не мог понять, как попал сюда. Все почему-то называли его не Сакаром, а Макаром Чужгановым. Он пытался объяснить, что он не Макар Чужганов, а Захар Ефремов, но его никто не понимал. Он и ефрейтору сказал:

— Я не Макар Чужганов, я — Сакар, Захар Ефремов...

Но ефрейтор озлился:

— Что ты бормочешь непутевое! Я тебе такого Захара покажу, что всю дурь позабудешь!

В подтверждение своих слов ефрейтор показал Сакару кулак.

«Видно, здесь почему-то не любят моего имени»,— решил Сакар и после этого уже никого не пытался убеждать, что его зовут не Макар, а Захар. Захар или Макар, не все ли равно?

В конце концов он с большими мучениями научился говорить ефрейтору: «Вы изволите быть господин ефрейтор». Однако на этом его страдания не кончились, самое тяжелое предстояло впереди. Этот ефрейтор бил, но не увечил. Вскоре ему дали чин младшего унтер-офицера и перевели в другой взвод. Захар попал к новому ефрейтору — рослому, черноглазому, со злым волчьим взглядом.

— Макар Чужганов, кто ты?— спросил новый ефрейтор.

Сакар молчал, раздумывая, то ли Макаром назваться, то ли Захаром? Кто его знает, нового ефрейтора, какой ему нужен ответ?..

— Повторяй за мною,— сказал ефрейтор.— Сто двадцать шестого полка пятой роты третьего взвода рядовой Макар Чужганов.

Пока Сакар выучил эти слова, он выплюнул с кровью два своих зуба. А пока зубрил, что «знамя есть священная хоругвь», лишился еще двух зубов.

Зато потом его ожидала радость: ему выдали новенькую винтовку. Блестящая, длинная, таящая в себе еще неизвестную силу, она напоминала Сакару элнетские леса.

Но вместо леса он очутился в товарном вагоне, и его повезли туда, где и в ясный день сверкают молнии и гремит гром...

В окопах — грязь, воняет гнилью. А в солдатском брюхе — вечно пустота. От грязи все тело свербит. Запустишь руку под рубаху, почешешься и поймаешь пару-другую вшей...

Сакар удивлялся, зачем это вдруг их пригнали сюда и засадили в окопы. Теперь он немного понимал по-русски и поэтому спросил лежавшего рядом солдата Ивана Волкова:

— Зачем тут сидим? Кто приказал?

Волков не удивился вопросу и зло ответил:

— Кто! Известно: царь, купцы да генералы...

Иван Волков, питерский рабочий — хороший человек: за все время ни разу не ударил, не обругал Сакара, не то, что другие.

Сакар хотел его расспросить еще кое о чем, но в это время над ними начала рваться шрапнель. Они забились в укрытие. Час спустя Волкова убило.

Сакар выглянул из окопа, прямо на него шли хорошо одетые, рослые люди в остроконечных касках на головах.

В окопе сзади него кто-то крикнул:

— Огонь!

Сакар привык стрелять по белкам, зайцам, лисицам, волкам, а здесь идут живые люди... Как же стрелять

по человеку? Он растерянно затоптался на месте и оглянулся назад.

— Вон куда стреляй! — Фельдфебель толкнул его в затылок.

Сакар стал стрелять в приближающихся к нему людей.

Люди в касках глупее зайцев. Те убегают от выстрела, петляют, а эти лезут прямо на винтовку.

Когда Сакар вогнал в магазин шестую обойму, люди в касках уже бежали обратно, многие из них остались лежать на земле. Атака немцев была отбита.

Но этой же ночью их благородия, господа офицеры, приказали солдатам сложить оружие.

— Мы взяты в плен,— объяснили они солдатам.

Сакар так и не понял, зачем бросать винтовку, когда осталось еще много патронов. Кто его может взять в плен?

Он не знал, что такое «мешок», и не понимал, что не с его трехлинейкой воевать против пушек, сделанных на заводах Круппа. Сакар с сожалением положил новенькую винтовку и глубоко вздохнул...

Через несколько дней его отвезли в Вестфалию и водворили в огражденный тремя рядами колючей проволоки концентрационный лагерь.

3

Прошел год, как Григорий Петрович оказался в Вологодском централе. Тюремные дни текут медленно, они, как две капли воды, похожи один на другой.

Недавно Григорий Петрович получил весточку от Чачи. Она прислала ответ на письмо, которое он послал ей два месяца назад.

Из письма Чачи Григорий Петрович узнал, что Ивана Максимовича забрали в солдаты и что вместо него в школе занимается с учениками Зинаида Васильевна. Чачи работает сторожем при школе. В деревне почти не осталось мужчин, вся работа легла на плечи женщин.

О себе Чачи писала немного. «Зинаида Васильевна учит меня, и я уже могу читать по-русски, но письма написать еще не могу. По-марийски я бы сама написала, да Зинаида Васильевна говорит, что написанное по-марийски письмо тебе не дадут, поэтому от моего имени

пишет тебе она сама. Как накоплю денег, приеду к тебе повидаться».

Подписала Чачи письмо сама, своей рукой.

В приписке, которую сделала Зинаида Васильевна в конце письма от себя, она передавала привет Григорию Петровичу и хвалила Чачи: писала, что та учится очень старательно и года через три сможет сдать экзамен на учительницу.

Это письмо порадовало Григория Петровича, как будто он побывал дома. А больше всего он радовался тому, что Чачи учится.

Снова наступил рождественский пост. Арестанты опять начали протестовать против постной пищи. Однажды вся тюрьма — пятьсот человек — отказалась от обеда. Начальник тюрьмы поехал к губернатору.

— Если они не желают есть, пусть не едят,— ответил губернатор.— На их требования не обращайте внимания, как будто вы их не слышали и ничего о них не знаете. Будут бунтовать, усмирим.

На следующий день арестанты опять не притронулись к пище. Мастеровые не вышли на работу.

А на другое утро, во время проверки, по камерам прошел Меркушев. Отказывающихся от еды он заносил в список, грозил наказанием тем, кто не выйдет на работу. Многие мастеровые в тот день пошли работать.

Пошел в мастерскую и анархист Кузьмин. Но он что-то замешкался в камере и вышел в коридор с чайником, ложкой и пайкой хлеба, когда там уже не было ни одного человека. Кузьмин повернул назад в камеру. Стоявший в конце коридора Меркушев, подумав, что Кузьмин не хочет выходить на работу, приказал силой отвести его в мастерскую. Надзиратели схватили Кузьмина и потащили по коридору.

— Товарищи!.. Убивают!.. Товарищи!.. — закричал Кузьмин.

Услышав его крик, в седьмой камере застучали в дверь. Потом поднялся шум в других камерах, и вскоре по всей тюрьме слышались возмущенные голоса, под ударами кулаков дрожали двери. Кто-то ударил в дверь скамейкой, в одной камере дверь отошла на несколько вершков, оторвался косяк.

Меркушев с револьвером в руках бегал по коридору из конца в конец.

Начальник тюрьмы, вместо того чтобы объяснить

арестантам, что никто не думал убивать Кузьмина, поспешил позвонить губернатору.

Вскоре в тюрьму прибыли вице-губернатор и тюремный инспектор.

Громче всех протестовала третья камера. Вице-губернатор с инспектором зашли было в нее с увещаниями, но никто не захотел их слушать, и они быстро ретировались в коридор.

Вице-губернатор сказал инспектору:

— Поступайте, как сочтете необходимым.

Инспектор счел необходимым применить розги.

Надзирателям выдали винтовки. В тюрьму привели стражников и полроты солдат. В баню принесли две охапки розог. Пришли доктор и фельдшер.

Старший надзиратель вошел в первую камеру и приказал:

— Выходи по пять человек!

Вышла первая пятерка. Их окружили солдаты и повели в баню. Там их наскоро кое-как осмотрел доктор, потом с них содрали рубахи, полуголых повалили на козлы и принялись полосовать розгами по спинам.

После первой пятерки привели вторую, третью... В первый день высекли шестьдесят человек, на следующий — еще двадцать или тридцать. Некоторых доктор признавал больными, таких не пороли, а сажали в карцер.

Григорий Петрович оказался в карцере.

Секли всех подряд, не особенно разбирая, виновен или невиновен человек. В одиннадцатой камере лишь двое стучали в дверь, а наказаны были все—восемнадцать заключенных. Пороли молодых и старых, уголовных и политических, рабочих и интеллигентов. Среди наказанных был один слабоумный. Ростом с карлика, с огромной головой и маленькими, как у ребенка, ногами, он всегда сидел, забившись в угол, и только иногда на него вдруг находило, и он начинал буйствовать.

Тюремное начальство не пощадило и этого несчастного.

Один высеченный старик, вернувшись в камеру, пустился в пляс, звеня кандалами. На него страшно было смотреть!

Другой арестант, бывший учитель, никак не хотел ложиться на козлы. Он отбивался от надзирателей,

но его смяли, связали. После семидесяти пяти ударов он потерял сознание, а его все продолжали сечь.

После этого случая многих арестантов из Вологодского централа отправили в другие места. Григорий Петрович был в числе заключенных, назначенных для отправки в Орловский централ.

4

А время шло.

В августе 1914 года на заседании Государственной думы депутаты-большевики резко выступили против империалистической войны. Вскоре после этого арестовали всю большевистскую фракцию Думы. Депутатов-большевиков судили в феврале 1915 года.

В июле 1915 года началось отступление русских войск.

На фронте не хватало винтовок, патронов и снарядов. Немцы захватили всю Польшу.

В это время в Государственной думе сложился так называемый «прогрессивный блок». По всей России создавались Военно-промышленные комитеты. Прогрессивный блок в целях защиты родины, стремясь избежать революции, пытался изменить государственную власть путем реформ.

Военно-промышленные комитеты возникли после того, как царские войска потерпели крупные поражения на фронте, а в тылу началась хозяйственная разруха.

Видя это, русские капиталисты в мае 1915 года собрались на торгово-промышленный съезд, чтобы осуществить мобилизацию промышленности.

Съезд вынес решение о создании Военно-промышленного комитета. В задачу этого комитета входило распределение военных заказов среди фабрикантов и владельцев заводов. Буржуазия горячо приветствовала промышленную мобилизацию.

Русская буржуазия по примеру западноевропейских капиталистов стремилась вовлечь «в дело обороны страны» рабочих.

Меньшевики поддерживали буржуазию в ее стремлении заставить рабочих еще больше трудиться на войну.

Большевики призывали совсем к другому. Ленин писал, что в Военно-промышленном комитете, способ-

ствующем реакционной империалистической войне, рабочему классу участвовать нельзя, что в нем можно участвовать лишь в начальной стадии предвыборной кампании с целью агитации, чтобы извлечь из нее все нужное в организационном вопросе.

Призыв большевиков не остался без результата: в Петербурге, Москве, Донбассе и в других местах начались рабочие стачки. Известия об этом, хотя и с опозданием, проникли и за тюремные стены. Новости приносили арестанты с новых этапов.

Пока ехали от Вологды до Орла, Григорий Петрович узнал много новостей. Кое-что услышал он и о Циммервальдской конференции. На этапе Григорий Петрович ощутил живое дыхание жизни.

Но в Орловском централе вновь потянулись глухие, похожие один на другой дни...

Когда этап прибыл в Орел, стояла прекрасная погода. Легкий морозец румянил щеки, чист и свеж был «вольный» воздух. На белом снегу сверкали солнечные лучи. Возле тюремных ворот навстречу этапу высыпали надзиратели, они только что сменились с дежурства. Надзиратели смеялись, кричали что-то, кидали друг в друга снежки. Глядя на них, Григорий Петрович улыбнулся.

Но вот растворились ворота, арестантов ввели в тюремный двор.

Их сразу же направили в баню. В предбаннике их ожидал надзиратель.

— Раздевайтесь! Снимать все! Быстро!

Арестанты начали раздеваться. Один арестант складывал всю одежду в кучу, а старший надзиратель записывал все вещи в книгу.

Предварительно обыскав всех арестантов, их развели по камерам.

Григория Петровича посадили в одиночку.

Не успел он осмотреться, как распахнулась дверь, и кто-то в коридоре крикнул:

— Смирно!

В камеру вошел надзиратель Богданов. Григорий Петрович отступил в угол. Богданов, не говоря ни слова, подошел к нему, взял за ворот, вывел на середину камеры. Потом, подталкивая ногой, составил его пятки вместе и сказал:

— Когда кто-нибудь войдет в камеру, ты должен

стоять вот здесь и вот так. Руки при этом держать по швам! На утренней и вечерней поверке стоять тоже так. Если надзиратель посмотрит в глазок, тоже вставай. Можешь сойти с этого места только после того, как кончится поверка. Понял? Когда в камеру зайду я, или старший надзиратель, или помощник, или какое другое начальство, и поздороваются с тобой, ты должен отвечать чистым и бодрым голосом: «Здравия желаю, господин отделенный», или «господин старшой», или «ваше высокоблагородие». Слова не тянуть, говорить быстро. Вот так: «здражав, сподин ршой!», «здражав, вашскброды!». Смотри, не забудь. Пол, стены — все должно блестеть, как зеркало. Чтобы медная посуда горела, как огонь. Чтобы нигде не было ни одной пылинки. Чтобы параша была опрятная. Не то я, так-растак твою мать, покажу тебе!.. Одеяло складывай вот так. Смотри. На все вопросы отвечать по форме: «так точно», «никак нет», «слушаюсь». Чтобы никаких «да» и «нет» я не слышал. Запомни!

Немного помолчав, он добавил:

— В первый месяц книги и письма запрещаются. А потом посмотрим. Будешь плохо себя вести, можешь розги схлопотать...

Богданов ушел.

Ради воскресного дня поверка кончилась рано, Григорий Петрович остался в камере до утра один.

Он растянулся на узкой койке. Хоть и устал с дороги, хоть и провел весь день на ногах, заснул не скоро. «Вот прошел еще один день,— думал он.—А что ожидает меня завтра?»

Рано утром четыре раза ударил колокол. Это был сигнал подъема. Григорий Петрович не успел еще и глаза открыть, как надзиратель закричал ему из-за двери:

— Эй, сво-о-лочь, чего дрыхнешь? Али звонка не слышал? Сейчас же вставай, так твою! Хо-о-лера!..

Прошла утренняя поверка. Немного погодя дверь камеры опять открылась, послышался голос Богданова:

— Выходи-и!

Григорий Петрович, подхватив парашу, вышел в коридор. Возле соседних камер уже стояло человек пять арестантов.

— Шагом марш!— гаркнул Богданов.

Арестанты, неся перед собой полные параши и

стараясь не пролить их, тронулись с места быстрым шагом, чтобы поскорее дойти до клозета.

Григорий Петрович оказался первым в этой процессии.

— Когда идешь первым...— назидательно начал говорить шедший позади отделенный. Григорий Петрович, желая лучше услышать слова конвоира, обернулся. К нему подбежал Богданов.

— Не останавливаться!— ткнул он Григория Петровича в спину связкой ключей.

В этот день на Григория Петровича, не знакомого еще с порядками в Орловской тюрьме, кричали со всех сторон, несколько раз он отведал надзирательского кулака. Григорий Петрович совсем растерялся. «Неужели так будет все время?— с тоской думал он.— Неужели?..»

После обеда в камеру к Григорию Петровичу пожаловал Богданов.

Надзиратель крикнул:

— Смирно!

Григорий Петрович встал возле стола. Богданов посмотрел по углам.

— Здорово!

— Здравия желаю, вашскбродь! — громко ответил Григорий Петрович.

Богданов приступил к тщательному осмотру камеры. Подняв крышку, заглянул в парашу, провел пальцем по стене, отодвинул койку. Все было в порядке—нигде ни пылинки, одеяло заправлено как положено. Осмотрев бушлат на Григории Петровиче (этот бушлат он только вчера получил в цейхгаузе), Богданов тронул воротник:

— На бушлате полагается быть петле. Тебе выдадут иголку с ниткой, пришьешь.

Богданов придирчиво осмотрел медный чайник, кувшин, кружку. Начищенная медь блестела. Он снова шагнул к койке, но, вспомнив, что койку уже осматривал, нахмурил брови.

Все было в полном порядке. Но Богданов не мог уйти, не сделав замечания, поэтому он спросил:

— За что тебя отправили сюда?

— Не знаю,— ответил Григорий Петрович,— сам не знаю...

В тот же миг у него потемнело в глазах, и он покатился по полу.

— Это что еще за «не знаю»?!. «Не могу знать, господин отделенный!» — вот как надо отвечать! Встать! На место!

Богданов вышел удовлетворенный.

Григорий Петрович сел на койку и опустил голову...

5

В концентрационном лагере Сакару жилось так же тяжело, как и в казарме. С каждым днем пленных кормили все хуже, а работать заставляли все больше. Лица у всех стали какого-то земляного цвета. Все только и ожидали, когда же кончится эта проклятая жизнь...

Но в один мартовский день Сакар заметил, что по всему лагерю пленные солдаты собираются небольшими кучками, о чем-то перешептываются. Он подошел, прислушался.

— Царя больше нет,— услышал он.

— Как нет?

— В России революция... Царя прогнали...

Сакар сразу вспомнил слова питерского рабочего Волкова, погибшего на его глазах в окопе.

— Значит, царя больше нет? — радостно переспросил он.— Теперь войне конец, поедем домой?..

— Конца-то войны еще наждешься,— зло ответил ему рыжебородый солдат.— Царя скинули, а вот генералы и купцы остались.

«Война нужна царю, генералам да еще купцам... — так говорил и Волков»,— подумал Сакар.

6

В этот день Григорий Петрович проснулся, как и привык просыпаться в последнее время, в половине пятого. Прислушался, всюду стояла тишина. Молчал сигнальный колокол.

«Неужели я проснулся раньше времени?» — подумал Григорий Петрович.

Послышался шум в соседней камере, сосед тоже встал. Но почему нет звонка? Григорий Петрович вычистил кружку, вытер со стола пыль. Пора идти умываться и выносить параща, а дверь не открывают. По

расчету Григория Петровича уже должно быть пять часов, но поверка почему-то запаздывала...

Наконец дверь камеры отворилась. Но надзиратель не крикнул «смирно», как кричал всегда, а, не заходя в камеру, вежливо проговорил:

— Пожалуйте умываться.

Григорий Петрович поднял парашу и вышел из камеры. В клозете он увидел старика арестанта, с которым приехал сюда из Вологодского централа одним этапом. Умываясь, старик шепнул ему:

— Товарищ Веткан, говорят, в Петрограде революция.

Старик боязливо покосился на надзирателя. Прежде за перешептывание надзиратель обязательно бы ударил связкой ключей по спине. Но сегодня он будто оглох и не слышал шепота, и даже не покрикивал: «Поторапливайтесь, быстро умываться!»

— Царь направил из ставки в Петроград, чтобы подавить революцию, генерала Иванова. Потом поехал за ним сам. Но железнодорожники не пропустили царский поезд, так он и застрял на станции Дно. В Петрограде полк за полком переходят на сторону народа, опора самодержавия рухнула,— говорил старик, неторопливо намыливая лицо.

— Это правда?—недоверчиво переспросил Григорий Петрович.

— Правда, правда!

Вернувшись в камеру, Григорий Петрович все думал о том, что он услышал от старика. Самые разные мысли приходили ему в голову...

И вдруг в тюремном коридоре раздалась песня:

Отречемся от старого ми-и-р-а,
Отряхнем его прах с наших ног!..

Распахнулась дверь камеры, на пороге стоял юноша студент. Его лицо светилось, глаза горели, на груди алел красный бант. Студент поднял руку и радостно, торжественно воскликнул:

— Именем Революции, вы свободны, товарищ!

Григорий Петрович выбежал в коридор.

А там уже развевается красное знамя, шумит толпа студентов, солдат, гимназистов и гимназисток. У некоторых в руках оружие. И не видно ни одного надзирателя.

Потрясая тюремные своды, громко звучат молодые вдохновенные голоса:

Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся клич мести народной;
Вперед, вперед, вперед!

7

Григорий Петрович приехал в Казань двадцатого мая. Как раз в эти дни в Казанском университете проходил Съезд малых народностей Поволжья. Григорий Петрович задержался в Казани на неделю. Обстановка на съезде ему не понравилась: председательствовал Бобровников, в зале много попов и очень мало крестьян.

В университете Григорий Петрович встретил Тамару Звереву. Она в первый момент немного растерялась, потом радостно окликнула его:

— Григорий Петрович! Вы откуда и куда?

Григорий Петрович смутился. За три года Тамара совсем не изменилась, она даже стала еще красивее.

Тамара встретила его так, как будто они расстались только вчера и как будто между ними не произошло никакой размолвки. Первым движением Григория Петровича было повернуться и уйти, но, поколебавшись, он остался.

— Приехал из Петрограда, теперь еду в Аркамбал.

— Ах, как удачно! — воскликнула Тамара.— А я как раз пришла узнать: не едет ли кто в нашу сторону. Значит, поедем вместе. Вспомним прошлое.

— Что прошло, то прошло,— ответил Григорий Петрович.— Прошедшего не вернешь, Тамара Матвеевна.

— А если не совсем прошло?

— Нет, совсем! — отрезал Григорий Петрович.

— Ну, не будем об этом. Вы когда едете?

— Наверное, завтра. Ведь аркамбальские поедут завтра?

— Значит, и мы поедем завтра... А знаете, кем теперь стал мой отец? Страховым агентом. Вы остановились в учительской семинарии? Завтра утром я зайду к вам. А пока — до свидания, Григорий Петрович!

Тамара ушла. Григорий Петрович рассердился на себя, почему он сразу не оборвал Тамару. А Зверев, оказывается, приспособился.

На следующее утро Тамара пришла к Григорию

Петровичу в учительскую семинарию. Он только что встал.

— Извините, Григорий Петрович,— сказала она,— но если вам почему-либо не по душе мое присутствие, то скажите прямо.

— Я хочу сказать вам, Тамара Матвеевна, что в Аркамбале у меня есть жена.

— Слышала, слышала. У нас много говорили про вашу романтическую историю. Только я одного не могу понять: как такой интеллигентный человек, как вы, может иметь что-либо общее с такой ди... — тут Тамара запнулась: она хотела сказать «дикаркой», но не решилась,— с такой темной женщиной?

Если бы Тамара не заговорила про Чачи, да еще в таком тоне, Григорий Петрович, наверное, согласился бы ехать с ней в Аркамбал, но ее слова его возмутили:

— Вы, считающая себя интеллигентной девушкой, в самую трудную минуту моей жизни оскорбили меня и ушли, хотя я ни в чем перед вами не был виновен. А та, которую вы с таким презрением назвали «темной», поддержала меня и дала мне счастье. Кроме того, она теперь не такая уж темная. Эта женщина — моя жена и друг. Я никому не позволю плохо говорить о ней. Прощайте, Тамара Матвеевна, сейчас я окончательно убедился, что наши пути давно и навсегда разошлись.

Григория Петровича согласился подвезти до Аркамбала учимсолинский мариец.

Они подъезжали уже к Учимсоле, когда Григорий Петрович услышал звуки барабана. Три года не слышал он родной марийской музыки, ритма марийских мелодий. Чувство радости охватило Григория Петровича, и он запел свадебную песню:

Зеленого лыка мы принесли,
Где присесть, чтоб очистить его?
Веток на веник мы принесли,
Где присесть, чтоб связать его?
Красную землянику мы принесли,
В какое блюдо насыпать ее?
Красную девицу мы привезли,
В какую комнату завести ее?

Мужик обернулся к Григорию Петровичу, улыбнулся:

— Ты, оказывается, и петь умеешь по-марийски.

— Раньше, говорили, получалось неплохо. Только вот уж три года петь не приходилось.

— Откуда будешь, земляк?

— Моркинский.

В Учимсоле ямщик остановился. Григорий Петрович торопил его ехать дальше, но тот не поехал, пока не напоил Григория Петровича чаем.

— Теперь-то уж недалеко, к вечеру доедем,— говорил он.—Да и лошаденке требуется отдохнуть малость...

В Аркамбал они приехали лишь в сумерки.

Чачи весь день ждала Григория Петровича. Получив от него письмо, в котором он писал, что приедет в понедельник, она так разволновалась, что Зинаида Васильевна никак не могла успокоить ее. Чачи пела плакала и смеялась одновременно.

Ранним утром она прибежала в Аркамбал и весь день простояла у ворот. Лишь когда стемнело, подумав, что сегодня Григорий Петрович уже не приедет, расстроенная, зашла в избу.

Но тут заскрипели ворота, Чачи бросилась к окошку: во двор заезжал тарантас, а в тарантасе — Григорий Петрович! Чачи, не помня себя, выбежала на улицу, повисла на шее Григория Петровича и разрыдалась...

Вышли во двор Яшай, Яшаиха и Япуш. Григорий Петрович обнялся со всеми, расцеловался...

Из рассказа Чачи и Яшая Григорий Петрович узнал о том, как теперь идет жизнь в Аркамбале.

А жизнь в Аркамбале после того, как свергли царя, почти не изменилась. Волостное правление лишь сменило свою вывеску и стало называться волостным комитетом. Заправлял там всем прежний волостной старшина. Земский начальник пошел в страховые агенты, но сам только и ждет возвращения старых порядков.

Панкрат Иванович за эти годы стал полновластным хозяином в Аркамбале. К элнетским лугам он прикупил еще пахотную землю и теперь ее засевает. На его гумне стоит с десяток скирд, а у мужиков давно уж в амбарах пусто. На базаре пуд муки стоит девять рублей, Панкрат берет червонец.

На следующий день Григорий Петрович и Чачи пошли в Тумеръял к Зинаиде Васильевне.

За рощей Григорий Петрович остановился на откосе,

на том же самом месте, где они стояли с Чачи три года назад.

Зеленели поля. В глубоком овраге еще не растаял снег, а на бугре расцвели цветы.

— Сейчас наступила первая весна новой жизни,— сказал Григорий Петрович.— Еще будут впереди холода, снег, грозы с градом, но ничто уж не остановит весны. Пока еще в деревне хозяйничают Панкраты Ивановичи, но скоро станут хозяевами жизни бедняки.

Григорий Петрович рассказал Чачи, что он видел в Петрограде и в пути, когда возвращался из тюрьмы. Чачи слушала его с большим вниманием, теперь она понимала все, что говорит Григорий Петрович, и это его очень радовало.

— Книги ты читала в последнее время? — спросил Григорий Петрович.

— И книги и газеты,— ответила Чачи.

— Пушкина читала что-нибудь?

— Читала «Барышню-крестьянку» и «Цыганы». Что не понимала, мне Зинаида Васильевна объясняла. А еще читала «Послание в Сибирь», и, когда читала, думала о тебе.

Певучим голосом Чачи продекламировала:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...
. . . . . .
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Чачи наклонилась, сорвала цветок и протянула его Григорию Петровичу.

Зинаида Васильевна от души обрадовалась, увидев Григория Петровича и Чачи.

— Ну вот, вы снова вместе,— сказала она.— Когда только вернется мой Иван Максимович...

— Где он сейчас?

— В Пскове, в госпитале.

— Он так и не надел офицерские погоны?

— Разве вы его не знаете? Он тут приезжал на побывку, и у него был интересный разговор с курыктюрским учителем. Тот завидовал своим товарищам-учителям, которые получили офицерские чины и щеголяли в золотых погонах. «Скоро настанет такое время,—ска-

зал ему Иван Максимович,— когда не ты им, а они будут завидовать тебе, когда они с удовольствием будут готовы сменить свои погоны на твой поношенный пиджак...»

— Да, многое меняется в жизни... Три года назад я даже не надеялся, что вернусь и увижу Чачи...

— Вы, Григорий Петрович, будете, как и раньше, работать учителем?

— Это лето думаю отдохнуть. Но, конечно, сидеть сложа руки я не намерен. Большевики направили меня сюда агитатором. Несколько дней отдохну и возьмусь за дело. Жду, когда возвратится Егор. Чачи мне сказала, что он должен скоро вернуться.

— Писал, что вернется в мае. Ведь он где-то далеко, в Сибири.

— Зинаида Васильевна, разрешите мне пожить несколько дней в школе. Я не хочу пока показываться на глаза людям, хочу отдохнуть в тишине.

— Живите, сколько хотите, Григорий Петрович, и чувствуйте себя, как дома.

— В ближайшие дни я думаю сходить с Чачи к моим родителям. Надо познакомить Чачи с ними.

— Разве я тебе не писала, Гриша,— вмешалась в разговор Чачи,— что прошлым летом я две недели гостила у твоей матери? Мы с ней эти две недели жили душа в душу. А теперь-то уж, если даже захочешь один уйти, я все равно за тобой пойду. Куда ты, туда и я. А то что это за муж и жена, которые живут врозь? Теперь я всюду с тобой.

Григорий Петрович не возражал.

8

Концентрационный лагерь, в котором находился Сакар, располагался среди открытого поля. Вокруг лагеря ограда из колючей проволоки высотой в четыре аршина. За колючей проволокой—глубокий ров, за рвом — земляной вал, по которому днем и ночью ходят часовые.

Посреди лагеря рядами стоят земляные бараки. В каждом бараке ютится по сто человек. Печей в бараках нет. Вместо окон — два небольших застекленных отверстия возле двери, через которые в барак еле-еле пробивается свет. На расстоянии двух вершков от по-

ла, вдоль стен, поставлены нары. На этих нарах вповалку спят пленные.

Всего в лагере народу около десяти тысяч. От постоянного недоедания все очень исхудали — кожа да кости. Да и как не исхудать, когда на день выдают всего по полфунта хлеба.

Утром, после того как пленные попьют жидкого чая, приходит немецкий фельдфебель с дымящейся сигарой во рту. Пленных окружает конвой и, подгоняя, выводит их из лагеря.

С лопатами на плечах, уныло опустив головы, медленно бредут люди на работу, словно они идут рыть могилы самим себе.

Одним летним утром семнадцатого года в лагерь пригнали сотен семь пленных французов. Французы, устроившись в бараках, вышли поговорить с русскими.

— Рус, рус! — кричали французы и звали их к себе.

— Мусье, мусье! Француз, француз! — отвечали с русской стороны. Некоторые подходили к французам, рассматривали их.

— Корошо, рус! Камрад! Товарищи! Наполеон — Моску — Толстой! Бонжур! Вив, ля рус! — смеялись французы.

А иные кричали:

— Америк! Керенски! Галици!

Сакар из всего, что говорили французы, понимал три слова: корошо, рус, говарищ. Да еще Москву они называют, совсем как марийцы — Моску. Наполеон и Толстой, Керенский и Галиция — для Сакара пустые звуки.

А среди русских пленных уже заговорили о том, что глава нового российского правительства Керенский отдал приказ о наступлении в Галиции и что ему окажет помощь Америка.

— Ежели Америка вступила в войну, то немцу скоро капут,— слышались разговоры.

— Скорее бы война кончилась, скорее бы домой...

Прошел день, другой, прошла неделя. Война не кончалась. Потом стали говорить, что Америка почему-то не может оказать серьезной помощи, а в Галиции немцы побили русские войска.

Жизнь потекла по-прежнему.

Однажды утром у Сакара так разболелась голова, что он не мог терпеть, и, присоединившись к другим больным, пошел в околоток.

Околоток размещался в парусиновой палатке за лагерем.

В палатке было много больных и раненых с гноящимися ранами. Когда санитары отдирали присохшие грязные бинты, от ран шел тяжелый смрад, в бинтах кишели вши. Сакар такого никогда прежде не видывал.

Каждый день из разных бараков в околоток приходят на массаж инвалиды. Посмотришь на них, и жутко становится У одного изувеченная рука скрючилась, как корявый сук, у другого — нога; у третьего выворочена челюсть, у четвертого лицо изувечено... Увидишь их и подивишься: как они только остались живы?..

Посмотришь на изувеченные головы, на черные ямы вместо глаз, на обрубки ног и рук и подумаешь: «Эх, друг, сколько же тебе муки придется вытерпеть! Уж лучше бы умереть, чем жить таким калекой...»

Попадались среди больных и такие, что сошли с ума. Один поляк в углу, не умолкая ни на минуту, бормотал:

— Пан Езус! Матка бозка! Пан Езус! Матка бозка!

Голос поляка становился все тише и тише.

«Наверное, до утра не доживет»,— подумал Сакар. Ему вспомнилась смерть матери, и он, вздохнув, проговорил:

— Видно, у бога других забот полно, некогда ему слушать наши молитвы...

А другой помешавшийся — рыжебородый, сгорбленный, как старик, солдат, указывая пальцем на всех проходящих мимо него, выкрикивал:

— Вот, вот, вот! Вот антихрист!

В сентябре в лагерь пригнали новую партию русских пленных, опухших от голода, бледных, с жидкими, давно не стриженными, похожими на мочало, волосами.

— Святые! — охнул какой-то солдат, разглядывая вновь прибывших.

А у тех на лицах застыло равнодушие и слепая покорность судьбе. На все вопросы они отвечали кратко.

— Откуда пригнали?

— Из Беловежа.

— Что вы там делали?

— Землю рыли.

Из скупых рассказов измученных людей вырисовы-

валась страшная картина. В Беловежской пуще русских пленных безжалостно избивают, на работу обессиленных людей выгоняют, словно скот, и люди там мрут как мухи...

Вечером в барак, в котором жил Сакар, зашел один из пригнанных из Беловежа.

— Хоть бы умирать хотел среди свой,— сказал он.— Из наш край кто есть кто?

По нескладной речи Сакар понял, что он не русский. Может быть, мариец? И Сакар спросил его по-марийски:

— Кусо улат?[1]

Но он, видно, не понимал.

— Тый откуды? — спросил снова Сакар.

— Я — казанский.

— Мый тоже казанский.

— Какой уезд?

— Царевококшайский.

— А я Чебоксарский... Какой народ?

— Черемис.

— А я чуваш.

— Что у тебя болит?

— Все болит,— вздохнул чуваш.— Не знай, доживу до утра или нет. Видать, придется помирать на чужбине... Дома у меня жена, сын маленький... Не увижу их больше.

— Не убивайся так, поправишься...

— Нет, не подняться мне. Весь я пропитался болотной водой... Руки-ноги стынут... Как дойдет холод до сердца, так помру... Эх, хоть бы одним глазом взглянуть на Волгу!.. Добрый человек, вернешься домой, скажи моей жене, сынку...

Дальше чуваш не мог говорить, совсем обессилел... Ночью он умер.

Когда мертвого вынесли из барака, Сакара охватила тоска. «Неужели и мне суждено умереть вдали от родных мест?» — подумал он.

А в голове звучали слова питерского рабочего Волкова:

— Царь... Генералы... Купцы.

— Чужганы... Царевококшайское начальство... Моркинский урядник... — сказал Сакар, как бы продолжая речь Волкова.

---

[1] Ты откуда? *(Марийск.)*

Вот кто виноват в том, что Сакару придется сложить свою голову на чужбине. Но нет, нет! Надо все вытерпеть, все перенести — только бы жить, жить, жить!

9

Летом из Сибири вернулся Егор. Приехал в родную деревню и шеръяльский Каври, прожив на берегах Амура одиннадцать лет.

Вскоре они, Григорий Петрович и Чачи с Зинаидой Васильевной начали вести в селе революционную пропаганду. Каври и Егор вели работу среди мужиков-бедняков, Чачи и Зинаида Васильевна — среди женщин. Григорий Петрович руководил ими и держал связь с Казанским комитетом большевиков.

Прежде всего они решили создать в Аркамбале Совет крестьянских депутатов, выбрав в него батраков и бедняков, а прежнего волостного и старшего писаря прогнать.

Вторая задача — отобрать у Панкрата Ивановича элнетские луга и вернуть солдаткам и беднякам их полосы, которые он у них забрал и засеял. А если у кого из солдаток некому будет работать в поле, то таким оказать помощь через Совет крестьянских депутатов.

И третья задача — разоблачить и арестовать бывшего земского начальника, потому что нынешний председатель волостного комитета все делает по указке Зверева. Кроме того, Зверев за последнее время подружился с Панкратом Ивановичем и даже, говорят, хочет выдать свою дочь за его сына-прапорщика. Арест Зверева взял на себя Каври.

Сначала Чачи не знала, как подступить к женщинам, потом поняла, что начинать надо с солдаток. Война надоела всем. А особенно горько пришлось из-за нее солдаткам: нелегко справляться одной, без мужика, в хозяйстве. Только таким, как Панкрат Иванович, война не в горе. Сыновья его не на фронте, а прохлаждаются в Казани, и почти каждую неделю то один, то другой гостит у отца в Аркамбале.

Егору и Каври помогли развернуть агитацию элнетские луга. Хотя после передела по столыпинскому закону Панкрат Иванович вот уже три года является хозяином этих лугов, у аркамбальских мужиков до сих пор не перестала болеть из-за них душа.

— Отобрать надо у него луга,— говорят многие.

Раньше в Аркамбале луговые угодья перераспределяли каждый год.

В одно воскресенье народ собрался на такой ежегодный передел. Почти половина собравшихся — солдатки.

Пришли и Григорий Петрович с Егором и Каври, вроде бы послушать. Потом подошли Чачи и Зинаида Васильевна.

Сход вел председатель волостного комитета, прежний волостной старшина Павел Кандаров.

— Как нынче будем распределять луга, по старому списку или по новому? — спросил он мужиков.

— По старому,— ответил мужик с козлиной бородкой.— Ведь всего три года назад составляли списки.

— Не-ет! — перебил его другой мужик.— Коли теперь новое правительство, стало быть, и луга делить надо по-новому, чтобы каждому мужику—и малому и старому — земли досталось.

— А разве женщины хлеб не едят? — спросила Чачи из задних рядов.— На женщин тоже надо давать надел.

Такого оборота дела никто не ожидал: никогда женщинам не давали наделов земли — поэтому сразу наступила тишина. Многие смотрели на Чачи с удивлением: не рехнулась ли баба?

Но Чачи продолжала:

— Нынче многие бабы сами пашут, сами сеют, да и прежде многие работали наравне с мужиками. А раз работают наравне, то и права им надо дать равные с мужчинами. Правильно я говорю, женщины?

— Баб нельзя наделять землей,— сказал Павел Кандаров.

Ох, и поднялся же тут шум! Ничего не разберешь. Бабы-солдатки и те хозяева, у кого много дочерей в семье, стоят за то, чтобы давать на женщин надел, те, у кого больше сыновей, не согласны с этим.

— На замужнюю можно дать,— кричит кто-то,— а на девку не следует. Она выйдет замуж в другую деревню, с собой, что ли, надел повезет?

Многие его поддержали. Но зато те, у кого было много дочерей, принялись возражать.

Никогда в Аркамбале не видывали такой шумной сходки. Одна рослая солдатка подбежала к Павлу Кандарову и схватила его за рыжую бороду.

— Убирайся отсюда! Немало мы из-за тебя слез пролили! Хочешь, чтобы мы, как прежде, голодали!

Если бы не вмешались Григорий Петрович, Егор и Каври, не миновать бы драки. Но Григорий Петрович вскочил на стол и громко крикнул:

— Тихо!

Все притихли и повернулись к нему. Тем временем Егор и Каври протолкались в середину толпы.

— Товарищи!—крикнул Григорий Петрович. Это обращение было новым на сельском сходе и поэтому оно прозвучало особенно громко.— Товарищи, руганью и дракой такое большое дело не решишь. Распределение земли — очень важное дело. Его надо серьезно обсудить, а потом уж решать. Сделаем так: кто за то, чтобы женщинам — замужним и девушкам—дать надел, пусть поднимет руку, кто против — пусть не поднимет. Так мы узнаем, что думает мир. Если большинство решит дать—дадим, если большинство будет против — будем делить по-старому. А еще я хочу вам сказать, что вот тут одна женщина требовала, чтобы председатель Волостного комитета убирался со сходки. Я считаю, что она правильно говорит. Царскому волостному старшине не годится управлять нами, да и сам Волостной комитет нам не нужен. Во многих деревнях уже созданы Советы крестьянских депутатов. Нам тоже пора создать свой Совет крестьянских депутатов и выбрать в этот Совет батраков и самых бедных крестьян. Можно выбрать и середняков, которые сами работают. Бедняки, батраки и середняки трудятся, а богачи наживаются на их труде. Долой власть богачей! Пусть теперь власть будет в руках бедняков и батраков!

После Григория Петровича говорили Егор и Каври.

— Мы страдали на сибирской каторге за бедняков, за революцию! — закончил свою речь Каври.

— А учитель-то сидел в тюрьме за убийство,— проговорил косоглазый мужичок.

— Кого и за что он убил, знаешь? — спросил его Егор.

— Весь чужгановский род с корнем надо уничтожить! — крикнул кто-то из толпы.

— Чужганов и Панкрат — одного поля ягоды,— послышался другой голос.

— А элнетские луга у Панкрата по-прежнему останутся?— спросил третий.

— Почему останутся? Надо отобрать,—уверенно сказал Егор.

Сход сразу зашумел.

— Отобрать! Отобрать!

— Выгнать его из села!

— Выгнать! Выгнать!

— Отобрать у него все, что он нажил нашим потом и разделить между всеми!

— Разделить! Разделить!

— Айда к Панкрату!

— Пошли!

Павел Кандаров потихоньку выбрался из толпы, скрылся за церковь, потом юркнул в туршинский овраг, выбрался на дорогу и побежал в свою деревню.

Его бегства никто не заметил, толпа хлынула к дому Панкрата Ивановича. Григорий Петрович, Егор и Каври не смогли удержать обозленных людей.

Мужики подошли ко двору Панкрата Ивановича. Ворота были заперты.

После пожара Панкрат Иванович выстроил себе настоящие хоромы. Дом-пятистенок с балконом, вокруг высокий глухой забор, так что со двора, как говорят марийцы, курица не выберется.

После того как ему дали в надел лучшие элнетские луга, Панкрат стал немного побаиваться аркамбальских мужиков. Вечерами он рано запирал ворота, а в последнее время держал ворота на запоре и днем.

Толпа начала ломиться в запертые ворота. Панкрат Иванович спал после обеда. Проснувшись от шума, он выглянул в окошко, и у него волосы поднялись дыбом, а душа ушла в пятки.

«Бежать!» — пронеслась в его голове первая мысль.

Босой, без пояса, Панкрат Иванович выскочил во двор. Но куда бежать? Везде народ.

Панкрат Иванович забежал в сарай, сунул голову в дыру, через которую с огорода закидывали снопы. У выхода с огорода стояли два мужика.

В это время на улице раздались три выстрела. Мужики от ограды побежали туда. Панкрат спрыгнул с сарая, прихрамывая, пробежал через огород и шмыгнул в рожь.

Стрелял сын Панкрата Ивановича.

Когда народ хлынул к Панкрату, Григорий Петро-

вич, Егор, Каври, Чачи и Зинаида Васильевна побежали за всеми, чтобы не дать хотя бы поджечь дом.

Сын Панкрата Ивановича, прапорщик, в верхней комнате читал газету. Услышав шум перед домом, он приоткрыл дверь на балкон и выглянул на улицу. Прапорщик не намеревался, как его отец, бежать. Он привык с детства относиться к мужикам с презрением и считал их чуть ли не рабами. При виде волнующейся толпы в нем закипела ярость.

С револьвером в руке он вышел на балкон. «Пристрелю двоих-троих из этих сволочей, остальные сами разбегутся»,— со злобой подумал он.

К дому подходили Григорий Петрович с Егором и Каври.

— А вот и главари,— проговорил прапорщик.— С ними первыми надо разделаться.

Прапорщик выстрелил. Народ отпрянул назад. Григорий Петрович, схватившись за грудь, упал на землю. Но в следующее мгновенье брошенный чьей-то рукой обломок кирпича угодил прапорщику в лоб.

Чачи бросилась к Григорию Петровичу. Зинаида Васильевна разорвала рубашку у него на груди, из раны ниже ключицы текла кровь. Зинаида Васильевна сдернула с себя платок, прижала к ране.

Егор и двое парней подняли Григория Петровича и понесли в больницу.

Каври, обернувшись к притихшим людям, крикнул:

— Видите, что творят богачи?

— Пустить красного петуха! — крикнул кто-то.

Откуда-то принесли бревно и, раскачав, ударили в ворота. Через пять минут ворота разнесли в щепки.

Разъяренный народ вытащил на улицу прапорщика с окровавленной головой, жену и дочь Панкрата. Жена пряталась под кроватью, дочь — под диваном.

— Панкрата ищите! Панкрата!

— Нет его нигде!

А Панкрат Иванович в это время, уже миновав вопсинское поле, спешил по дороге к спичечной фабрике Шахира Хамитова.

Две недели Григорий Петрович находился между жизнью и смертью. Через две недели рана стала затягиваться. Дело пошло на поправку. Две недели Чачи и

Зинаида Васильевна, сменяя одна другую, день и ночь дежурили у его постели. За это время Чачи так измучилась и побледнела, что сама стала похожа на больную.

Наконец доктор сказал:

— Чачи, можешь больше не беспокоиться, Григорий Петрович теперь уж наверняка скоро встанет.

Однажды после обеда, когда Григорий Петрович заснул, Чачи собралась навестить своих родных. «Пока Гриша спит, я успею сбегать»,— решила она.

У родных Чачи пробыла всего какой-то час. Яшай и Яшаиха очень жалели Григория Петровича.

— Сестра, можно мне пойти навестить Григория Петровича? — спросил Япуш.

— Завтра спрошу у доктора. Он говорит, что Григорию Петровичу еще нельзя много разговаривать.

К Яшаю заглянула Ведаси.

— А дочка земского начальника сидит у твоего Григория.

Чачи, не допив чашку чая, побежала в больницу.

Она остановилась на пороге палаты. Григорий Петрович сидел в постели, держась за грудь. Возле кровати стояла на коленях Тамара.

— Григорий Петрович, Гришенька, милый! — говорила она.— Во имя нашей прежней любви... Молю тебя, как бога...

— Поверьте, Тамара Матвеевна, я ничем не могу вам помочь.

— Можете, Григорий Петрович, можете! Вас здесь все слушаются. Отец ни в чем не виновен.

— Суд разберет, виновен он или нет.

— Григорий Петрович, он вас любил, как родного сына. Спасите его, помогите ему выбраться из тюрьмы! — Тамара схватила Григория Петровича за руку.

Григорий Петрович выдернул руку, от резкого движения открылась рана, белая рубашка на груди окрасилась кровью.

Чачи подбежала к Тамаре и потащила ее за руку из палаты. Пришел доктор и перебинтовал Григория Петровича.

После того как Павел Кандаров убежал из Волостного комитета и скрылся Панкрат Иванович, Каври арестовал земского начальника и посадил его в каталажку вместе с сыном Панкрата — прапорщиком.

Теперь получилось как-то само собой, что люди, особенно бедняки, со всеми своими делами стали обращаться к Егору и Каври. В Аркамбале создали Совет крестьянских депутатов, выбрав в него только бедняков.

В то время, когда в Петрограде рабочие вышли на улицы с лозунгом «Вся власть Советам!», в Аркамбале мужики начали обмолачивать большие панкратовские скирды и раздавать зерно голодающим беднякам...

Шахир Хамитов помог Панкрату Ивановичу добраться до Казани. В Казани Панкрат Иванович пошел к комиссару Временного правительства.

Комиссар выслушал его, но помощи не обещал. Панкрат Иванович вышел от него совсем расстроенный.

Комиссар сочувствовал Панкрату Ивановичу, но, чтобы защитить его от аркамбальских мужиков, туда надо послать солдат. Однако на посылку отряда необходимо согласие Солдатского комитета, а у того и без Аркамбала много забот. То там, то здесь солдаты отказываются подчиняться офицерам. В Галиции немцы прорвали фронт. «Аркамбал не фронт,— рассуждал комиссар Временного правительства,—пусть там разбираются сами, тут как бы нам самим утихомирить рабочих...»

А в эти дни по всей России прокатились массовые рабочие демонстрации.

В Казани не смогли оказать помощь Панкрату Ивановичу и другим аркамбальским богатеям. Поэтому Тамара и пришла к Григорию Петровичу.

На третий день после петрова дня аркамбальцы всем селом вышли на элнетские луга. В первую очередь выдернули все межевые столбы, поставленные по столыпинскому закону.

Косить луга Совет крестьянских депутатов постановил всем вместе, всем миром.

Греет солнце. Над лугами подымается аромат свежего сена. Далеко вокруг разносятся песни, смех, веселый говор...

10

На станции Арзамас стоял готовый к отправке воинский эшелон. От вагона к вагону, волоча за собой тяжелые мешки, с обезумевшим видом, перебегали бородатые мужики и растрепанные оборванные бабы.

Возле одной из теплушек человек в серой шинели и с котомкой за спиной, подняв вверх голову, кричал на ломаном русском языке:

— Пуститя, товарищи-благородия. Нам не далеко... До Казань...

Сверху, из открытой двери, блеснули штыки и высунулось несколько голов.

Человек с котомкой замолчал, ожидая ответа, потом заговорил снова:

— Не далеко мы... До Казань только...

— Да ты кто? — спросил его сероглазый красноармеец.

— Мы — мариец... Черемис... — оживился человек.— Мы фронт бывал, мы у немца плен бывал, четыре годов домой не ходил.— Он распрямил оттянутые котомкой плечи, вскинул правую руку к поломанному козырьку своего картуза и четко отрапортовал: — Сто двадцать шестого стрелкового полка, пятой роты, третьего взвода, второго отделения рядовой Макар Чужганов!

Красноармейцы в теплушке заулыбались:

— Наш, стало быть, фронтовой!..

— Из татар, что ли? Отстал он, ребята, по-царскому лепортует!

— Пустить, чего там! Слышь, из плена мужик.

Сероглазый красноармеец, видать по всему, командир, поднял руку, и в теплушке стало тихо.

— Документ есть? — строго спросил он.— Давай. А ржать тут, товарищи, между прочим, нечего. Тут воинский поезд. Незнакомых людей приказано не пускать.

Сакар — а человек в серой шинели был именно он— достал из котомки сложенный вчетверо лист бумаги и подал его сероглазому красноармейцу. Тот развернул бумагу, неторопливо прочитал и протянул ему руку:

— Лезь, товарищ!

Сакара затащили в вагон. Его тут же обступили красноармейцы. Они приветливо улыбались, расспрашивали, угощали табаком, а Сакар с растерянной и радостной улыбкой озирался вокруг и повторял:

— Вот спасибо-то, ваше благородие, вот спасибо-то!

— Благородия, брат, вывелись! — усмехнулся командир.— Благородий ты брось. Здесь не царская, а Красная Армия. Здесь не благородия, а товарищи!

— Восьмой эшелон—по местам!—раздалась команда.

Люди на станции загалдели еще громче, у вокзала прозвучал звонок, где-то впереди прогудел паровоз.

— Отправляемся! — крикнул командир.—Устраивайтесь, товарищи! Затем он повернулся к Сакару: — Тебе куда? Говоришь, за Казань?

— Казань, Казань... Царевококшайский уезд,— кивнул головой Сакар.

— Не попадешь! — сказал сероглазый.— В Казани чехословаки.

— Чеко-словак? — удивился Сакар.— Какой чекословак?

— Белая гвардия. Царя снова посадить на престол хотят генералы, купцы, попы,— стал объяснять командир Сакару.— Вышибать их едем. Сойти бы тебе, товарищ. Может, после лучше доедешь, а?

Сакар наморщил лоб, ему припомнились слова питерского рабочего Волкова.

— Цар, генерал, купца... — повторил он.— Им война надо? Зачем в Казань война?

— Генералы, купцы, попы хотят свергнуть Советскую власть, власть рабочих и крестьян. Генералам и купцам помогают кулаки, ну, значит, богатые мужики.

— Бедный крестьянин! — воскликнул Сакар.— Генерал бьет бедных крестьян?

— Так,— подтвердил командир.— Ну, что, может, останешься?

Сакар снова наморщил лоб, в его глазах промелькнул гневный огонь.

— Генерал бьет бедных крестьян! Нет! — твердо сказал он.— Не остану! Винтовка даешь, стрелять будем. Ты вышибать, мы вышибать!

Эшелон тронулся. Закачались на стыках вагоны. Проплыла и осталась позади станция. Сакар положил свою котомку под лавку. Красноармейцы потеснились и освободили ему место.

Целый месяц добирался Сакар до Арзамаса из Двинска, куда он попал из Германии после Брестского мира, когда начался обмен пленными...

Сакар лежал на верхних нарах, у стены. Он спиной чувствовал тепло тела лежащего рядом красноармейца. Давно уже ему не было так хорошо, как сейчас, давно он не слышал таких хороших, добрых слов, обращенных к нему. Красноармейцы приняли его в свою среду, как равного, они называли его «товарищем», как друг

друга, наперебой угощали его хлебом, селедкой, табаком из своего, не такого уж богатого пайка. Но всего дороже, дороже хлеба и табака было Сакару слово «товарищ».

Красноармейцы по-дружески расспрашивали Сакара, рассказывали о себе. Сакар даже удивился, как же это так получается: раньше, когда он говорил по-русски, его не понимали, а сам он зачастую не понимал русских, а сейчас он все понимает, и его понимают.

Всю свою жизнь рассказал им Сакар.

А когда дошел до того, как его били посреди леса по голове мешком, наполненным песком, и потом отдали в солдаты вместо Макара Чужгана, красноармейцы не выдержали, возмущенные возгласы прервали его рассказ:

— Вот сволочи!.. Вот окаянные!.. Расстрелять надо их, мерзавцев!

В разговор вмешался командир:

— Ты это верно говоришь? Не врешь?

Сакар поклялся, что все было именно так.

— Да, товарищи,— продолжал командир,— много страшных дел творилось в царской России, и всегда страдал рабочий или бедный крестьянин. Но теперь мы уничтожим всех кровопийцев! Товарищ Ленин нам указал правильный путь.

От сероглазого командира Сакар услышал много нового для себя: и о Ленине, и о революции, и о новой жизни...

— Ленин...— повторил он. Первый раз в жизни в его сердце затеплилась надежда на хорошую, светлую жизнь. Но дорогу к этой жизни, как он понимал, теперь придется прокладывать штыками и пулями.

Эшелон, в котором ехал Сакар, уже сутки стоял на станции Шихран.

Шихран жил фронтовой жизнью, куда ни посмотришь — везде вооруженные люди — красноармейцы, красноармейцы, красноармейцы...

Проходя мимо одного вагона, Сакар вдруг услышал марийскую речь. Он повернулся к говорившим и увидел двух молоденьких красноармейцев.

— Вы откуда, братцы?— по-марийски спросил Сакар, подбегая к ним.

Красноармейцы удивленно взглянули на него, и один, который был помоложе, ответил:

— Я из Аркамбала, а он — моркинский.

— Я тоже моркинский!— воскликнул Сакар и, быстро повернувшись к земляку, спросил:— Какой деревни?

— Из Лопнура,— ответил красноармеец.— А ты сам-то из каких мест?

— Потом все расскажу, потом,— торопливо заговорил Сакар.— Скажи прежде, братишка, чей ты?

— Я Иван, сын Василия Микитича. Ты знаешь кого-нибудь из нашей деревни?

— Раньше знал всех.

— Так кто же ты, дядя?

— Я кудашнурский... Сакар меня зовут...

— Сакар?!— воскликнули в один голос оба красноармейца.— Ведь ты же давно умер!

— Да, братишки, убивали меня, да не убили до смерти...

Красноармейцы, не веря своим ушам, с удивлением смотрели на него.

— Дядя Сакар, неужели и вправду это ты?— проговорил аркамбальский.— Я видел тебя, когда был маленьким, поэтому и не очень-то помню...

— Кто твой отец?— перебил его Сакар.

— Яшай Никифоров.

— Япуш!— радостно воскликнул Сакар.— А как твой отец с матерью? Живы? Как Чачи?..

Теперь Япуш поверил, что перед ним действительно Сакар, и разговор пошел иной — откровенный и душевный.

«Так вот как Чужганы расправились с Сакаром!»— удивлялись Япуш и Иван.

Япуш рассказал ему о Чачи. Рассказал, как кончил свою жизнь Макар Чужган.

Сакар опустил голову и долго сидел, задумавшись. С одной стороны он был доволен, что Григорий Петрович отомстил Макару. Будь он сам на его месте, он бы тоже поступил точно так. А с другой стороны, когда узнаешь, что твоя любимая вышла замуж за другого, не очень-то бывает радостно на сердце. Раньше такой поступок Чачи просто разозлил бы Сакара. Но теперь, после всего, что ему пришлось пережить и вытерпеть, он научился смирять свои чувства и хорошо думать, прежде чем давать волю гневу.

«Ведь тогда никто, кроме Григория Петровича, не

смог бы спасти Чачи от Чужганов,— думал он.— А Григорий Петрович себя не пожалел, чтобы спасти ее».

Складки на лбу Сакара разгладились, и он уже доброжелательно и спокойно спросил:

— А сейчас Чачи с Григорием Петровичем хорошо живут?

— Когда были в Аркамбале, хорошо жили. А потом в Казань уехали, не знаю, там они сейчас или нет. Я в июне записался в марийскую роту добровольцем, а когда нас разбили на Казанке, мы с Иваном у одного рабочего в Ягодной слободе трое суток прятались, потом он нас переправил за Волгу и вывел к красным.

— А старик Чужган жив?— спросил Сакар.

— Жив, он еще крепкий,— ответил Иван.

В это время, перекрывая шум, послышался громкий голос:

— Восьмой эшелон, по места-ам!

Сакар встал, торопливо пожал руки Ивану и Япушу.

— До свиданья! Может, еще увидимся...

— До свиданья, дядя Сакар. Увидимся обязательно, завтра и мы выступаем на позиции.

Три раза ударил станционный колокол, загудел паровоз, дернулись вагоны...

В Казань Григорий Петрович приехал, думая поступить учиться в университет, а работать в марийском комиссариате. Чачи тоже собиралась учиться. Захват Казани чехословаками нарушил все их планы. Григорию Петровичу и Чачи пришлось уходить из города.

Из Казани их вывез знакомый мариец в коробе из-под угля, который он привозил на базар. На мосту через Казанку телегу остановил часовой. Он долго и с недоверием рассматривал студенческий билет Григория Петровича. Но студенческий билет был старого образца, на нем красовался широко раскинувший крылья двуглавый орел, этот орел и убедил часового. А Чачи мужик выдал за свою дочь.

На пути Григорий Петрович с Чачи заехали в Ертыш к знакомому татарину Абдрахману. Абдрахман отсоветовал им возвращаться в Аркамбал:

— Ты, Григорий, в Аркамбал не ходи. Там Пан-

крат с сыном совсем прикончили Советы. Егора и Каври арестовали и в Казань отправили.

Григорий Петрович и Чачи поехали в его родную деревню. Но Чужганы откуда-то пронюхали, где находится Григорий Петрович, и стали подстрекать народ убить его, говоря, что Советам теперь пришел конец. Поэтому отец отвез Григория Петровича и Чачи к своей сестре в Лапкасолу, глухую деревню, стоявшую посреди маршанских лесов.

Тетка встретила племянника приветливо:

— Наша деревня на отшибе,— сказала она,— в укромном месте. Сюда никто не придет. А ежели будет опасность, то мой старик знает в лесу такие места, что туда никто не отыщет дорогу.

Но Григорий Петрович прожил у тетки всего три дня. Здесь было тихо и пустынно, только птицы пели в лесу. Никакие вести о том, что происходило вокруг, сюда не доходили. И эта неизвестность очень тревожила его. Подумав, он решил ехать в Аркамбал.

Григорий Петрович и Чачи пришли в Аркамбал поздно ночью и спрятались у Яшая. Яшай сказал им, что многие недовольны переменой власти, и Григорий Петрович понял, что можно будет поднять народ против белых. Он велел Яшаю собрать бедняков и бывших солдат, которым можно доверять, вечером в своей бане.

На следующий день почтальон из Царевококшайска рассказал, что на город идут красные отряды, что белые готовятся к бою, но вряд ли им удастся победить красных, у которых, как говорят, есть даже пушки.

Теперь Григорий Петрович начал действовать смелее.

Через три дня в Аркамбале народ поднялся против белых, и Панкрату Ивановичу вновь пришлось бежать. На этот раз уже навсегда.

Белые заминировали мост через Волгу, поэтому красный бронепоезд застрял на станции Свияжск. Заминированный мост охранялся пулеметом.

Сакар лежит на берегу, спрятавшись за бугорок. Над его головой свистят пули. Вокруг рвутся снаряды.

— Ура-а-а! — послышалось слева.

Цепь поднялась. Красноармейцы бегут к мосту. От моста застрочил пулемет. Упали скошенные пулями. Цепь поредела. «Ура» смолкло. Послышались стоны раненых.

На плечо Сакара легла широкая ладонь. Он обернулся, к нему подполз сероглазый командир. Кивнув в сторону моста, командир сказал:

— Ты говорил, что белке в глаз попадал. Глядика, «максим» стоит почти открыто. Попробуй.

Над головой Сакара свистнула пуля. И он почувствовал, что рука командира соскользнула с его плеча. Командир уронил голову, из раны над правым глазом потекла струйка алой крови.

Сакар припал к винтовке. Пулеметчик на одно мгновенье выглянул из-за зеленого щита. Сакар выстрелил. Лязгнул затвор, винтовка снова блеснула пламенем.

— Уло! Есть! — сказал он и, поглядев на безмолвно лежавшего командира, добавил: — Есть!

— Ура-а! Ура-а! — послышалось с правого фланга.

Красноармейцы поднялись в новую атаку. Они шли к мосту, не пригибаясь.

Вражеский пулемет молчал.

Час спустя по мосту за Волгу прошел красный бронепоезд.

На следующее утро части Красной Армии вступили в Казань. И в одном из красных отрядов, крепко сжимая в руке винтовку, шагал Сакар.

1937 г., 8 апреля

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. Муравьев. Первый марийский писатель 3

Элнет (роман)

Книга первая 13

Книга вторая 137

ВОЛЖСКИЕ ПРОСТОРЫ

Сергей Григорьевич Чавайн

ЭЛНЕТ

Роман

Перевод с марийского Вл. Муравьева
Оформление художника А. И. Алешина

Редактор Р. М. Апакаева
Художественный редактор Р. Е. Янгильдин
Технический редактор Е. М. Данилова
Корректор Р. М. Баринова

ИБ № 793

Сдано в набор 25.09.80. Подписано к печати 17.02.81. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 3. Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Учетно-изд. л. 13,9. Тираж 75000 (40001—75000). Заказ № 591. Изд. 99. Цена 1 руб. 30 коп. Марийское книжное издательство, 424031, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44. Марийская республиканская типография, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.

В очередных выпусках зональной серии «Волжские просторы» Марийское книжное издательство предполагает опубликовать следующие произведения:

Ким Васин. На земле Онара, *повесть.*

Миклай Казаков. В стороне моей марийской, *стихи.*

Вениамин Иванов. Буря, *роман.*

Яков Элексейн. Род Тоймаков, *повесть.*

Николай Заболоцкий. Избранное, *стихи.*

1 р. 30 к.